

Александр Дмитриевич Прозоров Алексей Живой Возмездие

Легион – 7

Л.
«Возмездие / Александр Прозоров, Алексей Живой»: Ленинградское издательство;
СПб.; 2011
ISBN 978-5-9942-0728-4

Аннотация

Армия Гасдрубала окружила Карфаген и начала его штурм. Гасдрубал понимает, на прорыв мощнейших укреплений может уйти много времени. Федор Чайка, движимый желанием освободить из плена жену и ребенка, предлагает тайно пробраться в город и подготовить восстание, которое поможет захватить город. В Карфагене много недовольных сенатом, согласившимся на союз с Римом, и его власть теперь держится только на военной силе. В случае победы восстания в Африке уже ничто не сможет помешать армии Ганнибала начать последний поход на Рим.

В далеком Крыму сарматы, подстрекаемые Римом, нанесли предательский удар в спину своим бывшим союзникам скифам. Их царь Илур приказывает Ларину вернуться и принять участие в новой войне. На степных просторах причерноморских степей Ларину предстоит вновь повстречаться с амазонками, для которых он теперь враг.

Александр Прозоров, Алексей Живой

Возмездие

Глава первая «Неприступные стены»

Просвистев над ухом, стрела унеслась дальше, и тотчас Федор услышал позади себя сдавленный стон. Едва не задев его самого, стрела все же нашла свою жертву. С глухим чавканьем она вонзилась в плечо артиллериста, возившегося с торсионными баллистами. Тот рухнул на землю, истекая кровью, и на чем свет стоит, поминая лучников, засевших на стенах Карфагена.

– Ублюдки! – выругался Летис, находившийся вместе с Урбалом и Чайкой, на башне передовой линии укреплений, и потряс кулаком, угрожая лучникам противника, – ну, я до вас доберусь. Подождите, немного осталось.

– Позови лекаря, – приказал Федор одному из артиллеристов, бросив быстрый взгляд на раненного, который, сжав зубы от боли, пытался самостоятельно вытащить стрелу. И добавил, уже обращаясь к нему, – а ты не трепыхайся, целее будешь.

Раненый артиллерист нехотя подчинился, хотя по всему было видно, что сильная боль терзает его. Просто лежать и молча жать помощи, было выше его сил. Однако, он привык доверять командиру, который пользовался среди солдат большим авторитетом, а потому затих, и стал ждать лекаря, стиснув зубы, чтобы не кричать. К счастью помощь прибыла быстро, бойца оттащили в сторону, расстегнули панцирь и занялись ранами. По раздавшимся вслед за этим крикам, которые мгновенно смолкли, Чайка понял, что лекарь быстро вынул стрелу.

– Терпи казак, – проговорил он вполголоса, обращаясь к потерявшему сознание бойцу, – атаманом будешь.

В этот момент еще две стелы, пущенные со стен, пронеслись над головой Федора. Одна из них даже задела его шлем, но чиркнув по блестящему металлу, отлетела в сторону, не причинив вреда.

– Лучше пригнись, – посоветовал стоявший рядом Урбал, – лучники явно тебя заметили, а перед началом штурма Гасдрубал вряд ли хотел бы остаться без командующего западным крылом.

– Не дождетесь, – усмехнулся Федор, но все же присел, спрятавшись за зубцом стены, прежде чем снова выглянуть наружу.

А посмотреть было на что. Если на мгновение забыть о стенах самого Карфагена, возвышавшихся на расстоянии полета стрелы, то осадные укрепления, возведенные прямо напротив этих стен, тоже заслуживали внимания. Инженеры Гасдрубала постарались на славу, недаром осадный обоз в Карфагенской армии, как по привычке называл ее Федор Чайка, был самым мощным. Строить укрепленные лагеря, наводить мосты и переправы, рыть траншеи для инженеров, служивших теперь Баркидам, было не в новинку. Уже не раз они доказали свое умение в борьбе с римлянами и греками, а вот теперь приходилось применять это умение против своих соплеменников.

«Да, – поймал себя на неприятной мысли Федор, скользнув взглядом по зубчатому верху городских стен, – и там финикийцы, и здесь. Брат на брата». Однако, поразмыслив немного, решил, что те, кто прячутся за стенами этого, некогда любимого им города, и, особенно, те, кто ими управляет, уже давно ему не братья. А сам Карфаген он все также любил, хотя и стоял теперь под его стенами с внушительной армией, желавшей предать его огню. «Интересная штука, жизнь, – мысленно усмехнулся Федор, рассматривая город, в котором появился много лет назад и неожиданно быстро обрел здесь все, чего был лишен в Италии, а потом опять все потерял, – и кто бы мог подумать, что все так повернется».

Город, расположившийся на полуострове, казался огромным и неприступным. На перешейке, отделявшем Карфаген от материка, строившие его в древности финикийцы возвели сразу три ряда укреплений высотой примерно метров в пятнадцать, а толщиной никак не меньше десяти метров. Со стороны моря полуостров защищала только одна стена, зато существовала еще одна внутренняя, отгораживавшая город от акватории порта. А между ними в минуты опасности прятался карфагенский флот, надежно защищенный со всех сторон. Сейчас, однако, кораблей там было не слишком много, одна часть сенатского флота погибла, а другая ушла в Италию, чтобы помочь римлянам захватить Тарент и умертвить самого Ганнибала, решив тем самым исход войны. Но Федор сомневался, что у них это получится и надеялся, что они смогут управиться с Карфагеном раньше.

– Еще посмотрим, кто быстрее, – пробормотал он, хотя уверенности, после осмотра укреплений, в его словах не прибавилось. История еще не знала примеров взятия этой цитадели финикийцев, если не вспоминать те далекие годы, когда Карфаген еще был небольшим поселением и зависел от своих соседей-нумидийцев, то и дело разорявших молодую торговую факторию набегами.

Продолжая осмотр, Федор припомнил, что укрепления Карфагена возвышались не только над землей. В мощных зубчатых башнях, разделенных на этажи и напичканных метательными машинами, были устроены многочисленные подвалы, уходившие под землю также почти на десятиметровую глубину. Во всяком случае, так ему показалось, когда он там однажды очутился по торговым делам вместе с Акиром. Эти сооружения были отведены в основном под арсеналы, но использовались по назначению далеко не все, – хватало казарм и складов в самом городе. И чтобы подвалы не пустовали в мирное время, там оборудовали разнообразные склады для многочисленных торговцев, а в некоторых даже тюрьмы или отстойники для только что захваченных рабов, откуда их разбирали все те же торговцы, постоянно нуждавшиеся в рабочей силе.

– Такую стену тараном быстро не расшатает, полжизни уйдет, – разочарованно пробормотал Чайка, и добавил мечтательно, – Взорвать бы...

Однако, никакого динамита у него в запасе не имелось. И в такие минуты Федор жалел о том, что не захватил с собой из будущего сюда и пары ящиков взрывчатки или хотя бы гранатомет. Очень быгодились. Но, как говорится, не подготовился, поэтому приходилось обходиться подручными средствами. До сих пор Федор как-то выкручивался. «И на этот раз справлюсь, – подбодрил он себя, переводя взгляд на Урбала и Летиса, также взиравших на близкий Карфаген сквозь зубцы укреплений, придвинутых вплотную к городу, – боги пошлют мне идею».

Вспомнив о богах, он, продолжая скользить взглядом по усеянному разнообразными строениями холмам Карфагена, что возвышались за третьей стеной, не мог не заметить древней цитадели, венчавшей собой самый высокий и живописный холм, различимый отовсюду, даже со стороны моря. Это была Бирса, самое старое строение города. У подножия Бирсы, этого Федор не мог видеть, но помнил отчетливо, находилась широкая, мощеная камнем площадь, куда сходились три улицы, – Форум Карфагена. А хорошо различимая вершина холма была увенчана величественным пирамидальным зданием.

«Храм Эшмуна, – отметил про себя Федор, словно вспоминая местные достопримечательности, – бога здоровья и врачевания».

О здоровье богатые финикийцы, проживавшие в этом городе, действительно привыкли заботиться. Да и медицина была у них в почете. Впрочем, отцы-основатели этой богатейшей торговой фактории понимали, что для собственного спокойствия, заботиться нужно не только о себе. В городе существовала разветвленная сеть канализации и водоснабжения и вода, к большому огорчению Гасдрубала, подавалась не по акведуку с окрестных вершин, где находились ближайшие источники. Внешний водопровод, само собой, командующий велел бы перерезать в первую очередь, едва появившись под стенами. Но в Карфагене на случай войны имелись собственные подземные хранилища воды. Настолько обширные, что от них даже питалась сеть фонтанов, разбросанных по всему городу и служивших местом

отдохновения и увеселения народа. Чего стоил только знаменитый «Фонтан тысячи амфор», о котором знали далеко за пределами Карфагена.

Струйка пота стекла по лицу из-под шлема, заставив Федора вздрогнуть и отогнать воспоминания о фонтанах, в тени и прохладе которых можно было отдохнуть посреди жаркого дня. Он не испытывал жажды, воды в лагере было предостаточно, однако, такого комфорта, в котором нежились зажиточные жители Карфагена в походном лагере армии Гасдрубала, конечно, не было.

– Ничего, это ненадолго, – пробормотал Федор, сплевывая от досады, и вспоминая свой уютный особняк в квартале зажиточных воинов и торговцев средней руки под названием Мегара, в котором теперь жил кто-то другой, – Жаль губить такую красоту, а что делать. Его нынешние хозяева без боя ничего не отдадут. Особенно Магон и Ганнон, им ведь тоже жаль все терять.

Его взгляд еще долго блуждал по кварталам бесконечного города, выхватывая из общего ряда знакомые строения, а затем перекинулся на морскую акваторию, где, словно ленивые акулы в ожидании добычи, дремали квинкеремы Гасдрубала, сторожившие выход из гавани.

«В общем, как ни крути, – подумал Федор, скрипнув зубами, – а отсиживаться за такими стенами, имея к тому же большие запасы воды и продовольствия, можно долго. Только, меня надолго не хватит. Как представляю, что эта римская сволочь может в любой момент поднять руку на мою жену и сына, которых держит при себе, как заложников, – просто выть хочется. Надо что-то придумать, чтобы эта неприступная твердыня все-таки пала».

А поразмыслив еще немного, он даже молча усмехнулся: «Не зря же боги перенесли меня в это время. Значит, у них был для меня какой-то план. Может быть, это именно он?».

Раздавшийся неподалеку стон, вывел Чайку из созерцания окрестностей великого города. Это пришел в себя раненый артиллерист, который стонал, пока лекари с помощью солдат грузили его на носилки, чтобы отнести в местный лазарет.

– Будет жить? – поинтересовался Федор, когда носилки проносили мимо него.

– Будет, – кивнул низкорослый лекарь в забрызганном кровью хитоне, – правда, снова в бой ему не скоро. Отлежаться надо.

– Пусть лежит, – кивнул Федор, – он хороший артиллерист, а осада долгая. Такие нам еще пригодятся.

Когда же носилки унесли вниз по лестнице, Чайка обвел взглядом оставшихся артиллеристов замерших в ожидании его команды, и вдруг, повысив голос, рявкнул:

– А вы чего расслабились? Быстро заряжайте баллисты и чтобы те, кто это сделал, пожалели о том, что родились на свет. Цельтесь вон туда, под навес на стене. Там должно быть много солдат.

Артиллеристы встрепенулись. На баше стояло две баллисты. Расчет одной из них мгновенно выполнил команду «заряжай», а расчет второй, понесший потери, тоже не слишком задержался. Раненного подменил другой боец из спейры пехотинцев находившихся здесь же, в башне, на случай вылазки защитников города.

– Вот это хорошо, – поддержал воинственные приготовления Летис, невольно схватившись за рукоять подвешенной к поясу фалькаты, – а то, сколько можно сидеть без дела.

Федор ничего не ответил, молча кивнув. Он был согласен с другом. Хотя с тех пор, как они отрезали Карфаген от мира по суше и по морю, Гасдрубал предпринял уже не один штурм. Но все они, сколь бы яростны не были, так и не позволили прорваться даже за первую линию укреплений. Защитники стояли насмерть, понимая, что это их последний шанс уцелеть. Если они не удержаться на стенах, то крах сената неизбежен. Впрочем, за такими стенами не смог бы удержаться только совсем бездарный полководец, а насчет Эндимиона, несмотря на все поражения, Федор такого сказать не мог. Дрался тот не плохо, хотя и не так хорошо, как Гасдрубал. Именно поэтому первый сейчас отсиживался за

стенами, а второй их штурмовал.

– Давай, – перехватив озадаченный взгляд Урбала, махнул рукой Чайка. Взгляд этот был ему понятен, защитники могли принять обстрел за начало нового штурма, и главнокомандующий вряд ли бы одобрил такие самовольные действия, но Федору вдруг очень захотелось взбодрить солдат Эндимиона на свой страх и риск. Тем более, что последний штурм был уже дней десять назад, а наступившее с той поры затишье показалось ему целой вечностью.

Обе баллисты вздрогнули, послав свои каменные гостинцы в полет. Просвистев положенное расстояние два ядра, почти одновременно, ударились в навершие стены, выбив из нее каменные брызги. По приказу Федора артиллеристы целились в небольшое строение, возведенное недавно из бревен прямо на стене, неподалеку от высокой башни. Это был какой-то навес, чей козырек выступал над стеной на пару метров, скрывая от посторонних глаз, все, что там происходило. Федор подозревал, что под козырьком находилось устройство, позволявшее с помощью рычагов опрокидывать огромный чан со смолой прямо на головы штурмующих солдат. В Карфагене не было Архимеда, но и без него толковых оружейников, способных придумать нечто подобное, среди финикийцев и служивших им народов, хватало. Подозрения Чайки были не беспочвенны, – этот навес появился сразу после второго штурма и находился в непосредственной близости от башни с воротами, то есть, на стратегическом направлении. Именно сюда во время прошлого штурма, прежде всего, попытались взобраться солдаты Чайки, когда им было приказано захватить башню и открыть ворота, к которым так и не смогли подтащить таран.

– Эх, выше надо было брать! – от досады взмахнул рукой Летис, не увидев после залпа ни одного размазанного по стене вражеского солдата, – вы куда целитесь, лентяи, ослепли что ли?

– Ничего, пристреляются, – философски заметил на это Чайка, – они свое дело знают.

И артиллеристы, услышав такие слова, его не подвели. После первого залпа на стене уже началась суеда, а после второго, когда одно из ядер угодило в край навеса, разметав в щепки левую опорную балку, настоящая паника. Раздался явно различимый скрежет и навес покосился вперед. Казалось, обрушиться вниз, ему мешает только то, что балки уперлись в стену. Из-под под навеса с воплями стали выскакивать солдаты, но Федор сначала не мог понять, отчего они подняли такой шум. И лишь когда новое ядро угодило точнехонько в навес, развалив его на две части, раздался грохот, и что-то массивное упало на камни, Чайка понял, в чем дело. Последние сомнения отпали, когда по стене вниз поползла темная маслянистая жидкость.

– Я так и думал, – обрадовался Чайка своей прозорливости, они там чан со смолой поставили, и добавил, когда ему в голову пришла новая идея, – а ну-ка лучников ко мне.

Когда четверо бойцов с длинными луками возникли перед командующим, прибывшим на позиции для обычной инспекции и неожиданно затеявшим новый штурм, Федор приказал, махнув рукой в сторону сновавших по стене солдат противника.

– Видите черное пятно? Это смола. Запалите-ка мне этот сарай, да так чтобы получился настоящий пожар.

Лучники, которым изрядно наскучило сидеть без дела, с радостью принялись за выполнение приказа. Они быстро раздобыли пакли, обмотали ей несколько стрел, подожгли и пустили в указанном направлении десяток огненных гостинцев. Результат не заставил себя ждать. Вскоре, разлитая по стене смола вспыхнула, и пламя охватило не только полуразрушенный сарай, но и метров двадцать прилегавшей к нему стены. Языки огня лизали стену даже снаружи. Федор своими глазами видел, как со стены вниз сорвался человек, доспехи которого были объаты пламенем. С дикими криками он пролетел пятнадцать метров и камнем рухнул в ров, где его крик оборвался навсегда.

– Не повезло парню, – усмехнулся Летис, подмигнув Чайке и радуясь разрастающемуся шуму в стане врага. Черный дым валил уже вовсю, словно горела нефтяная скважина, заволакивая даже рядом стоявшую башню и внезапно лишив видимости артиллеристов

противника. В башне тоже стояли баллисты. И даже побольше чем у Федора.

– Добавьте-ка еще пару ядер, – приказал Федор своим артиллеристам, – для порядка. И соседям передайте, чтобы отметились.

– Ох, не одобрит этого Гасдрубал, – пробормотал осторожный Урбал, которому, однако, тоже не терпелось уже принять хоть какое-то участие в сражении.

– Ничего, – отмахнулся Федор, – сарай сгорит так быстро, что он и узнать не успеет.

Артиллерия осаждавших заработала сразу с нескольких осадных башен. Сарай, после попадания очередного ядра, рассыпался огненным фонтаном, часть которого обрушилась за стену, только усилив там переполох. Ядра артиллеристов Гасдрубала забарабанили по стене, сметая с нее десятками солдат Эндимиона, но заставив и защитников прийти в ярость. Вскоре артиллерия Карфагена начала отвечать и ядра забарабанили уже по стенам укреплений нападавших. То тут, то там слышались стоны раненных. Артиллерийская дуэль быстро переросла в настоящий массированный обстрел позиций с обеих сторон.

– Да, – невольно усмехнулся Урбал, глядя, как ядра вышибают целые бревна из башен и частокола, разрушая и без того потрепанные деревянные укрепления, – Гасдрубал этого точно не заметит.

– Думаю, ему будет некогда, – в тон другу кивнул Федор, выглядывая из-за зубцов башни в сторону городских стен, – Поскольку придется отражать вылазку врагов. Как говорится, не атакуешь ты, атакуют тебя. А если мы победим, то он не будет слишком обижен на нас за эту небольшую заварушку.

– Ты здесь командир, – подвел итог Урбал, вслед за другом посмотрев в сторону ближайших ворот противника, из которых выбегал отряд пехотинцев, тащивших на себе осадные лестницы, – тебе решать. Похоже, ты сильно насолил нашему другу Эндимиону своей «легкой заварушкой» раз он решил немедленно отомстить.

– Тогда не будем отсиживаться за стенами, – решил Федор, сбегая вниз по лестнице, – мы слишком долго строили эти укрепления, чтобы дать врагу захватить их или уничтожить. Пора размяться на свободе.

А когда увидел, что оба друга устремились за ним, разрешил сделать это только Летису.

– Ты останешься здесь, командовать обороной, – приказал он Урбалу, и добавил, усмехнувшись, – должен же кто-то отчитаться перед Гасдрубалом за те глупости, что я только что натворил, если вдруг боги не пошлют мне удачу.

Отряд пехотинцев, а это были не спартанцы, как почему-то ожидал Федор, состоял примерно из трехсот человек. Подняв лестницы, они преодолели сухой ров по мосту, – едва захватив предместья, Гасдрубал приказал засыпать крайние оконечности рва, отчего вода в ров перед стеной больше не поступала, – и направились напрямик к башне, с которой был обстрелян сарай, догоравший сейчас на стене.

Когда они устремились вверх по холму, вершину которого венчали насыпь и сооруженные поверх нее укрепления армии Гасдрубала, Федор уже покинул эти укрепления через массивнее ворота и ждал гостей, выстроив своих солдат вдоль стены. Расстояние между противниками, и без того не большое, быстро сокращалось.

Солдаты Федора, затянутые в темно-синие кожаные панцири стояли, высоко поднимая щиты, поскольку их начали обстреливать лучники со стен крепости. В ответ, из укрепленного лагеря отвечали свои лучники. Над головами бойцов Чайки стало тесно от стрел.

– А ну, бойцы, – воскликнул Федор, когда между передними рядами противников осталось не больше тридцати метров, – покажем этим ублюдкам, кто здесь лучше воюет. За мной, орлы Ганнибала!

Его крику вторил рев Летиса, который выхватил фалькату и бросился вперед, опередив самого Федора. Не прошло и нескольких мгновений, как сверкавшие на солнце шлемами, щитами и остриями мечей отряды сшиблись друг с другом. И первым, кто нанес удар противнику, конечно, был Летис. Обогнав своего друга буквально на несколько шагов, здоровяк двумя ногами прыгнул на щит, в испуге выставленный слегка оторопевшим

пехотинцем, в последний момент узревшим какой гигант на него бежит. Это было роковой ошибкой. От такого толчка пехотинец отлетел назад, выронил щит и пропал под ногами своих сослуживцев. А Летис, размахнувшись фалькатой, словно эпический богатырь, одним ударом снес голову следующему бойцу сената. Продвижение противника он, если не остановил, то, во всяком случае, пробил в рядах наступавших широкую брешь, в которую за ним следом вклинилось еще человек пять, включая самого командующего западным крылом.

– Вперед, морпехи! – орал Федор, хлестким ударом сверху вниз разрубая неосторожно выставленную ногу своему противнику, – где мы, там победа!

Финикийцы Гасдрубала рассекли на несколько частей этот отряд, явно не ожидавший контрнаступления, и продолжали давить по всему фронту. Но, солдаты сената, оправившись от первого потрясения, тоже не собирались быстро сдаваться. Бой распался на части. Положение осложнялось тем, что солдаты обоих отрядов бились прямо под стенами. Сверху на их головы до тех пор, пока колонны не перемешались, сыпались стрелы. Артиллеристы до последнего забрасывали сражавшихся каменными ядрами. На глазах Федора, который в пылу атаки оказался с горсткой морпехов среди вражеских бойцов, ядром пробило целую кровавую просеку. Причем было не разобрать, чье это ядро, свое и ли чужое. Оно прилетело откуда-то издалека и убило трех солдат Чайки и пятерых пехотинцев сената.

На мгновение, отвлекшись на это зрелище, Федор едва не пропустил удар в голову. К счастью, вовремя выставленный щит спас ему жизнь, – клинок противника со звоном соскользнул вниз. В ответ Федор сделал выпад и острием своей фалькаты вспорол противнику панцирь на животе. Кровь потекла по ногам пехотинца. Он еще пробовал защищаться, но Чайка добил его мощным ударом в шею. Выронив щит и меч, тот упал на выжженную солнцем землю, буквально в трех шагах от кровавой борозды, оставленной ядром и усеянной сейчас частями человеческих тел.

Оглянувшись по сторонам, Чайка понял, что они в окружении. Вместе с Летисом в его группе оставалось не больше пятнадцати бойцов, а от остальных отряд Чайки отделяло несколько шеренг пехотинцев сената. «Приплыли, – мотнул головой Федор, позабывший об осторожности и, приготовившись продать свою жизнь подороже, – жаль так глупо умирать, но зато с клинком в руке. Хотя бы весело».

Он уже собирался издать боевой клич и призвать морпехов к прорыву сквозь ряды неприятеля к своим, но то, что он увидел в следующее мгновение, его просто потрясло. Крик застрял в глотке от удивления. Летис тоже уразумевший, что жить им осталось недолго, если не предпринять срочных мер, вдруг прыгнул в сторону, ударил ближнего пехотинца сената мечом и схватился за осадную лестницу. Ее тащили на себе четверо солдат противника, оказавшиеся рядом. Еще двое морпехов помогли Летису очистить ее от цеплявшихся рук, просто отрубив их. Они не понимали, чего хочет Летис, но сделали все верно. А сам великан резким движением вдруг вздернул лестницу вверх.

– Ты что, – крикнул Федор в изумлении, – к богам поближе собрался?

Но Летис не ответил. Он лишь толкнул лестницу вперед на шеренги противника и, пока она падала, устремился по ней бегом. Летис успел пробежать по лестнице метров семь, подминая под себя солдат сената, пытавшихся прикрыться щитами. А, когда она вдруг закончилась, просто прыгнул с разбега в самую гущу врагов. Но это, как успел заметить Федор, было уже почти на самом краю отряда сенатских пехотинцев. Оттуда раздался грозный рык, и тотчас полетели головы. Летис был без щита, но этот только прибавило ему прыти. С другой стороны на выручку Летису и остальным ударили морпехи.

– Ребята, – радостно воскликнул Федор, когда заметил просеку на месте «утопленной» в порядках противника лестницы, возникшую после прорыва его друга – путь свободен. Осталось только выйти из окружения. Вперед, за мной!

Объединившись с остальными, морпехи опрокинули остатки отряда противника, которому так и не удалось добраться до башни и отомстить за обстрел. Больше того, быстро скрывшиеся в крепости нападавшие потеряли здесь половину своих людей и все лестницы.

– А ты молодец, – похвалил Федор своего друга, когда все было кончено, и они,

закинув за спину вновь обретенные щиты, шагали вверх по склону, стремясь быстрее укрыться от стрел разъяренных защитников крепости, — просто герой. Гасдрубал будет тобой доволен, когда я расскажу ему об этом.

— Не стоит, — поскромничал Летис, придерживая ножны хлеставшей по ногам фалькаты, — я сам не ожидал от себя. Просто надо было что-то делать.

— А впрочем, — добавил Федор, быстро согласившись, едва заметил на башне несколько знакомых шлемов с плюмажами, — ты, лучше сам ему расскажешь. А мне итак найдется, о чем с ним поговорить.

Глава вторая «Воля богов»

Ветер был для скифов попутным, также как и для приближавшегося с юга неприятеля, а значит, слабая надежда проскочить вдоль берега все еще оставалась. Сколь ни был грозен скифский адмирал, взиравший с кормы «Узунлара» на огромный флот греков, почти заблокировавший ему обратный путь, а сражаться с такой армадой ему не особенно хотелось. И не потому, что он боялся, — Леха Ларин греков не боялся, он хоть сейчас бросил бы все свои силы в героическую, но последнюю атаку. Ему было просто обидно. После столь блестяще проведенного налета на неприятельские тылы, захватив столько добычи, — корабли просели в воду почти на метр под грузом греческого золота и живого товара, — и, сполна отомстив своему давнему врагу Иседону, Ларин немного утомился воевать. Он даже отказался от схватки со спартанцами, хотя просто руки чесались намылить шею этим самовлюбленным воякам. Ему впервые просто хотелось мирно вернуться в родную гавань.

В это утро адмирал уже настраивался на долгое и безмятежное плавание. Тем более, что Иллур вызвал его письмом не в Малую Скифию, до которой было рукой подать, а в «далекий» Крым, добираясь до которого можно было успеть немного расслабиться. Но... не тут-то было. Греческий флот, о котором так много и давно говорили, и в прибытие которого Ларин уже не верил, как во второе пришествие, все-таки прибыл. И сделал это в самый неподходящий момент.

— Нет, ну какие сволочи эти афиняне, — возмущался скифский адмирал, поглядывая как разворачивает строй, пытаясь сомкнуть кольцо, объединенная армада греческих кораблей, большинство из которых были, без сомнения, афинскими, — сидели бы себе дома, пока до них очередь не дошла. А тут, — на тебе, нарисовались!

То, что ему не дадут уйти без боя, Леха Ларин понимал прекрасно. Не для того здесь собралась столько быстроходных военных кораблей. Насчитав больше сотни триер в открытом море, он перестал заниматься этим делом и безнадежно махнул рукой, даже не попытавшись определить число квинкерем. Одной больше, одной меньше, — какая разница. Это было уже не важно. Для того чтобы пустить на дно его пусть и сильный, но не такой могучий флот было вполне достаточно и половины этих кораблей.

Но, Леха просто не умел сдаваться. Загнанный в угол он всегда выбирал одно, — атаковать. Иначе был не приучен. «Помирать, так помирать, — примирился он со своей судьбой, — но сделать это надо так громко, чтобы до самых Афин слух докатился, что нет сильнее скифских моряков».

— Если отрежут путь, ударим вдоль берега, Темир, — решил не мудрствовать Леха, отдавая приказ капитану флагманской квинкеремы, который должен был транслировать его дальше, — курс не менять. Ближе только триеры неприятеля. Если попробуют остановить, мы сомнем их своей мощью...

И добавил вполголоса, чтобы его никто не услышал:

— ...сколько сможем, пока не сомнут нас. Я хочу подороже продать свою жизнь.

Темир, кивнул, удаляясь.

Меж тем, греки совершали какие-то мелкие перестроения, словно никуда не спешили, и некоторое время флот Ларина двигался беспрепятственно параллельными курсами с врагом.

Было видно, что грекам нелегко даются маневры. Попутный ветер помогал им догонять флот Ларина, уходивший в сторону Малой Скифии, но скорее мешал пока атаковать его, поскольку для этого всем кораблям нужно было совершить поворот на большой скорости с риском перевернуться или протаранить друг друга, а затем двинуться на сближение со скифами. Лучше всего в этом случае было обогнать флот Ларина и, развернувшись, встретить в «лобовой» атаке. Именно это и пытались сделать триеры авангарда, оторвавшиеся от основной массы кораблей.

— Боги на моей стороне! — прокричал Леха, погрозив кулаком неизвестному наварху, — Ураган на вашу голову. Попробуй, останови нас!

Погоня, к радости Ларина, затянулась. Одесс, вместе с «умывшимися» спартамцами, остался далеко позади и давно скрылся за целой чередой прибрежных скал. Когда настало время для битвы, погода вдруг резко испортилась, — ветер пригнал целый табун дождевых облаков, — не говоря уже о том, что быстро наступал вечер. Враг сомкнул, наконец, кольцо окружения, но его корабли стали быстро таять в предвечернем сумраке, наполненном влагой. Из-за дождя видимость резко упала, хотя до ночи еще оставалось немало времени.

— Смотри-ка! — потешался Леха, удивленный тем, что боги так быстро ответили на его молитву, — похоже, намечается шторм. Лучше и быть не может. Так, глядишь, еще и проскользнем.

Он приблизился к борту, обойдя баллисту, и схватился за ограждение, пытаясь взглядом проникнуть сквозь строй поджидавших его впереди кораблей. Триеры греков уже спустили паруса и убрали мачты, изготовившись к атаке, отчего стали почти неотличимы от морской глади. Момент истины приближался. Но Ларина это ничуть не пугало, даже наоборот. Узрев, что творится с окружающим миром, где назревал шторм, он испытал настоящий восторг. Леха любил стихию, быть может, оттого, что сам был ей подстать. Несмотря на мощный ветер, он рискнул и приказал не снимать парусов. Его флот, ударной группой которого были сейчас квинкеремы, несся вперед навстречу судьбе, разрезая волны с такой скоростью, что корабли скифов едва ли не черпали массивными носами воду.

Адмирал, так увлекся созерцанием этого полета в быстро сгущавшихся сумерках, что даже позабыл ненадолго о том, куда они так летят. И вспомнил о греках лишь тогда, когда сквозь вой ветра до него донесся какой-то треск. Удивленный адмирал успел заметить, что «Узунлар» со всего маху наскочил на греческую триеру, оказавшуюся на его пути, разнес в щепки ее изящную корму своим окованным медными пластинами тараном, и полетел дальше, оставив греков наедине со своим любимым Посейдоном.

— Прощайте! — издевался Ларин, посмотрев туда, где только что была триера, — хреновые из вас моряки, оказывается.

Тем временем «Узунлар» проскрежетал вдоль борта еще одной триеры, переломав ей все весла, и тут же, не преодолев еще, казалось, и сотни метров, с грохотом врезался в следующую.

— Да сколько же вас тут! — выругался Леха, вдруг заметив, что «Узунлар» резко потерял ход.

На этот раз удар пришелся в носовую часть. Триера получила пробоину и вроде бы стала тонуть, но вскоре выяснилось, что она крепко застряла на таране скифского судна, пытавшегося на всех парусах прорваться сквозь греческое заграждение.

— Черт побери, — матерился по-русски адмирал, глядя в мокрую мглу прямо по курсу, — Темир, надо от нее избавиться, иначе мы дотащим эту триеру до Малой Скифии, если раньше не пойдем на дно вместе с ней.

— Убрать паруса! — нехотя приказал капитан, понимая, что теперь, потеряв ход, они могут стать добычей ближайших триер, словно стая акул притаившихся в сумерках. Но другого выхода не было. Продвигаться вперед с висевшим на таране кораблем тоже было невозможно.

В этот момент что-то звонко щелкнуло Ларина по медному шлему, отскочив в сторону. Затем рядом вскрикнул морской пехотинец, — получив стрелу в шею, он рухнул на мокрые

доски палубы. А вслед за этим адмирал увидел, как из мокрого мрака, словно черти из преисподней, на палубу его корабля ловко карабкаются греки с поверженной триеры. Несколько человек со щитами и мечами уже перебралось на палубу «Узунлара».

– Мне такие гости не нужны! – пробормотал Леха, чудом уклонившись от очередной стрелы, и рывкнул на стоявшего неподалеку командира морпехов, – Сбросить эту падаль в море! Очистить палубу от греков!

Тот отдал несколько приказаний и бойцы в кольчугах, размахивая мечами и топорами, бросились в драку с греческими гоплитами. Греки, которым было уже нечего терять, решили попытать счастья в абордажном бою и захватить скифский корабль. Но адмирала «степняков» такой поворот событий не устраивал.

К этому моменту греков на носу квинкеремы набралось уже человек двадцать. Скифы окатили их градом стрел, проредив немного, а с остальными схватились на мечах. Гоплиты свое дело знали, и драка завязалась жаркая, несмотря на численное превосходство скифов.

Между тем, выполняя приказ капитана, матросы убрали паруса, а гребцы дали задний ход. «Узунлар» медленно стал двигаться против ветра, со скрежетом избавляясь от мешавшего груза. Увидев и услышав это, греки замесались по палубе скифского корабля еще сильнее. Кроме того, остававшиеся до сих пор на полупритопленной триере бойцы, видя неминуемую смерть своего корабля, из последних сил, цепляясь за все, до чего могли дотянуться, принялись карабкаться вверх и вскоре на палубе «Узунлара» появилось еще дюжина гоплитов.

– Смотри по стонам! – приказал Ларин капитану, нервно хватаясь за рукоять висевшего на поясе меча и бешено вращая глазами, словно пытался пронзить взглядом окружающую тьму, – того и гляди, еще кто подкрадется. Тут же этих греков не меряно.

К счастью, его опасения оказались напрасными. Во всяком случае, пока. Бой шел уже давно, но за это время никто больше не протаранил «Узунлар», отягощенный грузом и по сути обездвиженный, хотя корабль и представлял собой легкую мишень.

Когда поверженная триера исчезла в морской пучине, избавив «Узунлар» от ненужного груза, корабль так сильно качнуло с носа на корму, что многие из сражавшихся попадали на палубу. Поняв, что пути назад уже нет, оставшиеся греки предприняли отчаянную попытку прорыва, которая им удалась. Человек семь гоплитов, прорубившись сквозь строй скифских морпехов, бросились на корму в отчаянной попытке обезглавить комсостав «Узунлара». Но скифские вожди были не из трусливых. Ни капитан, ни адмирал, ни еще пара военачальников, оказавшиеся рядом, не стали прятаться за спинами морпехов. Даже наоборот.

Когда в нескольких шагах показались греки, едва различимые во мраке по отсветам на доспехах и клинках, Ларин даже обрадовался. Его горячая кровь уже бурлила от предвкушения хорошей драки. Хотя в такой темноте, трудно было разобрать, где свои, а где чужие, и ему большого труда стоило не отдать с началом схватки приказ зажечь факелы. Адмирал понимал, – сделать это сейчас, все равно, что вызвать весь «огонь» на себя.

Вместо этого он сам шагнул вперед.

– А ну, подходи! – крикнул он и, выхватив клинок, бросился навстречу рослому гоплиту, – кто хочет первым отпробовать моего меча?

Грек выскочил из-за метательной машины и метнулся вперед, резко выбросив руку с клинком. Если бы не ловкость адмирала, то меч вонзился бы ему меж ребер. Но Ларин был не первый день на войне и угадал направление удара. Поэтому клинок лишь разрезал воздух в том месте, где он только что был. А сам адмирал, отпрыгнув в сторону, нанес мощный рубящий удар сверху. Его меч со звоном обрушился на медный шлем гоплита, спасший греку жизнь.

– Это ненадолго, – выдохнул Леха, нанося новый удар, который слегка оглушенный грек отразил уже щитом, – я тебе обещаю!

Силы были, на первый взгляд, не равны. Грек был опытным бойцом. И он поверил в то, что сможет быстро достать скифского военачальника. У гоплита имелся щит, а у Ларина нет.

Поэтому он, после первых успехов, был вынужден отступить в пространство между баллистой и бортом. А гоплит, уже предвкушавший скорую смерть своего поединщика, устремился за ним.

Ларин же, зная свой корабль, использовал все «неровности» на палубе, чтобы заманить грека в ловушку. Ложным отступлением, он заставил гоплита поверить в победу и сделать ошибку. Лишь отбивая удары, Леха подался еще назад и вскоре уткнулся спиной в ограждение борта, краем глаза заметив, что его соплеменники рубятся с греками на корме.

Обменявшись парой ударов, бойцы замерли на мгновение.

– Тебе конец, – заявил гоплит, слегка опуская клинок и переводя дух. Он взирал на Ларина со злобным блеском в глазах сквозь прорези своего шлема. А на щите Ларин разглядел, несмотря на темноту, выпуклое изображение Афины.

Крепчавший шторм раскачивал корабль, палуба и снасти которого нещадно скрипели. Правая нога Лехи уперлась в какую-то поваленную бочку. Рядом стояла плетеная корзина, в которой переносили каменные ядра. Но, есть там что-то или она пустая, Леха пока не мог понять. Шум схватки на носу постепенно затихал, а здесь, у кормы, бой был в разгаре.

– Не торопись, парень, – ответил по-русски адмирал, – ты слишком размечтался.

Тогда грек в ярости рубанул его мечом. Ларин, прижатый к мокрому ограждению, на котором тщетно пытался нащупать спиной чей-нибудь забытый щит, едва отразил удар клинком. А затем толкнул бочку под ноги гоплиту. Тот оказался ловким. Услышав шум, он, словно обезьяна, подскочил вверх, но приземлился неудачно и все же задел ее одной ногой. При этом гоплит покачнулся, едва не растянувшись на палубе, и отскочил назад на несколько шагов, бешено озираясь по сторонам.

Этого Ларину было достаточно. Подхватив плетеную корзину, – а ядро там все-таки было, да еще не из самых легких, – Леха, словно заправский метатель ядра, швырнул ее прямо в грудь не твердо стоявшему на ногах гоплиту. И, промахнувшись. Попал прямо в лицо. От неожиданного удара шлем слетел с его головы, а сам оглушенный боец, выронив щит и меч, распластался на палубе во весь рост, хотя мог бы и улететь за борт.

– Да я могу выступать у вас на олимпийских играх, – похвалил себя за меткость адмирал, едва выбравшийся из передраги, – взял бы все медали.

Впрочем, дело нужно было закончить. Враг был оглушен, но жив. И Ларин, подняв клинок, устремился вперед. Но, в этот момент на него сзади бросился еще один грек, на сей раз без щита. Леха, не изменившись в лице, и не разворачиваясь, хладнокровно перехватил меч в руке и, развернув его в обратную сторону, крепко сжал. Гоплит сам наскочил на него со всей прыти. Раздался чавкающий звук, который издает клинок, погружаясь в плоть, и затем сдавленный стон. Гоплит выронил меч, ноги его подкосились.

– Осторожнее надо, – «пожурил» его адмирал, выдергивая окровавленный клинок, – в таких делах.

И не дожидаясь, пока мертвое тело упадет на палубу, с разворота вонзил меч в шею распластанному на палубе греку, который уже слегка пришел в себя и попытался подняться. Не успел. Клинок скифского адмирала разрубил ему горло, пригвоздив к палубе, словно вампира. Кровь, фонтаном хлынула наружу, а грек вновь откинулся на мокрые доски и затих навсегда.

Спустя мгновение рядом с Лариным появилось несколько запыхавшихся после драки морпехов во главе с капитаном «Узунлара», легко раненным в руку. Прорвавшиеся на палубу греки были уничтожены полностью.

– Уберите мертвецов, – приказал Ларин, отходя в сторону, – эти почитатели Афины испачкали мне своей кровью весь корабль.

Он втянул носом ветер, наполненный морскими брызгами, осмотрелся по сторонам, тщетно пытаясь разглядеть корабли неприятеля, и добавил:

– Поднимайте паруса, если никто больше не мешает нам плыть. Мы идем дальше.

Пока солдаты сбрасывали за борт мертвых греков, для которых страшнее такой смерти

было не придумать¹, моряки укрепили мачты и подняли паруса. Ветер надул их мгновенно и «Узунлар», словно «Летучий голландец», вновь понесся вперед сквозь мрак, навстречу судьбе. Первое время Ларин с настороженностью вслушивался в рев ветра, боясь услышать звук очередного тарана, который мог остановить их навсегда. Но, шли минуты, бешено колотилось сердце адмирала, а ничего больше не происходило. Ничто не мешало кораблю скифов продвигаться вперед.

– Похоже, прорвались, – осторожно заметил Ларин вслух, когда прошло полчаса такого плавания, – узнать бы, где остальные наши корабли.

Темир, стоявший поблизости с рукой на перевязи, едва расслышал своего адмирала. Ветер уже просто ревел, пригибая корабль к волнам и грозился вот-вот потопить неразумных корабелов, до сих пор не снявших паруса. Капитан еще раз напомнил об этом Ларину.

– Подожди еще немного, – проговорил не слишком уверенно Ларин, едва устоявший на ногах после налетевшей волны, что смыла за борт сразу пятерых морпехов, – надо удалиться от афинян насколько возможно, чтобы они потеряли нас.

Адмирал вытер лицо рукой, ощутив на губах морскую соль.

– Если боги пощадят нас этой ночью, очень глупо будет наутро опять оказаться посреди афинских триер.

Они неслись сквозь ночь и вой ветра еще столько же времени, и лишь тогда Ларин разрешил убрать паруса. По его представлениям, скифы должны были оторваться от преследователей на значительное расстояние, если их вообще сейчас кто-нибудь преследовал. Пока убирали паруса, за борт смыло еще несколько человек.

– Ну, все, – заявил адмирал, последним скрываясь под палубой, где уже давно спрятались все остальные, накрепко задраив весельные порты, – теперь все зависит от воли богов.

Под струйками непрерывно лившейся ему на голову соленой воды, он спустился вниз по скрипучей лестнице и затем по неистово качавшейся палубе добрался до своего узкого кубрика. Там он повалился на жесткую лежанку, положившись на судьбу. За этот день он так устал, что даже смертельная опасность не помешала ему вскоре забыться сном.

«Лишь бы ветер не переменился, – успел подумать скифский адмирал, проваливаясь в забытие, – да из моих людей кто-нибудь выжил. Тогда, все не зря».

Всю ночь он слышал сквозь сон скрипы снастей и стоны корабельных палуб, которые безумная стихия проверяла на прочность. Но, корабль скифов устоял против нее. И когда Ларин отважился выбраться на палубу, он еще раз убедился в том, что последователи Гиლისподиса не зря ели свой хлеб. «Узунлар» был потрепан, но не выведен из строя. Не хватало части бортовых ограждений, одну баллисту смыло за борт, вырвав вместе с креплениями из палубы, но рулевые весла были на месте и мачты тоже сохранились, – их прикрепили надежно.

К счастью этот мощный шторм оказался не продолжительным и к утру море, если не до конца успокоилось, то уже сменило гнев на милость и лишь слегка пенилось, напоминая о вчерашнем урагане. Леха осмотрел горизонт и заметил не слишком далеко полосу земли, а рядом с ней и несколько пятен, очень походивших на корпуса судов. Правда, чьи это были суда, Ларину было не разобрать. Но его успокаивало одно, чьи бы ни были, их насчитывалось не слишком много, штук пять, да и располагались они на приличном расстоянии от «Узунлара». По первому впечатлению они были также потрепаны штормом и занимались ликвидацией повреждений.

– Как думаешь, где мы? – спросил Ларин у капитана, который отдавал показания матросам, копошившимся на палубе.

– Похоже, нас отнесло не слишком далеко, – поделился соображениями Темир уже

¹ Согласно обычаям, мертвые греки должны были быть преданы земле, где бы они ни умерли. Утонуть в море для них считалось страшной смертью.

давно рассмотревший все, что происходило вокруг, – ветер ночью почти не менял направления и мы либо где-то в районе Малой Скифии, либо еще дальше.

– Значит, это могут быть наши корабли? – с неожиданной радостью в голосе предположил адмирал, и добавил уже с сомнением, – хорошо бы. Главное, чтобы греков в округе не появилось. Хотел бы я знать, куда они все подевались?

Он прошелся вдоль кормы, разглядывая пенные буруны волн, на которых раскачивалась квинкерема, и добавил:

– Ставь паруса, пора выбираться отсюда.

– Куда держим курс? – уточнил капитан.

Ларин думал недолго. Природное любопытство быстро взяло верх.

– В сторону берега. Так, чтобы пройти поблизости от этих судов и присмотреться получше. Может быть, это мои корабли. Должен же был кто-то кроме нас прорваться сквозь греков.

Ларин помолчал и добавил со свойственным ему гонором.

– Ну, а если это греки, то мы должны успеть оторваться. Хотя их всего-то несколько штук. Это не сила. Справимся.

Темир выполнил приказ и вскоре на мачтах «Узунлара» затрепыхались паруса. Ветер мгновенно наполнил их, и корабль устремился к берегам, в которых Ларин очень надеялся вскоре опознать Малую Скифию.

Глава третья «Мятежники поневоле»

Свеча догорела и погасла, издав на прощанье легкое шипение, словно недовольная змея. Федор перевел задумчивый взгляд на другой подсвечник, где также виднелось несколько чадающих огарков: разговор в шатре командующего явно затянулся. Время уже давно перевалило за полночь, неумолимо приближаясь к рассвету, а конца этому разговору все не было. Впрочем, имелись и свои положительные стороны, – ночью беседовать было не так жарко. Да и несколько кувшинов вина, выставленные на столе, скрашивали долгий разговор. А поговорить было о чем.

– Значит, ты уверен, что сможешь пробраться в город и поднять там мятеж? – недоверчиво повторил свой вопрос Гасдрубал, отпивая глоток вина из чаши.

Кроме него и Федора Чайки в шатре уже никого не было. Разобрав в самом начале совещания все тактические вопросы, Гасдрубал отпустил Илмаха, «командующего восточного фронта», как называл его за глаза Федор, числившийся «командующим западного крыла» армии, осадившей Карфаген. Также Гасдрубал не стал задерживать помощников Илмаха и Федора, в числе которых шатер главнокомандующего покинули Адгерон, Карталон, Амад, Кумах и Мазик. Оставшаяся часть разговора не предназначалась для такого количества ушей. Еще один представитель семьи Баркидов, – Магон, – оставался на Пиренейском полуострове, командовать, «испанской группой войск». Братья Сципионы никак не хотели сдаваться и еще держали часть испанского побережья, сконцентрировав на нем остатки потрепанных легионов и морских сил. Впрочем, пехотинцами армии Ганнибала там командовал Офир, правая рука знаменитого полководца Атарбала, поэтому Федор не сомневался, – окончательный разгром испанской группировки римлян, вопрос времени. Надо лишь взять Карфаген, чтобы развязать себе руки. А глава союзных нумидийцев царь Сифакс еще три дня назад ненадолго отлучился в Цирту, чтобы навестить красавицу-жену.

– Это будет не так легко, после того, что вы натворили со своим другом, – усмехнулся Гасдрубал, вспомнив неожиданно возникшее сражение и пожар в крепости, едва не распространившийся на всю стену, – такой шум даром не пройдет. Сенат прикажет охранять стены еще лучше.

К счастью, эта неожиданная стычка с солдатами сената при участии его друга, устроенная по инициативе Федора, сошла обоим с рук довольно легко. Федру удалось

значительно потрепать гарнизон крепости и почти разбить отряд нападавших. Поэтому Гасдрубал, давно собиравшийся предпринять новый штурм, лишь легка пожурил нетерпеливых военачальников и солдат. Он понимал, что сидеть без дела под стенами гораздо труднее, чем воевать, но также отчетливо понимал, что взять Карфаген с наскока еще никому не удавалось. Слишком давно он служил этому городу. Тут нужна была военная хитрость, и Федор намекнул ему, что у него есть одна идея, которая может помочь делу.

– Как бы сильно не приказывал сенат охранять стены, лазейка всегда найдется, – произнес Чайка, также пригубив вино из раззолоченной чаши, – я в этом уверен. А, кроме того, в за городскими стенами немало недовольных. Мне доносят лазутчики, что сенат нервничает. Приказано казнить любого, только за то, что он просто произносит ваше имя.

Гасдрубал усмехнулся.

– Сенат так меня боится? Впрочем, ты прав, мне тоже доносили об этом. А еще о том, что далеко не всем, кто еще держит сторону сената нравится, что в городе расквартирован римский гарнизон. Ненавидеть меня, еще не значит любить римлян. А теперь им приходится это делать.

– Вот именно, – кивнул Чайка, чуть наклоняясь к столу, так что блики от свечей заиграли на его кирасе, и переходя на полусшепот, словно его слова мог слышать кто-то, кроме единственного собеседника, – засевшим в городе карфагенянам все еще приходится делать сложный выбор: кому служить. И, я уверен, далеко не все, кто оказался за стенами так уж ненавидят нас. Многие оказались там поневоле.

– Военачальники сделали свой выбор, – наклонил голову Гасдрубал, – теперь все, кто держит сторону сената, враги Баркидов.

– Это так. Но, если говорить о кварталах бедноты, купцов или ремесленников, а они составляют основное население этого города, – настоял на своем Федор, – то им никто не предлагал никакого выбора. А если бы предложил, то, мне думается, ответ мог бы удивить сенат. Это мощная сила и ее недовольство только растет. Мы можем использовать ее, приблизив победу.

– Уж не собрался ли ты освободить рабов? – усмехнулся Гасдрубал, снова откидываясь в кресле с высокой спинкой, и нахмуривая свои черные брови, – боюсь, мы к этому еще не готовы. Ты уже итак достаточно нашумел на юге, когда продвигался со своей армией ко мне навстречу.

– Да, я сжег немало поместий сенаторов и распустил их рабов и слуг, – подтвердил Федор, вспоминая свои «революционные» действия, – но, это было необходимо. Так мы подорвали власть сенаторов в этих районах. Стоит пообещать народу то, что ему нужно, и он пойдет за нами.

– Может быть, – нехотя согласился Гасдрубал, смерив Чайку взглядом, в котором можно было прочесть озабоченность тем, что Федор слишком много на себя брал, – но, не стоит увлекаться этими обещаниями. Сейчас уже не та ситуация. Город мы должны взять, но рабы останутся рабами, кому бы они ни служили. Нельзя обещать им свободу.

– Ганнибал предупреждал меня об этом, – не стал развивать неудобную для столь высокопоставленных лиц тему Федор, тем более, что сейчас его интересовало только одно, как быстрее проникнуть за стену, разыскав там жену и сына, – и я не призываю освободить всех рабов. В Карфагене и без них хватит недовольных политикой сената и римлянами. А, оперевшись на таких людей, мы могли бы устроить в городе если не мощное восстание, то хотя бы вызвать панику.

Федор даже встал от охватившего его возбуждения и прошелся вдоль стола, на котором между подсвечниками и кувшинами вина, лежало несколько выполненных на коже карт укреплений великого города и его окрестностей, включая морские.

– Например, мы могли бы вывести из строя источники воды, – предложил Чайка, имевший немалый опыт диверсионных действий в тылу противника, – или устроить несколько пожаров на складах с продовольствием и оружием.

– Ты хочешь отравить воду и поджечь склады? – повторил Гасдрубал, в задумчивости

покачивая головой, — мысль неплохая. Но, уверен, все они, хорошо охраняются. Ганнон и Магон, управляющие сейчас в сенате Карфагена, тоже не глупцы и понимают, отчего зависит их будущее. Без штурма и прорыва мы не сможем тайно перекинуть через стены даже несколько спейр, чтобы силой захватить их.

Федор обошел стол и приблизился к своему начальнику, остановившись в двух шагах.

— А нам и не понадобится столько солдат. Главное, суметь подобраться к источникам и складам скрытно. Их расположение нам известно. Для этого подойдет небольшой отряд опытных в таких делах бойцов или несколько мелких групп. А помощников можно набрать на месте. Риск есть, но цель того стоит. Ведь именно для этого мы сюда и пришли.

— Кого ты хочешь послать туда? — не стал тянуть с лишними расспросами Гасдрубал, итак уже уставший от долгих разговоров. Однако, по всему было видно, что его захватила идея устроить серию диверсий, а если повезет, то и восстание в тылу противника, — ведь это дело не простое.

— Если я пойду сам, то смогу все организовать, не сомневайтесь, — выдохнул Федор, взявшись двумя руками за ремень, и затаил дыхание, ожидая ответа. Слишком много зависело сейчас от него.

— Ты хочешь пойти сам? — Гасдрубал поднял удивленные глаза на Чайку, слегка нависавшего сейчас над ним.

Федор, молча, кивнул. Карфагенин медленно изучил его взглядом, словно пытаясь проникнуть в мозг Чайки, и, постепенно удивление в его глазах исчезало. Видимо, он припомнил, что Чайка уже не раз оставлял свои войска для того, чтобы лично поучаствовать в «спецоперациях». И, хотя такие действия не очень вязались с рангом командующего крупного соединения, которого Федор уже достиг к настоящему моменту, Гасдрубал не выказал особого возмущения. Видимо, вспомнил о тайной страсти своего брата Ганнибала, — тот тоже, если верить передаваемым вполголоса рассказам и однажды виденному в Таранте лично Федором, — любил иногда проникнуть в самую гущу врагов, переодевшись кем-либо из местных жителей, чтобы лично проверить донесения разведчиков и заодно пощекотать себе нервы. А для этого требовалось иногда отлучаться из штабного шатра.

Гасдрубал закончил свои наблюдения и, наконец, проговорил.

— Что же, в этом есть смысл. Если дойдет до восстания, то у него должен быть лидер известный и народу и военачальникам. Твое имя достаточно известно даже римлянам.

Немного помолчав, Гасдрубал, продолжил свою мысль.

— А когда сенаторы узнают, кто именно возглавляет восстание и находится в городе...

— Они начнут искать меня с удвоенной силой. Это усилит панику и отвлечет их от обороны, — осмелился заметить Федор, — все это нам только на руку.

Гасдрубал помедлил еще мгновение, но все же произнес:

— Сколько времени тебе нужно на подготовку?

От радости Чайка едва не выпалил, что готов выступать немедленно, хоть завтра. Но, к счастью, сдержался. Как бы он не хотел броситься на поиски своей семьи, — находившейся в стане врага, о чем Гасдрубалу тоже могло быть известно, — серия громких диверсий в хорошо охраняемом городе дело не легкое. Это требовало времени и подготовки. Но и особенно задерживаться Чайка тоже не собирался. Война шла не только здесь, но и в Испании, и самой Италии, где был вновь окружен Ганнибал. В любой момент положение могло резко измениться. От того, кто быстрее выиграет свое сражение, сейчас зависело все.

— Думаю, мне понадобится несколько дней, — выдержав паузу, ответил Федор, уже прикидывая, кого из проверенных бойцов возьмет с собой, — чтобы подобрать два или три небольших отряда.

— Хорошо, — кивнул Гасдрубал, давая свое согласие на подготовку тайной операции, — Кого бы ты мог на время оставить командовать солдатами вместо себя?

Отвернувшись от Федора, он вновь принялся за вино и фрукты, словно дело было уже сделано. Карфаген взят, а сенаторы преданы казни.

– Уверен, мой боевой товарищ Урбал заслужил это, – ответ у Федора родился сам собой, – он уже командовал крупными соединениями и вполне способен заменить меня на... небольшой срок.

– Что же, – согласился и на это Гасдрубал, жестом предлагая Федору сесть и отведать закусок, – Урбал способный военачальник, мы прошли с ним всю Ливию и добрались до Карфагена. И, раз ты готов поручиться за него, я, пожалуй, дам ему шанс.

Казалось, вопрос исчерпан. Некоторое время два военачальника поглощали закуски и попивали вино, наслаждаясь трапезой. Федор молчал, уже обдумывая детали предстоящего рейда в «глубокий тыл противника» за мощные карфагенские укрепления. Гасдрубал тоже ничего не говорил, с виду увлеченный только едой. Но и в его мозгу уже складывался хитроумный план.

– Даже если тебе удастся поднять восстание, без одновременного штурма оно обречено на провал, – первым нарушил затянувшееся молчание Гасдрубал, – здесь очень важно, чтобы все случилось одновременно. А для этого понадобится держать с тобой связь, обмениваться информацией.

– Да восстание и штурм должны случиться одновременно, – кивнул Федор, все еще пребывая в задумчивости, – в идеале восставшие должны бы захватить часть укреплений изнутри, например башню. И держать ее до подхода атакующих сил, а в нужный момент открыть ворота, обеспечив прорыв обороны в одном или даже в двух местах.

– Ты уверен, что у тебя хватит людей захватить сразу две башни? – саркастически поинтересовался Гасдрубал, – ты недооцениваешь наших сенаторов, Чайка. Как только в городе начнутся волнения, они немедленно усилят охрану укреплений. Так что, будет большой удачей, если тебе удастся захватить хотя бы одну башню или ворота.

– Боги на моей стороне и мне повезет, – отмахнулся Чайка, который уже давно полагался больше на интуицию, чем на здравый смысл и не желавший все просчитывать до мелочей, – главное, чтобы мне удалось сделать это одновременно с началом общего штурма. Последнего мощного штурма, что принесет нам окончательную победу. А для этого мне действительно нужна связь.

– У нас есть надежные люди за городскими стенами, – медленно, словно нехотя произнес Гасдрубал, погладив свою окладистую бородку, – их имена и как их разыскать я сообщу позже. Мне нужно кое-кого из них проверить, пока ты будешь готовить своих людей.

– Тогда, не будем терять драгоценное время, – Чайка встал, взглядом испрашивая разрешения покинуть шатер.

– Ты можешь идти, – кивнул Гасдрубал, все еще держа в руке чашу с вином, – я пришлю за тобой, когда у меня будет нужная информация.

А когда Чайка уже отдернул полог, чтобы раствориться в ночи, добавил.

– Но, помни. Об этом предприятии знаем только мы с тобой. Все делай скрытно. Для своих офицеров, включая Урбала, официально ты будешь откомандирован по срочному заданию в Нумидию.

«В Нумидию, так в Нумидию. Что я мальчик, что ли, – усмехался Федор, шагая в одиночестве сквозь лагерь, освещенный факелами, блики которых играли на его шлеме и кирасе, – он что, думает, что я буду трезвонить о начале операции на каждом углу? Да если бы он знал, как сильно я хочу пробраться в Карфаген незамеченным и разыскать Юлию, то вообще не заикнулся бы об этом».

В глубине души Чайка вообще думал о диверсиях и предстоящем штурме гораздо меньше, чем следовало в его положении. Тем более, что сам вызвался на эту авантюру. Шагая по предрассветному лагерю, где навстречу ему постоянно попадались конные и пешие патрули, командующий западного крыла размышлял лишь о том, как, оказавшись в Карфагене, в непосредственной близости от вероломно похищенной жены и ребенка, он сразу же займется их поисками. А война подождет. Немного, самую малость. И сенаторы и Баркиды, с их окончательным выяснением отношений, подождут до тех пор, пока он не разыщет семью. Во всяком случае, ему очень хотелось верить, что все случится именно так.

Входя в ту часть лагеря, где располагались его войска, и, сообщив пароль маячившей у ворот страже, Чайка подумал о сенаторе Магоне, которого некогда спас от смерти и который теперь так изощренно отомстил ему за то, что Федор выбрал сторону Ганибалла. В том, что за похищением стоит именно Магон, Чайка почти не сомневался. Марцелл просто храбрый солдат, кровно обиженный на свою дочь, и сенатор наверняка использовал эту обиду, сыграв на чувствах строгого вояки.

– Найду и убью, – пообещал Чайка своему бывшему благодетелю, а теперь невидимому противнику. И добавил, вспоминая Марцелла, державшего в заложницах собственную дочь и внука, – обоих.

Следующие три дня прошли в поисках надежных людей и тайных сборах. Как командующий Федор мог отдавать какие угодно приказы и вызывать к себе всех, кого пожелает, не вызывая подозрений. Этим он и воспользовался, когда понадобилось усилить активность.

Первым делом Чайка вызвал к себе друзей, Урбала с Летисом, и обрадовал обоих. Первого высоким, хоть и временным назначением, а второго, что берет его с собой на очередную авантюру.

– Будешь командовать тут вместо меня, – сообщил он немало удивленному другу, когда тот вместе с Летисом прибыл в походный шатер командующего западного крыла, – пока я сделаю одно дельце в Нумидии.

– Тебя что, – услышав о Нумидии, все же не удержался от ерничества польщенный назначением Урбал, – отправляют к царю Сифаксу, охранять его прелестную жену?

– Думаешь, во всей Нумидии, кроме охраны этой красотицы у нас больше нет других занятий? – не обиделся на шутку Федор, – нет, у меня наметилось дельце поважнее. А ты тут смотри, не расслабляйся. Есть сведения, что сенаторы готовят крупную вылазку. Если проморгаешь ее, мало не покажется. Я поручился за тебя перед Гасдрубалом.

– Не беспокойся, – стал серьезным Урбал, – не проморгаю. Гасдрубал останется доволен моей службой. И тебя не подведу.

– Я так ему и сказал, – кивнул головой Чайка, разглядывавший походную карту, что лежала перед ним на столе, чтобы убедить друга в том, что действительно собирается в Нумидию.

– Это надолго? – уточнил его смуглолицый собеседник, проследив за взглядом Чайки. При этом он поправил ножны своей фалькаты, что немного мешали ему сидеть. Урбал только что вернулся с передовой, где занимался осмотром вверенных ему укреплений.

– Не знаю, – делано развел руками Федор, – думаю, дней двадцать, не меньше. Но и, надеюсь, не больше. Так что, придется тебе тут за меня отдуваться перед командованием.

– Это не долго, – слегка ухмыльнулся Урбал, откинувшись в кресле с короткой спинкой, – прошлый раз твоя неожиданная прогулка Италию длилась гораздо дольше.

– Прошлый раз, – подтвердил Федор, вспоминая свое неожиданное похищение людьми Магона, и все события, произошедшие вслед за этим, – все вышло случайно и против моей воли. Сейчас все завершится быстрее. Боги на моей стороне.

Он помолчал немного, вспомнив о превратностях судьбы и тех опасностях, что грозили ему в Карфагене со всех сторон.

– Надеюсь, быстрее, – поправился он, отрывая взгляд от карты и переводя его с Гасдрубала на Летиса, удивленного не меньше друга, но пока молча внимавшего Федору.

– А мне что делать? – наконец раскрыл рот здоровяк.

– Нам понадобится небольшой отряд людей, способных хорошо лазить по скалам, – начал издали Федор, обращаясь сразу к обоим, – у нас есть кто-нибудь в живых из тех, с кем мы начинали поход на Рим?

– Со мной служат двое парней, – вспомнил Летис.

– В моей спейре, когда мы только вторглись в Нумидию, еще служило человек десять из тех, с которыми мы штурмовали замок васконов в Испании, – поделился соображениями Урбал, и уточнил с некоторым удивлением, – а ты что, собрался захватить нумидийскую

крепость? Уж не за Масиниссой ли ты собрался?

– Разыщи их и пришли ко мне, – Федор взглядом дал понять, что с этого момента всякие вопросы насчет цели предприятия излишни, – мне понадобится человек тридцать, не больше. Делать это надо не привлекая внимания, поэтому всех, кого найдешь, отправляй в барак, что на восточной стороне лагеря, рядом с конюшнями.

– Он сейчас занят солдатами из инженерного отряда, – напомнил Урбал, – а рядом расквартированы артиллеристы из осадного обоза.

– Значит, этот барак надо освободить, – приказал Федор, – переселишь дня на три-четыре всех в другой, а этот мне понадобится.

Чайка обвел взглядом друзей и уточнил.

– Итак, примерно десять человек. Это все? Мне нужно больше.

– Идет война, Чайка – напомнил Урбал, – люди гибнут каждый день. Даже опытные бойцы.

– Ну, если из опытных бойцов того призыва больше в живых никого не осталось, – решил Федор, – то наберите мне самых смысленных и ловких из тех, что есть под рукой. Придется обучить их войне в горах по ходу дела.

– За три дня? – удивился новоиспеченный командующий, немного удивленный поведением Федора, – ты не успеешь.

– Выбора нет, – отрезал Чайка, – приступайте. Гасдрубал ждет от меня отчета о готовности нового подразделения через три дня.

Слегка удивленный Урбал все же воздержался от дальнейших вопросов и вышел выполнять приказание.

– А ты обожди, – задержал второго друга Федор, и, немного поколебавшись, добавил, глядя в глаза ничего не понимавшего Летиса, – наведайся по-тихому на склад и подбери там снаряжение для трех десятков человек. Веребочные лестницы, крюки для лазания по каменным стенам, ну, ты помнишь, что нам было нужно в горной войне против васконов.

– Помню, – кивнул Летис, – такое забыть трудно.

– И главное, – перешел Федор на доверительный шепот, – поменьше болтай языком. Никому об этом деле не рассказывай. О нем знают только ты, я и Урбал.

– Могила, – стукнул себя кулаком по груди Летис, польщенный, что ему вновь доверили участие в какой-то секретной заварушке, – а что говорить солдатам? Куда собираемся?

– Ничего толком пока не говори. Скажи, что для них нашлось специальное дело за пределами лагеря и все. Понял? – ответил Федор, смерив здоровяка испытующим взглядом, – чем меньше они будут знать до отхода, тем лучше.

– Понял, – не очень уверенно подтвердил Летис, сам еще толком не осознавший свою задачу, – а куда мы идем?

– Придет время, узнаешь, – огорошил его Федор, – недолго осталось.

Летис слегка опешил, но больше не дождался от Федора никаких объяснений и вышел из шатра, зашагав в сторону оружейных складов.

Сам Чайка тем же вечером в одиночестве, чтобы не привлекать внимания, – по легенде он отбывал в Нумидию, – отправился на берег моря, контролировавшийся на всем протяжении войсками и флотом Гасдрубала. Там, прогулявшись вдоль линии вытасненных на берег кораблей, он присмотрел себе для дела новехонькую бирему, в которой вполне можно было разместить тридцать человек со снаряжением. Капитан биремы был лично знаком Федору, надежный моряк. Но ему тоже будет дан секретный приказ: принять на борт неизвестный отряд, доставить его к месту высадки и навсегда забыть об этом. Во всяком случае, до победы.

«Тесновато получится, но щиты оставим, а два корабля это уже многовато, – решил Федор, рассматривая в сгущавшихся сумерках такие близкие, но неприступные стены Карфагена, – легче будет заметить наш подход. А на одной биреме, помоги Баал-Хаммон, как-нибудь подберемся».

План проникновения в закрытый со всех сторон Карфаген, уже почти созрел у него в голове. То была простая математика. Чтобы попасть за линию фронта со стороны суши потребуется преодолеть три стены, а со стороны моря город защищала пусть и высокая, но всего одна. Главное было незамеченными взобраться на нее, а дальше, – дело техники. Спуститься вниз в гавань, затеряться среди кораблей и народа, пробраться сквозь вторую стену в городские кварталы. Как именно преодолеть эту вторую стену, в которой имелись многочисленные ворота, охранявшиеся бдительными стражниками, Чайка еще не придумал. Но, не сомневался, что за оставшееся время придумает.

«Был бы у меня акваланг или подлодка, – вспомнил о прошлой жизни морпех, – могли бы вообще по-наглому, сквозь водные ворота прошмыгнуть. Поднырнул под цепь и уже в купеческой гавани, а там еще одни ворота, и уже в военной. Правда, быстро только сказка сказывается, а вот дело... Нет у меня ни одного акваланга, да и сам я не рыба. Поэтому придется с крюками по стеночке. Ничего, кладка там крупная, блоки мощные, найдется, за что зацепиться. Главное шума не поднимать, чтобы не заметили».

Впрочем, поразмыслив, Федор решился-таки использовать вторую бирему. Чайка хотел идти «на дело» тремя отрядами, разделившись человек по восемь-десять. Лучше бы еще меньше, да больно уж дело предстояло масштабное. Он собирался, ни много ни мало, подорвать оборону Карфагена изнутри, а такого еще никому не удавалось. Два отряда должны были глухой ночью высадиться у разных концов стены, прикрывавшей акваторию со стороны близкого берега, и, вскарабкавшись на нее по-тихому, проникнуть в город не побеспокоив стражу. Третий отряд другая бирема доставит на дальний край стены, со стороны моря. В идеале лазутчики должны были прокрасться сквозь все кордоны и вновь встретиться в обозначенном месте, где-нибудь в районе парков Мегары или примыкавших к ним огородов.

«Место встречи изменить нельзя», – ухмыльнулся Федор, в ответ на свои мысли, хотя с конкретной точкой еще не определился. Для встречи диверсантов в обширном Карфагене места было предостаточно, если хорошенько подумать.

Своих спецназовцев Федор собирался переодеть в простых горожан ремесленного сословия, а потому хотел лишить их не только щитов, но еще и панцирей со шлемами, оставив лишь оружие и снаряжение. Конечно, при встрече с противником в открытом бою шансы были невелики, но Федор в глубине души надеялся проскользнуть в город незамеченным, не смотря на все опасности и преграды.

Два следующих дня, не вводя никого в курс дела, Чайка отсматривал бывалых и новобранцев, согнанных по его приказу в отдельный барак. А когда в новом спецподразделении набралось двадцать шесть человек, – почти все низкорослые, как на подбор, словно Летис и Урбал набирали народ для службы на подводной лодке, – Чайка решил, что ему хватит бойцов и набор прекратил. Большая часть «рекрутов» была ему знакома лично, – «бывалые» ребята, прошедшие всю римскую кампанию. Почти каждого «украшал» шрам или другое увечье. Остальные тоже были не промах, каждый умел что-то делать лучше других: метать ножи, пускать стрелы, бороться в рукопашную и биться на ножах. Умения не лишние для предстоящего дела. Что особенно радовало Федора, все имели неброскую внешность, если, конечно не считать Летиса, которого можно было заметить издалека. Федор даже засомневался в последний момент стоит ли брать его с собой, вдруг кто узнает? Летис постоянно участвовал в стычках с защитниками крепости. Но решил все-таки взять. Летис уже не раз ходил с ним в подобные экспедиции и еще никогда не подводил, а над внешностью можно было поработать.

– Со многими из вас мы прошли большой путь от самого Сагунта, – начал Федор свою речь, прохаживаясь перед строем, когда окончательно определился с составом участников отряда, – остальные недавно воюют под моим началом. Но всем вам будет поручено особое задание, от выполнения которого зависит очень многое... если не все, в предстоящей схватке.

Чайка остановился, скользнув взглядом по лицам своих бойцов. На этих лицах пока

читалось лишь недоумение и плохо скрываемый интерес. Все они понимали, что командующий вряд ли стал бы собирать их всех с такой поспешностью, если бы дело было пустяковым. Но и конечной цели им пока никто не говорил.

– Скоро мы покинем лагерь, – чуть приоткрыл завесу секретности Чайка, – и каждому из вас представится возможность стать героем. Куда именно мы направляемся, я скажу вам только в день выступления. Это дело секретное. По окончании вас ждет большая награда. Тех, кто вернется, конечно. А пока отдыхайте и тренируйтесь. В ближайшее время вам понадобятся все ваши таланты.

Бойцы озадаченно переглянулись, но уточнять никто не осмелился. Даже Летис, с лица которого не сходило недоумение. Впрочем, Летис привык доверять своему другу и командиру. Остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру. Все равно скоро все узнают. А опасности они не боялись. Ребята подобрались подходящие для лихого дела, это Федор понял сразу.

К вечеру третьего дня все было готово: бойцы, снаряжение и две биремы с экипажами, снятые с боевого дежурства в акватории по личному приказу Федора и готовые выступить в любую минуту. Вечером того же дня Чайку вновь вызвал к себе Гасдрубал.

«И как он узнал, что у меня все готово, – слегка удивлялся Федор, вышагивая на этот раз с эскортом из четырех человек через переполненный лагерь к шатру главнокомандующего, – старался ведь держать все в тайне. Впрочем, не мудрено у семейства Барка повсюду шпионы. А может, просто интуиция сработала. Какая разница, если действительно пора».

Аудиенция была не долгой. Выслушав план, Гасдрубал одобрил его.

– Пожалуй, море единственный выход в этом случае, если у тебя получится вскарабкаться подобно кошкам на стену города, – кивнул он, слегка поразмыслив, – тем более, что известные нам подземные ходы завалены.

– Здесь есть подземные ходы? – вырвалось у изумленного Чайки.

– Были, – подтвердил Гасдрубал, – но сенаторы не хуже меня осведомлены о них. Поэтому, как только мы стали врагами, ходы засыпали. Они ведь знали, что я могу ими воспользоваться.

«А подземный ход прекрасно решил бы задачу, – слегка расстроился Федор, пораженный неожиданной новостью о самом существовании подземных проходов, – не надо было бы огород со скалолазанием городить. Но, видать, не судьба. Придется опять ощутить себя первым альпинистом».

– Возьми это, – Гасдрубал протянул Федору монету.

Чайка взял из его рук «золотого слона» и, приблизив к неяркому пламени свечи, рассмотрел три ровных зубрины на краю монеты и одну аккуратно просверленную у самого хобота дырочку. Гасдрубал тем временем развернул подробную карту Карфагена и указал Чайке квартал неподалеку от Бирсы и форума.

– Если... – Гасдрубал слегка поперхнулся и продолжил, – Когда проберешься в Карфаген, разыщешь в квартале у монетного двора особняк менялы по имени Шагар. Покажешь ему это. Он сможет передать мне все, что ты ему сообщишь.

Гасдрубал оторвал взгляд от карты и вперил его в Чайку.

– Ну, а если тебя схватят. Ты не должен выдать сенату, кому и зачем предназначалась монета...

– Меня не схватят, – осмелился перебить его Федор, – во всяком случае, живым. А мертвые не слишком много говорят.

Глава четвертая

«Малая Скифия»

Поймав парусом ветер, «Узунлар» быстро разогнался до приличной скорости. Квинкерема скифов «выдавала» сейчас, по мнению адмирала, все четыре узла, несмотря на

незначительные повреждения. Берег приближался, но еще раньше стали различимы неизвестные цели на воде. Ларин вглядывался в их очертания своим орлиным взором, стараясь поскорее понять, к чему готовиться, – то ли к новому сражению, то ли просто к дружеской встрече. После десяти минут наблюдений, за которые «Узунлар» еще ближе подошел к берегу, Ларин понял, что придется делать и то и другое. Дальняя от него группа кораблей, что держалась вместе, была явно скифской. Пять потрепанных триер и две квинкеремы. Адмирал узнал свои корабли издали, едва их очертания приобрели четкий вид.

– Ну, хвала Тамимасадасу, кое-кто выжил, – воздел руки к нему Ларин, – уже хорошо. А это еще что за гости тут нарисовались?

Последние слова относились к двум триерам, безвольно болтавшимся рядом на волнах гораздо ближе скифских кораблей. Это явно были греки.

– Ну, две триеры, это можно сказать, никого! – радостно хлопнул себя по коленям адмирал, и весло подмигнул капитану, – а, Темир?

К пущей радости Ларина триера была, по сути одна. Поскольку вторая, как вскоре выяснилось, имела несколько пробоин и медленно погружалась в море, находясь сейчас в полупритопленном состоянии. Ее палуба то и дело скрывалась под водой, оставляя на поверхности край борта и обломок мачты, нелепо смотревшийся со стороны. Людей на этом обломке кораблекрушения уже не было. Они либо утонули, либо перебрались на соседний корабль, который, впрочем, тоже не казался перенаселенным. Однако, увидев приближавшийся на полном ходу «Узунлар», греки, которым посчастливилось после шторма оказаться посреди врагов, засуетились. Корабль был пока недвижим. Обломки весел торчали из портов. Как смог рассмотреть Ларин, едва ли треть длинных весел находилась в порядке. С таким количеством еще можно было передвигаться по спокойной воде в час по чайной ложке, но о боевом маневрировании не было и речи. На глазах скифского адмирала греки попытались поднять парус, но, когда их единственная мачта с треском переломилась после первого же порыва ветра, надежда избежать невыгодного сражения пропала навсегда. Афиняне, а это были они, схватили оружие и стали готовиться к обороне.

– Последний бой, – оценил эти приготовления адмирал, пересчитав немногочисленных гоплитов на палубе триеры, и добавил, словно размышляя вслух, – небось, на легкую победу рассчитывали, когда сюда направлялись такой армадой. Ну, сейчас я вам покажу, что такое воевать против Лехи Ларина. Навсегда запомните и еще Посейдону своему расскажете.

Он бросил короткий взгляд на Темира и приказал:

– Идем на таран.

А когда квинкерема перешла на весельный ход, добавил, обращаясь уже к командиру морпехов, который выстраивал своих солдат в центре палубы корабля.

– До тех пор, пока триера уйдет на дно, вы должны успеть перебить всех гоплитов и захватить мне парочку пленных. Хочу побеседовать с ними, прежде чем отправить на корм рыбам.

Бородач в панцире кивнул.

– Будет сделано.

Бой оказался очень коротким. «Узунлар» на полном ходу протаранил борт «плавучей мишени», которая даже не пыталась уйти от столкновения. От мощного удара триера греков, почти разломилась на две половины, – через ее палубу прошла широкая трещина, которая с каждым мгновением все увеличивалась в размерах. Вот-вот корабль должен был окончательно развалиться. Сквозь змеившуюся трещину, адмирал даже заметил гребцов на нижних палубах, где поднялась невообразимая паника.

– Хорошо же вас потрепал Посейдон, – заметил на это Ларин, – даже повоевать толком не придется.

После тарана добрый десяток гоплитов, перелетев через ограждения, оказался в воде.

– А ну, быстрее! – приказал своим морпехам Ларин, очень желавший узнать последние новости «их первых уст», – захватите мне пленников!

Закрепив несколько крюков, скифские морпехи спустились на палубу тонущего судна, где завязалась скоротечная драка. Они быстро уничтожили почти все сопротивление на корме, но на носу триеры горстка оставшихся в живых гоплитов защищалась ожесточенно и смогла унести с собой в пучину жизни почти дюжины скифов. Однако, вскоре сражение неожиданно закончилось. Израненный корабль испустил из своего чрева громкий треск и развалился на две половины. Корма и нос резко пошли вверх, а все, кто был на палубе, рухнули в воду. И греки и скифы. Лишь немногим десантникам удалось спастись, ухватившись за свисавшие веревки. Но адмирал все же получил своих пленников, которых, благодаря предусмотрительности командира морпехов уже переправили на палубу «Узунлара». Сам он был среди тех, кто взобрался на нее по веревкам, когда под ногами было лишь море. Еще троих удалось выловить из воды, остальные погибли.

Ларин, расстроенный неожиданными потерями, приблизился к двум израненным гоплитам, накрепко привязанным веревками к основанию мачты.

– Ну, посланцы Афины, – заявил адмирал, вперив в них тяжелый взгляд, – вы еще живы только потому, что мне нужны ответы. Поговорим.

Оба гоплита смотрели на него исподлобья, молча хмурия черные кустистые брови, но страха в их глазах пока было не видно. Ларин же, медленно изучавший их богатые доспехи, залитые скифской кровью, проверял свое чутье. Он знал, чтобы заговорил один, второго можно было пустить в расход немедленно. Нужно было лишь выбрать того, кто заговорит и не ошибиться. Корме того, Леха по понятным причинам очень не любил разговаривать по-гречески. Адмиралу даже приходилось напрягать сейчас свою память, чтобы задавать вопросы. Но Каранадис погиб, а других доверенных толмачей у него под рукой сейчас не было.

– Итак, – процедил сквозь зубы Леха, для начала разговора, пнув ногой одного из них, – сколько кораблей и откуда пришло к Одессу?

Оба пленника молчали, упрямо опустив головы.

– У меня не так много времени, чтобы ждать, пока вы одумаетесь... – философски заметил на это адмирал и жестом указал командиру морпехов на одного из пленников, – отправьте-ка этого вояку вслед за остальными. Он не ценит мое расположение...

Два вооруженных боевыми топорами скифа в кольчугах отвязали одного из гоплитов и потащили его к борту. Поняв, что с ним хотят сделать, грек попытался вырваться, освободил руку и ударил одного из своих конвоиров. Но второй успел «приголубить» его топориком по голове, раскроив череп. Мертвый грек рухнул на палубу, издав громкий стон. Второй пленник, не отрываясь, смотрел на происходящее, ерзая в своих путах. После этого конвоиры, ничуть не смутившись, закончили выполнение приказа. Они подтащили уже бездыханное тело к борту, подняли и сбросили в воду.

– Ну? – поинтересовался Ларин, когда все было закончено, – ты скажешь мне кто вы и откуда? Рано или поздно я все равно узнаю все, что мне нужно, но это может облегчить твои страдания.

– Я Остис, афинский гоплит, – нехотя пробормотал грек, подняв на Ларина глаза, в которых появилось желание жить.

– Сколько кораблей пришло сюда из Афин? – ухмыльнулся Леха, удовлетворенный тем, что разговор все-таки завязался.

– Я служу на триере, – буркнул в ответ Остис, – в нашем отряде было почти семьдесят кораблей.

– А квинкерем? – уточнил Ларин, щурясь на солнце и с радостью разглядывая пустынный горизонт со стороны Одесса, – ведь они тоже были в вашем флоте?

Гоплит замолчал, но перехватив короткий взгляд, брошенный адмиралом скифов в сторону командира своих морпехов, заставил его думать быстрее.

– Точно не знаю, – выдавил он, наконец, – С нами были еще фиванцы.

– О своих-то ты знаешь, – скорее заявил, чем спросил Леха, вновь обращая взгляд на пленника, и немного поторопил его, – Ну?

– Афинских было штук двадцать... – все больше теряя волю, ответил гоплит, – и фиванских еще почти столько же. Точно не знаю.

– Уже что-то, – почти добродушно усмехнулся адмирал, скрещивая руки на груди и делая несколько шагов перед пленником в задумчивости, – хорошо же вам заплатили римляне, раз вы собрали такую армаду и отправились воевать так далеко. Жадность, как говорится...

Он замолчал, не договорив, и вновь посмотрел на пленника. Грек молчал, ожидая своей участи.

– Про спартанцев не спрашиваю, – смиростивился Леха, – знаю, вы с ними не дружите. Да и по морю, они не ходят. Расскажи лучше, что стало с греческими кораблями после шторма?

Грек поднял изумленные глаза на адмирала скифов, но Леха предупредил его ответ.

– Я знаю, что ты не бог и не прорицатель. Расскажи, что сам видел.

– Наш передовой отряд из тридцати триер пытался перехватить ваши корабли у самого берега, – начал грек, – остальные шли позади.

– А, так ты, значит, из авангарда этой флотилии, – пробормотал довольный Ларин себе под нос, – прекрасно, продолжай.

– Но, ветер помешал нам догнать скифские корабли и навязать им бой до темноты, – ответил грек, – да еще этот шторм, разыгравшийся так не вовремя.

– Кому как, – вставил слово Леха, настроение которого улучшалось с каждой минутой.

– Когда вы завершили окружение, уже смеркалось, – продолжал разговаривавшийся грек, – и сражение я видел не все. Наша триера атаковала одну из ваших и... пустила ее на дно. Пока мы дрались, мимо прошло несколько скифских кораблей. Один из них, кажется, квинкерема, повредил несколько афинских судов, но тоже был остановлен и захвачен.

– Захвачен? – напрягся Ларин, – ты помнишь его название?

– Нет, было уже темно. Что стало с другими судами скифов, я не знаю.

– Ты мне лучше скажи, – направил его мысль в нужное русло адмирал, – что стало с вашими кораблями.

Гоплит тряхнул головой, на которой запеклась чья-то кровь, слепив волосы, словно пытался вспомнить.

– Пока шторм входил в силу, большинство триер попыталось отойти к берегу, – наконец заговорил он вновь, и в его глазах Леха увидел ужас пережитого за эту ночь, – все равно было уже ничего не видеть и навархи прекратили бой. Но, ураган помешал этому. На моих глазах перевернулось почти половина кораблей из нашего отряда, и многие греки отправились на встречу с Посейдоном, который отчего-то прогневался на нас.

Посмотрев на адмирала, нависавшего над ним, словно статуя морского бога, он добавил:

– К тому моменту афинские квинкеремы приблизились к нам, чтобы помочь окончательно разбить ваши силы, но им это не удалось. Несколько из них столкнулось друг с другом, некоторые опрокинул ветер, а остальные пропали во тьме. Больше я ничего не видел. Нас носило всю ночь, мы чудом спаслись вместе с другой триерой, оказавшейся рядом. Но... тут показались вы.

– Ну, что же, – кивнул довольный Ларин, – если все так, как ты говоришь, то ты принес хорошие вести. Ваш флот, если не уничтожен ураганом, то потрепан основательно. Поэтому я тебя не убью.

На лице гоплита против воли промелькнула радость.

– Но, мои люди не поймут меня, если я доставлю тебя на берег, – поспешил успокоить его Леха, почесывая броду, – поэтому, я отправлю тебя обратно в море. Там плавает еще много обломков и, если твой Посейдон пощадит тебя, ты останешься жить. Но, договариваться тебе придется с ним самому.

И, не обращая внимания на вопли пленника, которого уже отвязывали от мачты, чтобы выбросить за борт, Ларин приказал капитану:

– Темир, идем к берегу. Нужно посмотреть, кто из моих солдат уцелел.

Когда они приблизились к группе кораблей, радости находившихся на них скифов не было предела, – они узнали корабль своего адмирала, огласив море криками. «Узунлар» опять лег в дрейф. Быстро проведя осмотр и заслушав доклады о повреждениях, которые позволяли двигаться дальше, адмирал пришел в еще лучшее расположение духа. Как минимум треть его флота находилась на плаву, а груз в трюмах также пребывал в целостности. После вчерашнего сражения и пережитого шторма это было настоящей удачей.

Пока Ларин был занят этим, к нему явился Темир с докладом. Оказалось, что капитан флагмана опознал местные берега, – они находились неподалеку от гавани Том.

– Говоришь, уже близко? – поднял голову адмирал, сидевший за длинным столом в окружении других капитанов и офицеров. Он устроил совет прямо на корме своего корабля, – интересно, кто там сейчас хозяйничает. Все еще греки или уже мы?

Вопрос остался без ответа. Да Леха его и не ждал от Темира, не посвященного во все детали налета на Одесс. Ларин вспомнил о своем задании Токсару, который должен был усиленно штурмовать город и гавань, полную кораблей. Когда они проплывали той ночью мимо Том, город и гавань уже горели.

«Начало было впечатляющим, – подумал про себя Леха, решая, куда направить свой вновь обретенный флот, – Возможно, Токсар уже взял город. А если нет, то наверняка пожег корабли. Не зря же я ему катапульту Архимеда оставил».

– Идем в Томы, – решил он, после недолгих размышлений.

«Надо глянуть, что там происходит, – оправдал он свои действия, вспомнив о приказе царя немедленно двигаться в Крым, – я же отвечаю за эту армию. А, Токсар, скорее всего, еще и не знает о нависшей над ним угрозе. Все равно мне придется плыть в Крым. Если жив, заберу его с собой, такой помощник мне и там пригодиться. Дела там закрутились серьезные. Ну, а дельту Истра охранять придется Аргиму, если царь никого еще не назначил, пока я был в отлучке».

За следующие полдня они беспрепятственно проделали большой путь, не встретив ни одного греческого корабля, словно вся эта армада сгинула в морской пучине. Наступившая ночь нового шторма не принесла, и вскоре они действительно оказались у гавани города, некогда считавшегося неприступным. Ларин стал узнавать побережье, как ни крути, уже второй раз здесь проплывал. За это время его флотилия неожиданным образом увеличилась. На рассвете к ним пристало еще два потрепанных судна. Оба были триерами из его отряда, частями все же сумевшего прорваться сквозь греческие кордоны и продолжавшими путь без своего командования в обратном направлении. Почти у самых Том они воссоединились с основной эскадрой. «Боги за нас, – ликовал скифский адмирал, получивший доклад о почти полной боеспособности обеих триер и сохранности груза, – не так страшны греки, как их малюют!».

Когда до гавани Том оставалось уже совсем немного, – это случилось ближе к вечеру, – Ларин приказал миновать город на приличном расстоянии. Хотел убедиться, что обугленные развалины стен, которые он лицезрел с борта своего корабля, не таят в себе греческих солдат и что встречать его не выйдет восставший из пепла флот. Однако, предосторожности оказались напрасны. Когда он уже почти миновал город, его эскадру заметили и вышли встречать, но не греки, а две скифских биремы, увидев которые, адмирал дал приказ остановиться и лечь в дрейф.

– Токсар просит узнать, – заявил ему поднявшийся на борт гонец, широкоплечий воин в кольчуге и блестящем шлеме, – почему адмирал решил идти сразу в Истр и просит его посетить Томы, захваченные по его приказу.

– Так значит, неприступные Томы захвачены? – делано удивился адмирал, словно и не было такого приказа, – Великолепно. А что с греческим флотом, хоронившимся в укрепленной гавани?

– Стена разрушена, – с гордостью доложил боец, принесший радостную весть, – почти все корабли сожжены.

– Почти? – против воли озадачился Леха, которого должна была обрадовать такая весть. Он просто вспомнил о своих потерях и о том, что предстоит еще воевать с остатками греческой флотилии здесь, не говоря уже о вояже в Крым, где ждали боспорские греки со своими боевыми судами.

– Часть сожгли мы во время штурма, – доложил гонец, махнув рукой в сторону полуразрушенной стены, что защищала гавань с моря, – а остальные подожгли сами греки, чтобы нам не досталось. Но, несколько нам все же удалось захватить.

– Сколько и каких кораблей вы захватили? – обрадовался адмирал, сделав шаг навстречу гонцу, что жался у борта квинкеремы, с тех пор, как поднялся на палубу.

Тот пожал плечами.

– Я был в осадной команде города, – проговорил он, – штурмовал стену на земле. А в кораблях я не сильно разбираюсь. Сам их не видел и не считал. Знаю только, что несколько удалось отбить прежде, чем их подпалили.

– Ну, ладно, – сменил, возникший было гнев на милость, адмирал, – тогда плыви обратно, обрадуй Токсара. Мы следом. Где он, кстати, обосновался?

– В городе, – опять махнул рукой скиф, – там, где главная крепость.

– В цитадели, значит, – понял Леха, – а где Аргим?

Скиф опять пожал плечами.

– Говорят, стоит под городом со своими всадниками. Вчера еще был там. Но, где он сегодня, я не знаю. Служу при Токсаре.

Леха кивнул, едва сдержав улыбку. С тех пор, как у скифов появился флот и артиллерия, далеко не все бывшие кочевники управлялись с седлом и лошадью так же хорошо, как и раньше. Появилась масса новых профессий. Кому-то пришлось стать моряком, кому-то артиллеристом, кому-то морским пехотинцем. «На все воля Иллур, – решил Леха, – на то он и царь».

Провожая взглядом гонца, спустившегося на свою бирему, которая тотчас отчалила в направлении гавани, Ларин вспомнил о приказе царя, предписывавшем ему безо всяких задержек плыть в сторону Крыма. Он же только и делал, что где-то задерживался. Впрочем, адмирал был вынужден признать, не все зависело от воли Иллур. Греческий флот, вставший у него на пути, на эту волю, например, внимания не обращал, а с ним приходилось считаться. Однако послушавшись Иллур один раз в Одессе, Леха не собирался дожидаться в Томах второго нападения армады греков и хотел ее покинуть как можно раньше.

«Сухопутных сил здесь достаточно, как-нибудь отобьются, – думал адмирал, пока его корабли приближались к гавани вслед за биремами сопровождения. Разглядывая окрестности захваченного города, он с удовольствием заметил на берегу чуть правее гавани массу шатров скифской конницы и царившее между них оживление, – А вот и Аргим. Великолепно. Будет, кому спартанцев встретить, когда сюда доберутся. Жаль, мне не привелось».

Все корабли адмирала Ларина, миновав опущенную цепь, вошли внутрь и пришвартовались к пирсу, чудом сохранившемуся в гавани, выглядевшей как остывшее костровище. Таким же чудом смотрелись пять целехоньких триер и квинкерема, возвышавшиеся чуть дальше. На мостках в сопровождении отряда вооруженных скифов, их поджидал уже и сам «военный комендант» захваченных Том, ничуть не зазнавшийся от одержанных побед и с радостью обнявший возвратившегося начальника.

– Ну, я смотрю, ты тут славно повоевал, – похвалил Леха, своего помощника, – можно тебе лихие дела доверять, я не ошибся.

– Мы взяли город, – доложил Токсар, жестом предлагая адмиралу осмотреть все самому, – помогла катапульта Архимеда. Я такой пожар тут разжег с ее помощью, что греки не выдержали и сдались.

– Сдались? – не поверил своими ушами Ларин, поднимаясь в окружении охранников по вновь отстроенным мосткам из гавани в крепость вслед за Токсаром, – неужели, сдались?

– Не без боя, конечно, – продолжал докладывать бородач, – стены у них были крепкие. Едва одолели. Но, после того как мы взорвали наружную стену и туда проникла конница

Аргима, город был окружен. Сопrotивлялся отчаянно несколько дней, но пожар сделал свое дело. Помощи им было ждать неоткуда, и они открыли ворота, когда дым повалил изo всех щелей. Это случилось буквально вчера к вечеру. Ветер дул сильный, пожар раздуло быстро.

– Насчет помощи, это ты ошибаешься, – «успокоил» его адмирал, разглядывая морской горизонт, когда они уже поднялись на одну из томских башен, – она вот-вот подойдет. А могла бы и вчера появиться, если бы не тот самый ветер.

Токсар ждал продолжения молча, удивленный заявлением адмирала.

– Я сам еле ноги унес, – просто ответил Леха, немного успокоенный, что на горизонте пока было чисто. И добавил, заметив на лице верного Токсара недоумение, – к Одессу подошла морская флотилия афинян и фиванцев. А по суше еще и спартанцы. Так что недавний шторм был для меня спасением. Да и тебе, я смотрю, помог запалить город. Я же едва вырвался из окружения с горсткой кораблей, половину потерял в бою и во время бури.

Ларин помолчал, изучая лицо помощника, словно видел его впервые.

– Одна радость, этот шторм разметал корабли афинян и потопил немало. Если утонула хотя бы половина из них, то уже нам будет гораздо легче.

– А много их пришло? – озадачился Токсар от такой пламенной речи командира, – значит, надо срочно готовиться к отражению атаки с моря?

– Много, больше сотни, – не таясь, ответил Ларин на первый вопрос.

Токсар едва не присвистнул.

– Если так, то нам немедленно надо укреплять гавань и стены.

– Мысль верная, – не стал отговаривать его адмирал, – но, есть еще кое-что. Давно Иллур ушел отсюда?

– Уже несколько дней, как усакал, – ответил Токсар, с опаской поглядывая на море, от которого теперь исходила реальная угроза, – скоро в Крыму будет.

Сообщение о спартанцах он оставил без внимания, словно их и не было.

– Какие приказы отдал?

– Он встречался с Аргимом, приказал ему взять всю оборону на себя, а мне велел лишь отправить гонца в Одесс и дожидаться вашего возвращения. Что я и сделал. Город тогда еще не пал.

– Понятно, – кивнул Ларин, прохаживаясь вдоль стены, – похоже, судьба Том его не сильно волновала. Да оно и понятно.

– А что, еще что-то случилось? – догадался по тону своего командира Токсар.

Ларин вздохнул.

– Случилось. Да еще как. Сарматы нас предали. В Крыму война. Тем письмом царь вызвал меня обратно в Крым, Так что и я задерживаться здесь не намерен. Да и твою судьбу он, похоже, предвидел. Прозорливый у нас царь.

Леха сделал еще несколько шагов вдоль стены, провел пальцами по шершавой кромке камня и добавил.

– Ну, что смотришь. Пойдем, Аргима навестим, раз он тут теперь главный. Остальное по дороге расскажу.

Ларин и Токсар спустились по каменной лестнице во внутренний двор, сели на приготовленных для них коней и покинули цитадель через главные ворота в сопровождении охраны. От этих, некогда массивных и надежных ворот, теперь оставались только внешние балки. Вся же центральная часть была начисто вынесена каким-то мощным тараном.

– Чем пользовался? – поинтересовался Ларин, разглядывая тотальные разрушения, и попробовал угадать, – катапульта?

– Она, – кивнул Токсар, – оружие превосходное. Если бы не эта катапульта, греки бы до сих пор сопротивлялись. Сидели они в городе крепко.

– Молодец, – похвалил Ларин, слегка придерживая лошадь за узду, чтобы рассмотреть следы бушевавшего огня, имевшиеся повсюду, – Пожар и, правда, был знатный. Архимеду отдельное спасибо. Поблагодарю, если еще раз доведется увидеть старика.

Миновав не один десяток обгорелых домов местного купечества и несколько амбаров,

походивших на скелеты древних чудищ, скифы выехали из города через еще одни полуразрушенные ворота и оказались в поле. Невдалеке виднелся лагерь Аргима, который по привычке предпочитал жить в юрте и каменный городской уют не уважал, предпочитая ему простор.

– Городишко подлатать придется, – подумал вслух Ларин, – иначе его не удержать. А еще ведь Истр и вся дельта реки... да, солдат надо много.

У входа в лагерь их попыталась остановить охрана, но признав адмирала, пропустила к юрте главнокомандующего «первой конной». Аргим как раз трапезничал в одиночестве, обглаживая ребра кабана, который, – Лехам готов был поклясться, – еще днем бегал в окрестных лесах. Теперь же эта освежеванная и зажаренная на костре тушка, покоилась на огромном подносе в юрте у Аргима. Прямо на ковре.

– Здравствуй, Ал-лэк-сей! – радостно всплеснул руками Аргим и, отложив в сторону мясо, обнял вновь прибывшего, – давно тебя ждем. Садись, отдохни с дороги. Она, знаю, была не легкой. И ты, Токсар, садись.

– Да уж, – усмехнулся Ларин, взяв налитую собственноручно Аргимом чашу с вином, – едва на корм рыбам не ушел, вместе со всем флотом.

– Непогода была, – подтвердил Аргим, возвращаясь к трапезе, и отрезая гостям по ломтю сочного мяса, – боги гневались сильно. Но, ты, хвала богам, жив.

– Потому что боги гневались не на нас, – заявил Леха, залпом осушая чашу и наливая себе еще, вино пришлось ему по вкусу, – они гневались на греков, которые встали у нас на пути.

– Ты повстречал... в море... греков? – деловито осведомился Аргим, в перерывах между словами отрывая своими крепкими зубами по огромному куску мяса от ребер.

– Повстречал, – кивнул Ларин, как ни в чем не бывало, тоже продолжая есть, – и скоро они будут здесь, так что тебе придется их встретить достойно. А их не мало.

Аргим даже ненадолго прекратил жевать, услышав новость.

– С тобой мы всех греков отобьем, Ал-лэк-сей! – проговорил он, еще не до конца поняв, к чему клонит Ларин.

– Наш царь ведь был здесь? – на всякий случай поинтересовался адмирал, словно не был в этом до конца уверен.

Озадаченный конник кивнул.

– Приказал тебе принять командование надо всем войском? – продолжал напускать туману Ларин, дожевывая мясо.

Аргим вновь кивнул.

– А что еще он тебе сообщил?

– Вот ты о чем, – догадался, наконец, скиф, – об этих предателях сарматах, что напали на Крым?

– Именно, – похвалил его за догадливость Ларин, – тебе он приказал охранять побережье, а мне плыть в Крым со всем флотом.

– Как? – не поверил своим ушам Аргим, хотя и понимал, что Ларин не врет и не шутит, – а как же мне без тебя обороняться с моря? Ведь ты говорил, греков много идет.

– Много, – подтвердил Леха, ухмыльнувшись, – До шторма было не меньше сотни кораблей. Но боги, кажется, наполовину умили их пыл.

Аргим посчитал что-то в уме и покачал бородой.

– Все равно немало осталось.

– Оно понятно, – не стал спорить Ларин, – не мало. Я вообще чудом прорвался сквозь их триеры. Однако, сам знаешь, приказ царя это закон.

Ларин доел мясо, выпил еще чашу вина, изрядно захмелев, и продолжал держать речь на стихийно образовавшемся военном совете. От нахлынувших чувств, он стал широко размахивать руками, то и дело, задевая полог юрты.

– Ты уж извини, Аргим, – заявил адмирал, – но, кораблей я тебе оставить не могу. Итак, потерял половину после набега на Одесс.

Аргим молчал, ожидая, чем еще его порадует Ал-лэк-сей.

– Кроме того, и те заберу, что вы сами захватили. А потом в Истр наведуясь. Туда гонцов послать надо не медля, прямо сейчас, времени мало.

– Мое дело, конечно, степь, – заявил на это Аргим, вытирая руки о штаны, – на земле я отоьюсь от любого врага. Но наступать дальше будет трудно. А без кораблей вообще никак.

– Наступать? – удивился оптимизму главного конника Леха, – да пусть боги пошлют тебе столько сил, чтобы ты мог остановить их и задержать на рубеже реки. По суше сюда идут спартанцы и фиванцы. Конницы я не видел, так что, скорее всего, только пехота.

– Я должен оставить без боя Тома и даже Истр? – не поверил своим ушам Аргим.

– Нет, я этого не говорил, – успокоил его Ларин, – и ничего такого приказывать тебе уже не могу. Бейся, как знаешь, хоть в поле, хоть в крепостях сиди. Главное устье реки не отдавай грекам и продержись до тех пор, пока мы с Иллуром не разделимся с этими предателями сарматами. Пока не выгоним их из Крыма и время не появится, вновь здесь очутиться.

Но, несмотря на заверения скифского адмирала о быстрой победе над врагами, по лицу Аргима было ясно, он уверен, – это будет «долгая песня». У степняка быстро поубавилось оптимизма. Впрочем, ненадолго. Выпитое вино сделало свое дело, и вскоре он опять пришел в нужное состояние.

– Ай, Ал-лэк-сей, – заявил он, хлопнув также изрядно принявшего на грудь адмирала по плечу, – Пусть хоть все греки сюда приплывут, всех прогоню обратно или здесь же и останутся!

– Вот эти слова я рад слышать! – приобнял он скифа в свою очередь, – узнаю храброго Аргима. Я сообщу царю, какой ты сильный воин. Да, впрочем, он и сам знает.

Когда сильно захмелевшая троица, откинув полог юрты, показалась на свежем воздухе, уже опускались сумерки. Ларина очень тянуло расслабиться, но подсознательный страх, что греки могут появиться в любой момент и тогда он точно не доплывет до Крыма, заставил его соображать лучше, чем он, казалось, был сейчас способен.

– Аргим, – проговорил он, разглядывая закат над морем, отлично различимый с этого места, – отправь гонца в Истр, пусть готовят флот к выходу. Завтра утром я буду там.

– Послушай, Ал-лэк-сей, – попросил вдруг Аргим таким голосом, что адмирал просто не смог ему отказать, – оставь мне хотя бы несколько кораблей?

– Ладно, – кивнул тяжелой головой адмирал, – забирай те, что вы захватили. Гребцов сам наберешь. Но корабли, что стоят в гавани Истра, извини, возьму с собой. В Крыму тоже будет битва.

Глава пятая «Скалолазы»

Неожиданный порыв ветра бросил бирему с волны на волну. От удара, такого гулко, словно корабль ударился о скалу, несколько человек повалилось на палубу, а двое едва не вылетели за борт. Сильно накренившись бирема зачерпнула бортом соленой воды, но, все же выровнялась и небольшой кораблик ходко пошел дальше, пробираясь сквозь ночной мрак к своей цели.

– Держаться крепче, – приказал Федор, оглядев свое суденышко, наполненное бойцами двух отрядов и гребцами, – недолго осталось.

Ночь выдалась на редкость подходящей для подобного предприятия. Море начинало пениться, предвещая шторм, но пока еще было почти спокойным. Половину луны надежно укрывала настолько плотная мгла, что Федор уже не мог различить на воде второй корабль, приземистый силуэт которого отделился от них буквально пять минут назад. На той биреме находился отряд из десяти человек под командой Ксенбала, – опытного бойца, покорявшего вместе с Чайкой и Летисом васконов. Его целью была дальняя оконечность «морской» стены. Бойцам Ксенбала предстояло высадиться там, где тянулись внешние торговые пирсы,

опустевшие с началом войны. Никаких других кораблей в эту ночь согласно тайному приказу Гасдрубала в прилегавшей акватории не было.

На биреме Федора разместилось два отряда – еще одного «бывалого» бойца по имени Урад и отряд самого Чайки, в каждом было по восемь человек. Себе Федор, ясное дело, отобрал самых лучших. Под его началом служили только самые опытные и толковые «скалолазы», обвешанные сейчас веревками с крюками и готовые в любой момент прыгнуть на отвесную стену, прицепившись к ней мертвой хваткой, словно настоящие пауки. Из снаряжения взяли только крюки, короткие мечи (любимые фалькаты пришлось оставить, – слишком тяжелы) и кинжалы. Зато последних имелось у каждого в избытке, по два или три на брата. Лишь у одного имелся короткий лук, да и то на всякий случай. Пока стену не одолеют. Взяли также несколько узких веревочных лестниц.

Все были одеты словно обычные ремесленники: туники, простые темные хитоны, крепкие сандалии. Только широкие кожаные ремни, перехватывавшие грудь, пояс и лодыжки немного смазывали общую картину. А также металлическое кольцо на груди, сквозь которое был продет грубо сработанный кузнецами по заданию Федора «крюк-карабин» и короткий деревянный молоток для забивания кольев, накрепко привязанный к поясу. Но в целом: встретишь такого в толпе и, ни за что не узнаешь, что перед тобой солдат армии Ганибалла. Так, обычный мастер своего дела. Кожевник или гончар, а может оружейных дел мастер. Одним словом, – ремесленник. Даже Летиса приодели. В широком зеленом балахоне, перехваченном ремнями, и невысоком колпаке, он был похож на гнома-переростка, склонного к занятиям благородной торговлей. Понятное дело погрузка на корабли также прошла тайно, в полной темноте и подальше от любопытных глаз, – на самом отдаленном пирсе.

Время шло. Неразличимая на морской глади бирема кралась к видневшейся впереди на фоне темного неба громаде, – неприступной стене Карфагена. Защитники города упрощали задачу Федору, время от времени пуская зажигательные стрелы вдоль стены, чтобы хоть ненадолго осветить ее. Кое-где с моря были видны мерцающие огоньки, – это горели жаровни, у которых грелись воины. С неба вскоре начал накрапывать дождик, к счастью мелкий и не слишком упорный. Он, то окатывал «спецназовцев» слабыми каплями, то вовсе прекращался.

– Накройте горшки получше! – приказал Чайка. Кроме дождя, то и дело волны перехлестывали через борт, не оставляя шансов «ремесленникам» добраться до цели сухими.

Федор, стоя на носу утлого суденышка, смотрел вперед на выраставшую в размерах стену, и размышлял о своих шансах подняться на эту громадину. Шансы были небольшие, но были. Тем более, что отступить все равно уже было поздно. Он либо поднимется на эту стену, либо здесь же и останется.

Перед выступлением Федор внимательно изучал чертежи укреплений Карфагена, доставленные ему от самого Гасдрубала, и пришел к выводу, что отряд Урада он высадит у древней разбитой пристани, построенной едва ли не во времена царицы Элиссy. Пристань уже давно не использовалась и представляла собой остатки каменной ступеньки у подножия стены, разрушенной людьми. Все деревянные надстройки были с нее сняты, а проход внутрь сквозь толщу стены заложен камнями. Собственно, снаружи осталось только метров десять камня, обглоданного водой и ветрами. Не бог весть что, но для людей, возжелавших посреди ночи тайно пробраться в закрытый город, хотя бы есть за что зацепиться и откуда начать свое восхождение. Да и находились эти обломки довольно близко к берегу, занятому войсками Гасдрубала. Отсюда Федор и решил начать высадку десанта.

– Отряду Урада приготовиться, – приказал он, когда бирема на веслах неслышно подобралась почти к самым стенам.

Чайка, впрочем, как и все остальные, напряжено вглядывался то в приближавшуюся громаду стены, то посматривал вверх, где изредка чертили небо «осветительные ракеты». К счастью усилившийся дождь, ветер и темнота делали свое дело. Стрелы гасли, пролетев едва ли половину расстояния.

– Вот она, – первым обломки древней пристани заметил Летис, указав на камни, показавшиеся из темноты в опасной близости от корабля.

– Вперед, – коротко скомандовал Федор, – горшок не забудьте.

Урад молча кивнул и, закинув наглухо запечатанный горшок в специальной кожаной обвязке себе за спину, первым спрыгнул на мокрые камни.

Все действия, время и место встречи, были оговорены заранее. Еще на берегу. Когда бойцы, наконец, узнали, что им предстоит путешествие не в далекую Нумидию, а, более близкий, но оттого не менее опасный путь, – удивлению не было предела. Однако, осознав, какая задача на них возложена, никто и не вздумал выражать недовольство. Тем более, что солдатам, хоть и наемным, это не разрешалось. Напротив, все были единодушны и верили, что такой командир, как Федор приведет их к победе и зря на смерть посылать не будет. Тем более, что он сам вел их в бой. Это ощущение окрепло, после того, как Федор распределил задачи.

Людям Урада предстояло выполнить две задачи сразу: пробраться в город и устроить отвлекающий маневр. «Небольшой взрывчик», как называл это Федор про себя. Причем сделать это нужно было в любом случае, даже если все пройдет гладко. Пороха у него, к сожалению, не имелось. Зато были зажигательные горшки для баллист. Командирам двух групп было дано задние, – устроить небольшой пожар, чтобы отвлечь внимание стражников, сбив их с толку. Враг не должен был точно знать, сколько групп прорвалось в город. Федор приказал взять с собой по одному горшку всем отрядам, но сам намеревался пустить его в ход только в случае каких-либо проблем. Люди же Урада и Ксенбала рисковали собой, в том числе для того, чтобы отряд командующего западным фронтом под шумок наверняка пробрался в город.

Чтобы как-то компенсировать этот риск, Федор выбрал для себя самое трудное, – высадиться, практически, на саму стену с корабля. Никаких внешних пристаней на данном участке больше не имелось. Поэтому и набрал себе «бывалых альпинистов».

Один за другим, бойцы Урада покинули бирему, растворившись в ночи, словно черные кошки. Когда последний солдат в облачении ремесленника спрыгнул с качавшегося борта биремы на мокрые камни и чудом удержался на них, поскользнувшись и едва не рухнув в море, Федор махнул рукой, дав знак стоявшему в трех шагах капитану:

– Отчаливаем.

Бирема, заработав веслами с одного борта, тотчас пришла в движение и отделилась от разрушенного временем пирса, оставив десантников наедине со стихией и каменной стеной. Несмотря на кромешный мрак, Чайке показалось, что несколько человек уже карабкались по стене, осторожно вбивая в нее клинья и цепляясь за них крюками.

Пока они плыли положенное расстояние вдоль стены, едва не цепляясь за нее бортом, Федор видел несколько зажигательных стрел, прочертивших небо над головой. Как и полагалось, они быстро погасли. Дождь шел уже достаточно сильный, а море слегка штормило. Погода делала свое дело, играя на руку диверсантам Гасдрубала.

– Еще рано, возьми чуть правее, – приказал он капитану, когда очередная волна едва не кинула их на стену, обдав брызгами.

Вконец промокший Летис громко выругался, позабыв об осторожности.

– Что за погода! Боги позабыли о нас, Федор. Почему? Разве мы не принесли хорошую жертву?

– Не гневи богов, – успокоил друга Чайка, вглядываясь во мрак и пытаясь разглядеть намеченное для высадки место, – погода отличная. Именно такая нам и нужна. Дождь, шум прибоя и мрак.

Он посмотрел на недовольного товарища и добавил.

– Если бы светла луна и стояла тихая ночь, на нас бы уже падали горшки с горячей смолой и сотнями сыпались стрелы. А мы давно рассекаем под самым носом у бойцов сената и никто из них пока, хвала богам, не знает об этом. Надеюсь, и дальше так пойдет.

Когда корабль прошел еще сотню метров, Чайка, наконец, определился.

– Сбрось ход и причаливай, – бросил он капитану, – подходи как можно ближе к стене.

Гребцы на веслах ненадолго замерли, затормозив движение небольшого судна, а затем стали аккуратно подводить его к выступавшей прямо из воды стене. Большая часть стен Карфагена находилась на удалении от берега, но на участке высадки двух первых групп десанта она примыкала к воде. На то и был расчет.

Прибой крепчал, волны раскачивали судно, грозя разбить его в щепки о камень. К счастью, капитан был опытным и дело свое знал. Бирема медленно приблизилась к стене, почти остановившись.

– Начнем, пожалуй, – решил Федор и, махнув рукой, дал сигнал к высадке, пробормотав вполголоса по-русски, – пошли, ребята.

Стена была сложена из мощных каменных блоков, выработанных на каменоломнях, что находились неподалеку от Карфагена. Финикийцы слыли известными каменотесами на всем побережье Обитаемого моря. Глыбы у основания были огромными и почти ровной формы, но при этом время и ветер свое дело сделали, – скрепляющий их раствор повсеместно обсыпался. Поэтому щелей для того чтобы вбить кол и загнать крюк с веревкой, или даже поставить ногу, было предостаточно. Особенно в самом низу.

Поэтому его бойцы, уже имевшие опыт скалолазания, без особого труда закрепились на стене, пока бирема медленно проплывала мимо. Первая тройка просто слилась с мокрым камнем, быстро нащупав в широких щелях опору для своих ног и рук. Вскоре еще трое оказались на стене, и Федор уже приготовился сам покинуть корабль вслед за Летисом, как раздался сдавленный крик. С ним почти слился второй. Сразу двое сорвались в воду.

– А ну табань²! – рявкнул Федор, – человек за бортом.

Капитан тоже был не глухой и не успел Федор договорить свой приказ, как в воду полетели веревки, а бирема сбросила ход. Несмотря на темноту и волнение, они успели быстро выловить обоих бойцов, и даже не разбить бирему о камни. Видеть в темноте Федор уже привык лучше кошки. Из-за нависавшей опасности все его чувства обострились. Казалось, он слышал сейчас сквозь ветер все, что происходило вокруг метров на сто, и видел сквозь мрак примерно также.

– Живы? – коротко уточнил Федор, оглядев промокших до нитки «ремесленников», – ну, тогда быстро на стену, времени нет. Отогреемся, когда окажемся за стеной.

И взглядом указал в направлении препятствия, которое было еще не взято. Оба бойца, переглянувшись, как могли, вытерли руки, чтобы не соскользнуть со второй попытки, и, оттолкнувшись от борта, вновь прилипли к стене. Оба тут же загнали в нее по колу, закрепившись для верности.

Федор выждал еще мгновение, больше никто не обрушился в воду, и сказал смотревшему на него Летису.

– Пора и нам за работу. Давай вперед, а я за тобой.

Здоровяк, давно ждавший, команды нащупал на стене каменную полку и, с кинжалом в руке шагнув во мрак, отделился от корабля. На спине у Летиса была привязана узкая, но прочная веревочная лестница длиной в десяток метров. Федор успел заметить, как его друг вогнал кинжал в щель и второй рукой потянулся выше, нащупывая опору для движения вверх. Не успел силуэт Летиса окончательно исчезнуть во мраке, как Федор, поправив закрепленный на спине горшок с зажигательной смесью, тоже шагнул навстречу судьбе.

Бирема ушла во тьму. Ходившая ходуном палуба под ногами пропала и теперь казалась Чайке просто образцом твердости. Особенно после того, как его правая нога соскользнула с мокрого камня. Но он успел подобно Летису вогнать короткий и широкий кинжал, – ничего лучше для этих целей не нашлось во время сборов, – в расщелину между камнями и удержался. От этого движения зажигательный горшок качнулся в сторону и звонко ударился

² Табанить (морск) – грести веслами в направлении обратном нормальному движению, чтобы быстро затормозить судно.

о камень. Но, к счастью, не раскололся.

Крепко выругавшись во весь голос, благо шум волн заглушал здесь все звуки, Федор вернул ногу на место. Отдышался, постояв немного на каменной полке и слушая шум прибоя. Затем запрокинул голову, пытаясь рассмотреть край стены, но ничего не увидел. До него еще было, как до луны. Между тем, время неумолимо приближалось к рассвету. Небо пока было затянуто низкими тучам. Но, дождь когда-нибудь кончится. А Федор вовсе не хотел, чтобы первые лучи солнца застали всю его группу где-нибудь на середине стены, сделав отличной мишенью для лучников сената. Чайка предпочитал погибнуть смертью героя, не говоря уже о том, что сейчас даже эта перспектива ему не нравилась. Ему нужно было не просто избежать смерти, а найти и спасти свою семью. Поэтому Федор усилием воли отогнал мысли о поражении, встряхнулся.

– Ладно, не Монблан и Джомолунгма, взберемся как-нибудь, – пробормотал он, подбадривая себя, осторожно потянулся вверх и стал медленно нащупывать новую расщелину. А когда нащупал, то вогнал в нее кинжал и подтянулся, одновременно отыскивая удобный упор для ноги, – и не такие высоты брали.

Не став уточнять, где именно он побеждал стену выше, чем карфагенская, Федор медленно и осторожно прополз по стене вверх несколько метров и здесь дал себе первую небольшую передышку. Осматриваться было еще рано, – все равно ничего не видеть, даже Летиса, который карабкался вверх где-то поблизости. Зато нужно было закрепить достигнутый успех, причем в прямом смысле, чтобы не свалиться обратно в воду.

Держась крепко одной рукой с кинжалом и ногами, – пока что Федор продвигался только с помощью лезвия и своей ловкости, – он осторожно вытащил из узкого кармана заранее приготовленный колышек, загнутый на конце. Кол был выкован по его приказу из металла, как и еще несколько десятков таких же, для неизвестных кузнецам целей. Чайка дал им только размеры, а посвящать в детали, понятное дело, не стал. Да те и не спрашивали. Их дело маленькое, – делай, что велено.

Вытащив кол, он засунул его в узкую расщелину меж каменных блоков стены и, подтянув болтавшийся на поясе молоточек, забил как можно глубже. Подергал, хорошо ли забил. Кол не вынимался, засел крепко. Удовлетворенный делами своих рук, Федор сначала надел на него свою единственную веревку с петлей на конце, другой конец которой был закреплен у него на широком кожаном поясе. А потом зацепил за него и «крюк-карабин». Теперь можно было ползти дальше, но даже в том случае, если он сорвется, то пролетит вниз ровно до этого кола и не свалиться в воду. Веревка была прочная, выдержит. Длинной от силы метров пять, так что падать не высоко. Да и слететь с крюка вниз не должна, – загнутый конец помешает. А вот сдернуть ее, если изловчиться, сверху было еще можно.

Успокоившись, Федор решил провести ходовые испытания и, отдохнув немного, рассмотреть Летиса, если повезет, – ему послышались какие-то звуки, похожие на те, что он только что издавал сам. То ли здоровяк сейчас также закреплялся, чтобы не рухнуть в воду, откуда он вряд ли выберется, то ли Федору примерещилось, но толком он ничего не разглядел. Где сейчас находился Летис, выше или ниже чем он, Федор так и не увидел.

«Наверное, ниже, – решил командир отряда, – он, конечно, сильный парень, но не слишком расторопный. Будем надеяться, что все же успеет добраться до самого верха вместе с остальными. Там он нам очень пригодится».

Подумав так, Чайка осторожно отпустил руки. Сначала одну, без кинжала, а потом и другую, лишь упершись ногами в камень и повиснув на кожаной обвязке. «Крюк-карабин» выдержал. Федор даже расслабил ноги, – ремни на груди больно впились в подмышки. Дождь продолжал моросить, почти не давая согреться, но Чайка был так увлечен процессом, что не обращал на него никакого внимания. Интересное было ощущение: висеть над морем на одном крюке без помощи руки ног. А вдруг сейчас подломиться... или ремень порвется... и лететь тогда вниз... камнем. Но, ремни не порвались, а крюк выдержал.

– Отлично, – выдохнул Федор, вновь с облегчением нащупывая ногами каменный упор, – пора и дальше двигаться. Время не ждет.

И он пополз вверх, вновь вспомнив про Летиса. Физическая сила здесь действительно нужна была не малая. Руки и ноги постоянно напряжены, продвигаться приходилось на ощупь, а отдыхать можно было редко. Да еще этот чертов горшок, постоянно норовил удариться об стену. Но Федор карабкался вверх, словно заправский альпинист, возжелавший пойти на ночное восхождение и к рассвету быть на вершине Эвереста. На спор и без кислорода.

Когда ему удалось преодолеть еще метров семь, он стал замечать слабые мерцающие огни далеко верху. К счастью эти огни, – Чайка был уверен, что это жаровни охранников, – находились довольно далеко справа и слева от того места, где он хотел преодолеть стену. Честно говоря, он уже чертовски устал и несколько раз едва не сорвался, чудом удержавшись на стене. Появление огней, пусть и означавших опасность, говорило также о том, что стена не бесконечна.

– Еще немного, – подбодрил себя Чайка, вбивая меж камней еще один крюк, и вывешивая свое уставшее тело над морем – и мы на месте. Но сейчас, надо еще чуток отдохнуть. А потом последний рывок на вершину.

Он уже настолько утерять чувство опасности, что откинул голову, и даже поболтал в воздухе ногами в плотно прилежавших сандалиях. Дождь прекратился. Ветер также почти стих. Лишь шум моря продолжал напоминать о том, что внизу существует стихия, так и не разгулявшаяся до урагана. Но, уставшего Федора это долгожданное затишье уже не волновало. Он настолько обессилел, что страх в его душе притупился. И в этот момент раздался сдавленный крик. Кто-то из его людей сорвался со стены и рухнул вниз. Вслед за криком раздался всплеск, ясно сообщивший о том, что боец не прикрепился к стене, как было приказано. Или подвело снаряжение.

– Черт побери, – очнулся Федор, пытаясь разглядеть, что происходит внизу, – говорил же, все проверить перед выходом.

Но горевать было поздно. Помочь своему бойцу он уже ничем не мог. Если тот выплывет, это окажется большим чудом.

Этот случай заставил его вспомнить о том, что он не в одиночку штурмует вражескую цитадель, а командует отрядом. Даже тремя отрядами сразу. И Чайка вновь попытался разыскать глазами Летиса и приблизиться к нему еще до того, как взберется на стену. В этот момент ветер разогнал облака, и в просвет ненадолго показалась луна, осветив Карфаген. К своему удивлению Федор заметил мощную фигуру, карабкавшуюся вверх метрах в четырех выше него. И еще несколько силуэтов дальше по стене, примерно на одном уровне с собой. Насколько Федор смог разглядеть, Летис уже почти добрался до края стены, ему оставалось каких-то три метра. Там он вдруг остановился и завопил со снаряжением. До Чайки вскоре долетел какой-то стук.

«Закрепляется, – подумал он, прислушиваясь к тому, что твориться на стенах и к своей радости не услышав ничего особенного, словно сдавленный крик сорвавшегося бойца не достиг ушей охранников, – хотя с такой скоростью мог бы уже и до гребня добраться. Впрочем, молодец, нас поджидает».

И он направился к Летису, выталкивая непослушное тело вверх и в сторону, чтобы сместиться со своей траектории. Перемещаясь таким образом, он едва не сорвался, но забив еще один крюк, и, преодолев несколько метров выщербленной каменной стены с помощью крепкого кинжала, вскоре оказался прямо под ним. К своему удивлению, протянув руку, Федор нащупал веревочную лестницу.

– Летис! – позвал он сдавленным шепотом, боясь, что его уже могут услышать охранники, – Летис!

– А, это ты, – выдохнул Летис, скорее узнав по голосу, чем разглядев под собой друга, – поднимайся. Я прикрепил лестницу.

Федор, не веря своему счастью, сдернул веревку с крюка и, целиком полагаясь на работу друга, быстро преодолел несколько метров, оказавшись рядом с сопевшим от усталости Летисом.

– Да ты просто молодец, – похвалил Федор, покачиваясь на узкой веревке, – вот бы остальные так же быстро поднялись.

– Я уже крикнул соседнему бойцу, чтобы он полз ко мне, – удивил его неожиданной сообразительностью Летис, – когда ты появился, я думал, что это он.

– А кто сорвался? – спросил Федор, поглядывая снизу вверх на расплывчатый силуэт здоровяка.

– Не знаю, – просто ответил тот, – не видно ничего.

– До гребня уже совсем близко, – поделился мыслями Федор, – надо побыстрее добраться туда. Если выйдет закрепить лестницу и втянуть остальных.

– Идем вдвоем? – деловито осведомился Летис.

– Давай подождем хотя бы одного бойца, – решил Федор, после недолгих размышлений, – вдвоем все же легче. Мало ли что.

Так они висели, молча, минут десять, пока не послышался лязг кинжала, вгоняемого в щель меж камней. Вскоре рядом показался силуэт уставшего «ремесленника», а, спустя минуту, – Федор не успел толком расспросить своего бойца насчет остальных, – под ним засопел еще один спецназовец.

– Ну, все, – решил Федор, собрав четверых в одном месте, – дальше ждать нельзя. Остальные доберутся как-нибудь сами. Летис поднимайся на стену. Только... тихо.

Летис кивнул. Федор скорее догадался об этом, чем увидел, – вокруг все еще было темно, ведь благоволившая к ним луна, стараниями небесной царицы Таннит, вновь спряталась за облака. Но рассвет приближался. Бойцы находились уже под самым гребнем стены и до чуткого слуха Чайки, сквозь плеск волн, стали долетать и редкие шумы ночного города. Карфаген был осажден и ночью здесь спали далеко не все.

Силуэт здоровяка, закрепившегося на самом верху веревочной лестницы, вскоре исчез из вида. Дав ему не больше минуты, Федор последовал за ним. Еще два бойца также должны были поддержать группу прорыва и обеспечить остальным возможность подняться быстрее.

Легко преодолев по узкой веревочной лестнице метра четыре стены, – по сравнению с тем, как он поднимался до сих пор, это было просто мгновенно, – Федор вновь разглядел Летиса, в тот момент как гигант отделился от стены и перевалился через каменное ограждение. На фоне светлеющего неба он стал ненадолго замечен. Подождав еще секунд двадцать, – все было тихо, – Федор вновь «вышел» на стену с кинжалом, поскольку лестница закончилась, но, к своей радости нащупал веревку, заботливо прикрепленную Летисом. «Да здоровяк просто незаменим, – похвалил больше себя, чем своего друга Чайка, – я не зря взял с собой именно его».

И, схватившись за веревку, он вдвое быстрее добрался до самого верха. Здесь, нащупав край стены, Федор подтянулся и перебросил свое изможденное тело в бойницу между двумя массивными зубцами. А когда он в изнеможении распрямился, прислонившись к стене спиной, и ощутил под собой столь желанную горизонтальную твердь, то испытал настоящее блаженство. Рядом с ним, слившись со стеной насколько это было возможно, сопел Летис. А впереди, прямо под ними, раскинулась торговая гавань Карфагена, погруженная сейчас во мрак. Кое-где, в прочем, она была освещена тусклыми факелами и жаровнями, свет от которых выхватывал из темноты то часть стены, то нескольких стражников, то корпус «круглого» торгового корабля.

Когда то, много лет назад, в трюме именно такого «зерновоза» приплыл сюда беглый римский опцион Федор Тертуллий Чайка в поисках спасения и поддержки. И получил все это из рук сенатора Магона, того самого, убить которого сейчас желал ничуть не меньше чем своего «родственника» Марцелла.

«Как порой в жизни все быстро меняется, – подумал Федор, на мгновение предавшийся воспоминаниям и тут же отогнавший их, – много воды утекло. Но, философией займемся позже. Сначала война».

Отдышавшись, он бросил беглый взгляд по сторонам, отметив, что ближайшая жаровня находилась почти в сотне метров справа. Там грели руки четверо бойцов сената с полным

обмундировании, прислонив щиты и копья к стене. Вся остальная часть стены тонула в темноте. Возможно, там тоже кто-то был. Но костер мешал это увидеть, сгущая мрак вокруг себя. Слева на широкой стене, метрах в двадцати, возвышалась какая-то постройка, похожая на небольшой амбар. Ее силуэт был виден с отсветах другого костра, горевшего примерно там, где должны была выбраться наверх группа Урада. Амбар закрывал от света «точку перехода» группы самого Федора, но мог стать препятствием на пути другой группы.

«Не повезло ребятам, – покачал головой Федор, разглядывая, нет ли у непонятного строения людей, – пусть боги сделают их невидимками и ослепят стражников хоть ненадолго».

Приглядываясь к этому амбару, Федор заметил длинную балку, выходящую из него и нависавшую над мостовой, а также веревки, свисавшие вниз до самого пирса. Судя по всему, это был какой-то механизм, для поднятия тяжестей на стену, наподобие тех, что регулярно придумывал хитроумный Архимед в далеких Сиракузах. Сейчас у загадочного амбара никого было не видно, значит, он не представлял стратегического значения. Впрочем, расслабляться было еще рано. Несмотря на всеобщее спокойствие и на давнее отсутствие штурмов, Федор был далек от мысли, что стражники здесь вообще не делают обходов. Рано или поздно, кто-то должен был проявиться.

В этот момент рядом с ним плюхнулось на камни разгоряченное тело третьего бойца, а вслед за ним и четвертого, втащившего за собой с глухим стуком веревочную лестницу, как приказал ему Федор перед началом «восхождения на вершину».

– Все? – уточнил Федор у замыкающего.

– Я шел последним, – сообщил тот, сбросив себе под ноги моток с лестницей. Он с радостью опустился на камни и, расслабляя уставшую спину, добавил, – остальные поднимаются левее.

– Отдышись немного, а потом за мной, – приказал уже отдохнувший Федор и, хлопнув Летиса по плечу, добавил, – а ты бери лестницу. Пойдем, перевесим ее, чтобы бойцы поднялись быстрее.

Летис немедленно выполнил приказ и, схватив в охапку клубок обмотанных веревкой ступенек, словно немой призрак неслышно последовал вслед за Федором. Вообще, Чайка должен был признать, пока что здоровяк, от которого обычно было много шума, пока вел себя более чем незаметно.

Вскоре они были у амбара, почти перегородившего проход по стене. Здесь людей не было, но выглянув из-за стены, Чайка заметил метрах в тридцати каменную лестницу, что вела со стены в низ. На ней была сделана смотровая площадка для наблюдения за внутренней бухтой. Там, в чашеобразной жаровне, горел костер, у которого собралось сразу человек десять. Все были тяжеловооруженными пехотинцами в полном облачении. Они ели мясо, пили вино и хохотали, рассказывая друг другу байки, но, по всему было видно, что трапеза походила к концу и вскоре они должны были разойтись по своим постам.

– Так вот почему тут так пустынно, – с удовольствием отметил Федор, и, обернувшись к застывшему за спиной Летису, приказал, – дальше нельзя, крепи лестницу здесь.

– Но, они поднимаются дальше, – уверенно заявил здоровяк, – я видел. Надо пройти вперед.

– Ничего не поделаешь, – успокоил его Федор, вновь скрываясь за амбаром, – им придется доползти сюда. Все легче будет. А впереди нас ждет слишком теплый прием, от которого я предпочитаю пока отказаться.

Впрочем, по наблюдениям Федора, были и хорошие новости. Этот костер горел ближе, чем ему показалось вначале, а значит дальше, где должен был подниматься Урад со своими людьми, опять тянулась полоса мрака. Они вполне могли проскочить.

Летис больше не спорил. Он вогнал пару кинжалов в стену, – крюки закончились, – и примотал к ним конец веревочной лестницы, скинув ее во мрак. Ступеньки глухо стукнули несколько раз о камень, пока лестница перестал раскачиваться.

– Осторожнее, – сдавленным шепотом прохрипел Федор, – у нас тут под боком

слишком много лишних ушей.

Он даже выглянул из-за угла, бросив быстрый взгляд в сторону балагуривших охранников, но те, к счастью, были слишком увлечены собственными разговорами и не обратили на шум никакого внимания. Федор успокоился и мысленно пожелал, чтобы вино у них не кончалось как можно дольше.

– Готово, – сообщил Летис.

– Прикрой меня здесь, – приказал Федор, перелезая через стену и исчезая во мраке раньше, чем Летис успел что-либо спросить, – если появятся стражники, дай знать.

Мешавший горшок он тоже на время поручил Летису.

Быстро перебирая руками и ногами, Чайка вскоре оказался на несколько метров ниже гребня стены. Здесь он позволил себе немного пошуметь, другого выхода не было: ни рации, ни сигнальных ракет он не имел.

– Эй, – крикнул Федор в темноту, – это я, Федор Чайка. Есть тут кто?

Неожиданно совсем рядом с ним, даже чуть выше раздался голос.

– Я тут. Это Харит.

– Понял, – подтвердил контакт командующий западного фронта, – а где остальные?

– Тоже здесь, мы решили подниматься все вместе. Кроме Агуна... он сорвался.

– Ясно, – Федор даже не ожидал такой удачи, уже приготовившись собирать всех до самого рассвета, – перемещайтесь все сюда. Здесь веревочная лестница. По ней вы быстро подниметесь прямо на стену. Все остальные уже там.

Когда Харит оказался на лестнице, Чайка приказал ему подождать здесь остальных, а сам пополз обратно. Под весом двух человек лестница нещадно трещала и стонала, грозя оборваться. Оказавшись наверху, Чайка проверил крепление и понял, что кинжалы уже наполовину выскочили из своего углубления.

– Закрепи получше, а то сорвется, – приказал Федор.

Летис мощным ударом вновь вогнал кинжалы в щель, а затем еще привязал конец лестницы веревкой к массивному металлическому крюку, торчавшему из стены амбара. Тот был словно специально сделан для того, чтобы привязывать сюда веревки. А те, что свешивались с массивной балки вниз, пропущенные через блок, похоже, оканчивались то ли на краю пристани, то ли были прикреплены на корме стоявшего внизу корабля. Это еще больше утвердило Федора во мнении, что с их помощью сюда втаскивали тяжеленные мешки или ящики.

Пока Летис возился, Чайка вновь выглянул из-за стены строения, проверив, что делают охранники. Тех стало меньше. Это насторожило Федора, который даже схватился за кинжал, ожидая внезапного появления гостей, провороненных Летисом, но вскоре успокоился. Пятна четырех факелов колыхались в темноте, уплывая вниз по лестнице. «Отлично, – отметил с удовлетворением Федор, – значит это стража с нижнего уровня».

В этот момент к амбару прокралось две тени, в которых Чайка опознал своих. Приказав обоим охранять подходы с двух сторон, сам он вернулся к стене, рядом с которой уже стоял Харит, тяжело дыша. Вскоре на ней показались еще двое «ремесленников». Выслушав рассказ о том, как сорвался Агун, Федор покачал головой и коротко сказал:

– Его не вернешь, а нам нужно топиться, – он поднял руку, указав на светлеющее небо, – Уже близко рассвет.

Их разговор прервал сдавленный шепот наблюдателя, что следил за «пикником» пехотинцев на смотровой площадке.

– Снизу приближается стража.

– Справа тоже какое-то шевеление. Похоже, идет патруль.

Федор напрягся, нужно было принимать решение, что делать дальше. И на это у него было всего несколько секунд.

Внезапно в двухстах метрах левее того места, где прятался отряд Чайки, вспыхнуло яркое пламя, разлившись по стене. Это было похоже на мгновенный восход солнца, разорвавший тьму и осветивший эту часть гавани.

– Вовремя Урад сработал, – выдохнул Федор, за время вспышки отметивший все детали вокруг: четырех пехотинцев, поднимавшихся в его сторону слева, отряд бойцов сената на стене справа, человек десять у подножия лестницы и гавань внизу, запруженную кораблями. Веревки, свисавшие от амбара, были привязаны к корме «зерновоза».

Однако, не только Чайка заметил своих врагов, но и солдаты патрулей сената смогли увидеть чужаков на стене. Заметив их, они вскинули оружие и с криками устремились вверх.

– Похоже, – воскликнул Федор, закидывая горшок за спину, – становится слишком людно. За мной, ребята.

И первым шагнул на край стены, схватившись за свисавшую веревку.

Глава шестая «И снова Крым»

В Истре он оставался недолго, – с минуты на минуту могли появиться остатки греческого флота, а Ларин не горел желанием встречаться с ним еще раз. Грозный адмирал понимал, что, несмотря на давно ожидаемое нападение этой армады, которое могло сильно осложнить ситуацию в Малой Скифии, главное сражение сейчас происходило в Крыму и окрестных степях. А значит, надо было постараться довести туда как можно больше кораблей без потерь, поскольку сарматам помогали давние враги царя Иллур, – боспорские греки. А в Боспорском царстве, хоть и не так много, как в самой Греции, но корабли тоже имелись. И, судя по всему, эти корабли беспокоили сейчас своими нападениями все скифские порты и даже хорошо укрепленный Херсонес, из которого Иллур, выгнав греков, сделал одну из мощнейших военно-морских баз собственного флота в Крыму.

Предавшись ненадолго воспоминаниям, Леха лишний раз пожалел, что не удалось в том давнем походе полностью сломить Боспор. Тогда скифы пронеслись огненным смерчем по землям этого царства и выпустили немало греческой крови, но главные города устояли, оказавшись не по зубам конной армии, лишенной обоза и осадных машин. «Ну да ничего, – мысленно пригрозил Ларин боспорским грекам, вцепившись в ограждение палубы и вперив свой взгляд в исчезающие берега, – скоро я вернусь, и второго шанса у вас не будет. Сотру все города к чертовой матери, а корабли сожгу. Пришла пора повывести всю греческую нечисть с наших крымских границ, а потом и сюда вернемся».

Ларин стоял на корме «Узунлара», наблюдая как его выросшая в размерах эскадра, покидает берега Малой Скифии. Он забрал с собой почти все корабли, которые нашел в Истре и еще несколько снял с патрулирования дельты, оставив там лишь биремы для переброски пехотинцев, разведки и организации сообщения между опорными пунктами. Своим приказом Иллур избавил его от необходимости беспокоиться об удержании дельты реки, эта задача теперь была возложена на Аргима. Ларин понимал, что без большого количества кораблей дельту не удержать, но выхода не было. Из Аргима адмирал никакой, он словно родился в седле, а Токсара Ларин забрал с собой. Вот и выходило, что на море командовать некому. Впрочем, адмирал был уверен, что поступил верно, – в случае чего конная армия Аргима даст бой на берегу, а если надо, то и втянется в маневренную войну вдоль всего побережья, но легко захватить грекам его не удастся. Правда, они какое-то время будут главенствовать на море, но с этим пока приходилось смириться.

– Дайте срок, – пообещал Ларин на удивление пустынному горизонту, словно греки, испугавшись гнева Посейдона, вообще решили оставить Ларина и его корабли в покое, удовлетвовавшись возвратом испепеленного Одесса, – я сюда еще вернусь и поквитаясь за все, что вы тут натворите.

А в том, что греки, дождавшись фиванцев и спартанцев, вскоре попытаются устроить тут «выжженную землю», навалившись всем миром, посуху и поморю, Ларин не сомневался. Просто сейчас они видимо зализывали раны и проводили разведку, прикидывая с чего начать. Так или иначе, эта задержка вышла Ларину на руку. Он успел сообщить последние новости Аргиму и настроить его на правильную войну, а сам собрать корабли и выйти в

море, выполняя царский указ. Впрочем, насчет места пребывания остатков флотилии греков, были у Ларина и еще мысли. Одна из них, – крайне неприятная.

«Кто знает, – размышлял адмирал, рассматривая морские просторы и прохаживаясь вместе с Токсаром по палубе квинкеремы, что набрав ветер парусами, ходко шла по волнам, – может они вовсе не сюда плыли и случайно на меня наварались. Может, они дальше по морю в сторону Крыма направились и уже давно обогнали меня, не тратя сил на захват побережья?».

Он поделился своими соображениями со спутником.

– Может и так, – кивнул, поразмыслив бородатый скиф, поглаживая висевший на поясе топорик, – хотя, мне думается, что они все же сначала попробуют отбить Томи и побережье. Крым далеко.

– Не дальше, чем отсюда до Греции плыть, – возразил адмирал, нахмурившись, – для них море родная стихия. Могли уже туда часть кораблей отправить, тем более, что вдоль берега плыть не надо. Можно и напрямки, в открытое море. Так мы их и просмотрели.

– Подождем, – рассудил Токсар, – скоро сами там будем. Все и узнаем.

– Подождем, – согласился адмирал, пересчитывая свои корабли, которых набралось чуть больше двадцати, из которых шесть были квинкеремами, а остальные триерами, – больше нам ничего не остается.

Было раннее утро, солнце еще вязло в мутной дымке, словно не решаясь подняться на небосвод повыше.

– Смотри в оба, – приказал адмирал, не спавший всю ночь, которую не пожелал терять на сон, потратив на сборы своей флотилии, – а я пойду, вздремну. Если появиться что на горизонте, буди.

Токсар молча, кивнул. А Ларин, обойдя баллисту и возившихся у нее артиллеристов, спустился по скрипучей лестнице к своему жесткому топчану. Едва отстегнув меч, он рухнул на него даже не сняв сапоги. «Хорошо, что я взял с собой Токсара, – похвалил он себя за находчивость, – есть на кого оставить командование». И мгновенно уснул, с наслаждением храпев.

На палубу Ларин выбрался только к вечеру, – никто его не побеспокоил за это время. Там он нашел только капитана, Токсар был где-то внизу. На палубе царила привычная походная суэта, но никаких особых приготовлений к бою Леха не заметил.

– Ну, как проходит плавание? – поинтересовался адмирал, проследив за взглядом капитана, взиравшего куда-то вдаль. Корабль окружало открытое море, края которого уже начинали сливаться на горизонте с водой в наступавших сумерках.

– Все спокойно, – отрапортовал Темир.

– Греков нет? – уточнил Леха, изучая лицо скифа.

– С тех пор, как мы удалились от берегов, я видел лишь два одиночных корабля, шедшие нам на встречу, – проговорил Темир, скрестив руки на груди, – куда-то в сторону Вифинии.

– Думаешь, это были греки из Боспора? – приближаясь к борту, осведомился Ларин, которому уже везде мерещились только враги.

– Не знаю, – покачал головой капитан, посмотрев на море, – суда были похожи на греческие, но, кто на них плыл и куда, трудно сказать.

– Что еще ты видел?

– Не так давно справа по борту показался и затем ушел в сторону небольшой караван торговцев. Примерно пять зерновозов.

– Куда они шли? – обернулся Ларин, оторвавшись от созерцания красивейшего заката, что разгорался над почти спокойным морем.

– Думаю, этот торговый караван плыл в сторону Колхиды.

– За золотым руном, что ли? – пошутил Ларин, вспомнивший вдруг греческие басни про аргонавтов.

Но Темир, похоже, не был знаком с этой историей и шутку не оценил. Он озадачено

воззрился на своего адмирала, не зная, что и сказать.

– Ладно, не бери в голову, – махнул рукой Леха, – главное, что военных кораблей греков не попадалось. Скажи лучше, когда в Крыму будем?

– Если идти также как сейчас и погода не сменится, – прикинул Темир, посмотрев на быстро темнеющие облака, – то завтра утром можем уже оказаться неподалеку от берегов Херсонеса.

– Давай, давай, – похвалил его Ларин, – туда и держи. Нам как раз в Херсонес надо. Узнаем, где Иллур, там и решим куда дальше плыть.

Токсар все не появлялся и Леха решил в одиночестве пройтись по кораблю, чтобы хоть как-то развлечься и взбодрить команду флагмана, за которым в колонну по два вытянулись все остальные корабли. Увидев капитана морпехов, он приказал ему устроить внеочередные учения и погонять своих бойцов, среди которых, после встречи с последней греческой триерой, появилось много новобранцев. Посмотрев некоторое время на «избиение младенцев» старослужащими, адмирал остался давлен. Среди «молодых» было немало крепких ребят, да и «молодыми» они могли считаться весьма условно. Большинство солдат пополнило ряды морпехов, покинув седла боевых коней, так что им больше приходилось привыкать к морю и палубе корабля, нежели к мечу или топору. Теперь «Узунлар» был вновь полностью укомплектован морскими пехотинцами.

Поверив на всякий случай готовность расчета баллисты, – Ларин велел привести ее в боевое положение, а потом разрядить, – адмирал добрался до носовой части корабля. Там, устроившись по соседству с резной фигурой, украшавшей корабль, Леха вновь устремил свой взгляд в открытое море, погрузившись в воспоминания о прошлой жизни. Ведь там были его родные места. Он вспомнил, как много лет назад где-то неподалеку они с Федором решили отправиться на морскую рыбалку из Туапсе и угодили в шторм, как им тогда показалось. А на самом деле, по воле судьбы, оказались здесь. Это было так давно, что Лехе уже казалось, что он здесь и родился, сразу став скифом. Но память ему не стерли, и brave адмирал немного погрустил, вспомнив отца и мать, которых уже никогда не увидит, если только не провалится обратно в будущее.

– Чего зря душу беречь, – произнес он вслух по-русски, отгоняя эти мысли, – теперь я скиф. И все тут. Завтра уже дома будем.

Оглянувшись по сторонам, словно боясь, что его кто-то подслушает, Ларин замолчал. Затем, вернувшись в реальность и больше не найдя, чем себя развлечь, он ушел с палубы, оставив общий надзор за капитаном и вновь появившимся Токсаром.

Темир не ошибся. На следующее утро, они увидели желанный берег. Едва хорошо отдохнувший адмирал, и не чаявший что путешествие выйдет столь спокойным, вновь вышел на сырые доски верхней палубы «Узунлара», как заметил вдали коричнево-желтые скалы с пестрыми вкраплениями зелени. С того дня, как он покинул этот благодатный полуостров, пейзаж ничуть не изменился. Леха узнал бы его из тысячи других. Это был Крым.

– Ну, вот мы и дома, – выдохнул Ларин, разглядев на далеком берегу каменные стены Херсонеса.

– Еще не совсем, – услышал он голос Токсара, – посмотрите туда.

Ларин проследил за указующим перстом и слегка нахмурился. Не они одни спешили к стенам Херсонеса этим ранним утром. Пересекая их курс, туда же двигалась флотилия греческих триер. Шли они со стороны Боспора и сомнений в том, чьи это корабли, у адмирала не было никаких.

– Значит, не дадут нам пройти спокойно в родную гавань, – подумал вслух Ларин, но, присмотревшись к противнику и пересчитав корабли, он повеселел, – ну и ладно. Темир, Токсар, готовьтесь к бою! Нам придется сходу вступить в эту войну. Пустим на дно корабли греков, что осмелились прийти сюда всего с десятью триерами, чтобы больше неповадно было.

И добавил, весело посмотрев на своих подчиненных:

– Иллур будет доволен.

Эскадра греков заметила их слишком поздно, потому, что греки смотрели совершенно в другую сторону. Ее капитан сам стремился подойти к Херсонесу как можно ближе незамеченным, и был уже почти у скалистых берегов, когда позади него показались скифские корабли. Получив сигнал, флотилия Ларина развернулась в боевой строй и охватила греков полукольцом, отрезая путь в открытое море. У скифского адмирала было вдвое больше кораблей, да к тому же они были крупнее, поэтому он не сомневался в исходе схватки.

– Похоже, здесь намечался неожиданный налет на гавань, – резюмировал адмирал свои наблюдения, – ну что же, я сорву этот план. Не вовремя вы ребята здесь оказались.

Когда расстояние между греками, уже нацелившими свои баллисты на Херсонес, и флотилией Ларина сократилось, адмирал, словно почуяв неладное, отдал новый приказ.

– Пяти кораблям с правого фланга выдвинуться вперед и отрезать им пути к возможному отступлению!

Не успел он приказать это, как греки совершили крутой разворот и направились в обратную сторону. Их предводитель, рассмотрев, наконец, что находится у него за спиной, почел за благо отложить налет на гавань Херсонеса до более удобного случая. Но в планы адмирала не входило, так просто позволить уйти назад гостям из Боспора.

– Ну, уже нет! – возопил Ларин, заметив маневр греческой флотилии, развернувшейся всем строем почти у самых стен каменной крепости, – пожаловали в гости, так гулять будем. Открыть огонь из всех орудий!

Расстояние уже позволяло и скифские артиллеристы, у которых солнце было за спиной, отлично видели свои цели. Конечно, греки тоже не вчера родились и маневрировали отменно, пытаясь уйти от прямого попадания. Но, вовремя высланные наперерез скифские триеры уже отрезали им легкий путь к отступлению, преградив беспрепятственное продвижение и заставив остальных греков снизить скорость, чтобы не протаранить своих. Кроме того, грекам приходилось плыть вдоль берега, подставляя свои борта под обстрел противника.

Едва авангард Ларина преградил грекам путь на Боспор, протаранив две головные триеры противника, как в воздухе засвистели ядра. Скифские каменные гостинцы, вышибая из обшивки целые куски дерева, дырявили борта греческих кораблей почти в упор. Греки яростно огрызались, – над головой Ларина неожиданно просвистело ядро, миновало палубу и упало в море с другой стороны корабля, не причинив никакого вреда.

– Не дрейфь, – посоветовал пригнувшемуся от этого звука Токсару адмирал, сам даже не шелохнувшись, – я заговоренный! Будешь рядом со мной, ничего с тобой не случится.

Токсар, хоть и был не робкого десятка, все же предпочитал пригибаться, когда ядра пролетали мимо, но, находясь рядом с таким командиром, у него не оставалось выбора. Приходилось играть со смертью, гордо расправив плечи. А греки и не думали сдаваться. Когда скифы перекрыли им прямой путь домой, перегородив акваторию своими кораблями, греки в ярости принялись таранить все корабли противника, до которых им только удавалось добраться. Артиллеристы Ларина вывели из строя две Боспорские триеры своей прицельной бомбардировкой, прежде чем гости, вырываясь их окружения, всей массой контраковали ближайшие корабли. На глазах изумленного адмирала состоялось подряд три тарана, из которых греки вышли победителями, существенно повредив его триеры, одна из которых завалилась на борт и начала тонуть.

– Черт побери! – выругался адмирал, глядя на это ожесточенное сопротивление, – если так пойдет дальше, то мне не с чем будет возвращаться в Херсонес. А ну, задавить оставшихся мощью квинкерем! Чтобы ни одна сволочь не ушла!

Токсар уже давно привыкший к странным выражениям своего начальника, исполнил приказ и три квинкеремы, включая самого флагмана, – Ларин пожелал лично участвовать в разгроме греков, – направились к месту схватки. Массированный обстрел из всех метательных орудий, который велся по врагу до тех пор, пока противники не сблизилась для

таранного удара, позволил скифам просто изрешетить две из четырех оставшихся триер, осмелившихся выступить против них. Увидев, что случилось с остальными, греки вновь передумали умирать героями и попытались сбежать. Одной из триер удалось, – она буквально соскочила с тарана скифской квинкеремы, шедшей с левого борта «Узунлара», – проскочить между судами и вырваться на оперативный простор. Но другую Ларин не упустил. Таран разогнавшегося до невероятной скорости флагмана нашел свою цель. Раздался страшный треск и «Узунлар» словно топором почти рассек надвое корпус греческого корабля, даже заскочив на него своим и притопив в воде. Триера, не выдержав такой нагрузки, разломилась. Но еще до того, как оставшиеся в живых гоплиты, в ярости прыгавшие по ее палубе, пошли ко дну, морпехи «Узунлара» расстреляли их с палубы из своих луков. Так что, погружавшиеся в пучину части греческого корабля были усеяны лишь телами мертвецов.

– Вот так, – заметил на это адмирал, который в порыве атаки уже был готов прыгнуть вниз, на палубу триеры, чтобы схватиться с кем-нибудь из гоплитов на мечах, – мы встречаем незваных гостей.

А обернувшись в сторону единственной триеры, которой удалось выскользнуть из окружения и удалявшейся сейчас на большой скорости в сторону Боспора, заметил:

– Не надо ее преследовать! Пусть принесет весть о нашей победе своим хозяевам, пыла у них поубавится. А нам есть чем заняться.

Затем последовала короткая спасательная операция, во время которой кораблями Ларина было поднято на борт не меньше сотни моряков и пехотинцев с утонувших или поврежденных судов, которые не могли двигаться дальше своим ходом. За время этой операции адмирал смог оценить ущерб и взять в плен несколько десятков греков, допрос которых лишь подтвердил, что в налете на Херсонес участвовали корабли Боспора. Порадовала Ларина сообщение одного из гортаторов, что это было одно из самых боеспособных соединений и без того не слишком многочисленной флотилии городов Боспора, ввязавшейся в войну на стороне сарматов. Эти корабли пришли сюда из Феодосии и Пантикапея. Впрочем, и сам адмирал, уничтожив девять триер противника, остался без четырех кораблей, пятый же был сильно поврежден, но мог передвигаться своим ходом.

– Ладно, до гавани как-нибудь доберется, – решил адмирал, осмотрев зияющие в бортах триеры пробоины от попаданий баллисты, – недалеко осталось. А там подлатают.

Запалив для острастки еще державшиеся на воде корпуса поверженных греческих триер, флотилия Ларина двинулась к Херсонесу и вскоре ошвартовалась в его гавани под восторженные крики защитников города. Все они уже дано собрались на стенах, привлеченные видом морского сражения, неожиданно разыгравшегося у них на глазах.

– Боги прислали вас во время! – воздел руки к небесам комендант города, широкоплечий бородатый скиф в золоченой кольчуге по имени Тарман. Он лично налил вина в раззолоченную чашу Ларина, отослав слуг. По всему было видно, что у него имеется разговор к внезапно прибывшему адмиралу, который являлся еще и кровным братом царя, о чем здесь никогда не забывали.

– Может и так, – снисходительно принял похвалу Леха, – да только вы и без нас отбились бы. Сил для захвата города у них все равно не хватило бы.

Не прошло и часа, как он развалился на широкой скамье у накрытого стола, потягивая вино в «горнице» трехэтажного каменного здания, оставшегося от бывших хозяев греков. Теперь здесь располагался комендант Херсонеса, со всем своим штабом.

– Я уверен, они и не собирались штурмовать город, – подавшись вперед, вдруг перешел почти на шепот Тарман, поглаживая бороду, – Их целью было другое. Этим утром к выходу готовился караван с зерном для сухопутной армии Иллур, что стоит на побережье, у самого перекопа, отбивая сарматов. Большинство кораблей тоже там, и мы не могли дать этому каравану хорошую охрану. Но Иллур торопил нас с отправкой зерна и я разрешил сделать это сегодня утром. Момент для нападения был выбран очень удачно. Если бы зерновозы вышли из гавани чуть раньше, то все пошли бы на дно или стали бы добычей грекам.

– Видимо, кто-то шепнул их капитану, когда нужно прибыть, – предположил Ларин, отодвигая чашу и пристально всматриваясь в морщинистое и обветренное лицо собеседника, – значит, у вас тут завелся предатель.

Тарман не моргнул глазом. Он поставил свою чашу на стол, отправил в рот засахаренную сливу и проговорил медленно, с расстановкой.

– Караван готовился довольно долго, сейчас лишнего зерна нет, – сарматы нас обложили со всех сторон, – и за его сбор и отправку отвечало сразу несколько военачальников. Так что мог продать любой из них.

– Ну, ладно, – не стал «педалировать» этот вопрос Ларин, переводя взгляд с лица Тармана в окно, из которого было видно такое близкое море, – найти предателя, твоя задача. А моя, – побыстрее добраться до царя. Он ждет меня с кораблями.

– Так может быть, Ал-лэк-сей, мы вместе лучше послужим нашему царю, чем по отдельности? – хитро прищурился бородач, – у меня есть зерно, но мало боевых кораблей. А тебе как раз нужно плыть к царю. Так, может быть, ты согласишься заодно доставить Иллuru зерно?

– А почему его не отправить посуху? – вдруг подумал Ларин, вновь переводя взгляд с моря на своего собеседника, – зачем рисковать, отправляя зерно по морю, если царь все равно стоит у перекопа?

– Армии Иллuru предназначается только часть зерна, – терпеливо пояснил Тарман, – остальное нужно морем доставить в осажденную Ольвию.

– Осажденную? – не поверил своим ушам Ларин, – сарматы уже и Ольвию осадили?

– Война идет по всем нашим границам, – проговорил комендант Херсонеса, – сарматы собрали большую армию и атаковали по суше много наших городов, в том числе и Ольвию. Только до Тирy еще не добрались. Хвала богам, ни одной большой крепости, еще не захватили, царь не позволил, и в Крым не прорвались. От злости Гатар лишь пожег наши пашни вдоль берега, но сил у него еще много.

– Хотят уничтожить главные верфи, – смекнул Ларин, словно, размышляя сам с собою и пропустив мимо ушей последние слова коменданта, – чтобы лишить Иллuru флота. Римляне, небось, надоумили, – сарматам наш флот без надобности, они по морю не плавают.

Во время этих размышлений адмирал застыл с куском мяса в руке, но, приняв внезапное решение, поднял глаза на Тармана.

– Ну, ладно, уломал. Давай твое зерно, доставлю его по морю к царю под охраной своих кораблей. Но уж дальше, – как он решит. Пошлет в Ольвию, поплыву, а нет, кто другой доставит.

– На то и царь, чтоб решать, – обрадовался Тарман, подливая вина своему гостю.

Переночевав за стенами прекрасно укрепленного города, выдержавшего в давние времена не один штурм скифской армии до захвата и, несмотря на это, сохранившего почти все греческое величие в архитектуре, Ларин был готов следовать дальше. Пополнив запасы и оставив здесь для ремонта все корабли, нуждавшиеся в этом, адмирал отдал приказ выступать.

Осмотрев зерновозы, он узнал, что ему предстояло конвоировать в секретный порт назначения двенадцать груженных доверху кораблей. Ларин рассчитывал обойтись своими силами, но комендант, обрадованный таким удачным стечением обстоятельств, сделал широкий жест и прикомандировал к нему еще три остроносых триеры.

– Все равно, я собирался отправить их вместе с зерновозами, – пояснил Тарман, лично провожавший на пристани кровного брата Иллuru, – так пусть они послужат нашему царю, как мы и хотели.

– А сил-то хватит от греков на море отбиться, если опять появятся под стенами? – на всякий случай уточнил Ларин, оглядев находившиеся в защищенной гавани корабли, коих насчитывалось от силы шесть штук.

– Мое дело, сохранить город, – туманно ответил Тарман, теребя бороду, – а море и так нашим будет, когда сарматов прогоним и с Боспором покончим. Вот вернется царь, тогда...

– Ох, не скоро он вернется, – перебил его Леха, посмотрев с высоты своего роста на коренастого, но низкорослого коменданта, – если такие дела вокруг Крыма творятся. Но, я передам своему кровному брату, что ты ему верно служишь и город в надежных руках.

Тарман слегка поклонился адмиралу, когда тот уже поднимался по сходням на борт «Узунлара».

– Отчаливай, – приказал капитану Ларин, в сопровождении верного Токсара направляясь на корму, – не позднее, чем завтра на рассвете мы должны быть на месте.

Когда караван зерновозов под охраной флотилии Ларина вышел из порта, оставив Херсонес позади, море вокруг было пустынным, словно эти места и не были самым оживленным перекрестком водных путей.

– Уважают, – самодовольно изрек Леха, оглядывая пустынный горизонт.

Глава седьмая

«Прорыв»

Он пронесся над мачтами кораблей, уцепившись за веревку, словно Тарзан, впервые ощутивший себя обезьяной. За мгновение под ним промелькнула чернота порта, разбавленная огнями редких костров и жаровен. Особенно врезались в память глупые лица пехотинцев сената, поднимавшихся по лестнице. Эти неповоротливые вояки и подумать не могли, что устройство для подъема тяжестей можно было использовать таким образом. Чтобы не сжечь ладони, Федор перекинул через веревку кожаный ремень и набрал такую скорость, что едва успел затормозить с помощью того же ремня, прежде чем приземлился на палубу зерновоза, – веревка была натянута едва ли не вертикально.

Приземлялся он практически на ощупь, поскольку в пятно света попал лишь на мгновение, пролетая мимо костра на смотровой площадке, а затем снова канул во мрак. Торговый корабль, к которому крепились веревка, тоже тонул в темноте и Федор понятия не имел, как она там привязана. За время своего молниеносного полета он успел, однако, подумать о том, что лучше было бы спрыгнуть в воду, чем разбиться о мачту или палубу. Но воды под ним, увы, не было. Он пронесся над укрепленной камнем набережной, застроенной складами и заваленной всякими тюками, и устремился туда, где были пришвартованы корабли. Они стояли борт к борту, так плотно, что разглядеть между ними воду не представлялось никакой возможности. И, чтобы достичь ее, приходилось приземляться сначала на корабль. Тем более, что выбора у него не оставалось. Их заметили. И, судя по вспышке, не только их.

Чайка скорее почувствовал, чем увидел приближение мачты, но веревка вела не к ней, а гораздо ниже. Поэтому, едва набережная осталась позади, Федор, как мог, сгруппировался, помянул Баал-Хаммона и разжал руки, рухнув на палубу. Приземлился он удачно, прямо на корму. Грохнулся на мокрые доски палубы, перекатился через голову вперед и влип в неожиданно возникшее заграждение из мешков, набитых, к счастью, какой-то группой.

– Твою маман, – выругался Федор, потирая ушибленное плечо, и проверяя в первую очередь заветный горшок, надежно закупоренный от протечек. Тот был, к его большому удивлению, цел. Да и сам он был невредим. Тренированное тело спасло Чайку и на этот раз. Обошлось без переломов.

Федор встал на ноги, огляделся. Он стоял в двух шагах от трюмного проема, куда непременно улетел бы, если бы не куча мешков с крупой. Веревка была прикреплена к странному сооружению из блоков, установленному на корме. Рассмотреть это чудо прогресса он не успел. Глаза уже давно привыкшие к темноте, быстро заметили двух человек приближавшихся с носа корабля. В руках у них сверкнули широкие лезвия ножей.

– Держи вора! – крикнул один из матросов.

– Поживиться захотел? – крикнул другой, обходя заграждение из мешков, – это ты пожар устроил?

– Да что вы, братцы, – в тон им ответил Федор, двинувшись навстречу ближнему и

ожидаю скорого прибытия подкрепления, – мы люди мирные. Сами ремесленники. Зря шум не поднимаем. А вам что, не спиться?

Вскоре он понял, что перед ним были купцы, испугавшиеся за свой товар, и поэтому не стал их убивать. Ловким ударом руки Чайка выбил нож из руки первого и ударом ноги отправил его за борт. Послышался громкий всплеск.

– Вода, значит, на месте, – успокоился Федор, переместившись под прикрытием мешков вдоль ограждения борта на нос корабля, и одной рукой придерживая горшок с горючей смесью. Обидно было бы его разбить после всего, что случилось.

– Ах ты, собака, – бросился на него второй, – ну я тебе покажу, как честных купцов грабить!

– Никто вас и не грабит, уважаемый, – спокойно возразил Федор, отбивая выпад ножа, и перехватив руку, нанес удар ногой в пах. Купец взвыл, выронив нож и опускаясь на колени.

– Мы просто мимо идем, а вы нам случайно подвернулись, – пояснил он, новым ударом ноги отправляя второго купца в полет, но на сей раз не в воду. Перекувыркнувшись назад, незадачливый купец, свалился в трюм. Судя по глухому удару, летел он недолго и остался жив. Второй тоже плескался неподалеку, изрыгая проклятья на голову Федора, но не решался взобраться на борт, а греб, судя по удалявшимся звукам, к пирсу. Больше никто не попытался прогнать чужака с корабля. Поле битвы осталось за ним. Но, это не особенно успокоило Федора. Огни факелов, что держали в руках стражники, уже спустились с лестницы и приближались по набережной.

В этот момент, словно спелые бананы с пальмы, на палубу, один за другим, посыпались его бойцы. Последним рухнул Летис, едва не проломив под собой доски. К счастью, и тут обошлось без увечий. Опыт никуда не пропал.

– Скоро солдаты сената будут здесь, – коротко пояснил Федор ситуацию, – поэтому мы переплывем эту гавань по воде и выберемся вон у того костра, на противоположной стороне. Если мне не изменяет память, там ворота. Пройдем их и мы в городе. А в воде нас искать не будут.

И добавил, уже не так уверенно:

– Во всяком случае, не сразу...

– Точно, – подтвердил Летис, потирая ушибленное колено, – они подумают, что мы скрываемся где-то на кораблях или на набережной.

– Вот именно, – похвалил его Федор, – за мной.

Но, нырять не стал, – переживал, что утопит горшок, на который у него еще были виды, – а осторожно сполз по веревке в воду и, держа горшок над поверхностью, стал выгребать одной рукой на середину акватории. Остальные просто сиганули в воду, не подняв даже брызг. Одевание «ремесленников» позволяло плыть, не рискуя отправиться на дно под тяжестью доспехов.

В этот момент незадачливый купец выбрался на берег и бросился навстречу патрулю с криками «Воры!». На берегу возникла суматоха, когда он пытался остановить солдат своим криком и только сыграл на руку диверсантам, дав им чуть больше времени чтобы скрыться во тьме. «Могут, конечно, за нами лодку послать, – возникло опасение у Федора, выгребавшего одной рукой и внимательно наблюдавшего за тем, что творилось на берегу, – но, боги на нашей стороне. Авось, пронесет».

Постепенно они отдались от набережной метров на двести. Отсюда стало еще лучше видно, что творилось на берегу. Солдаты сената обыскивали корабль, но не найдя никого, как и предполагал Чайка бросились обыскивать соседние. То ли они не допросили второго пострадавшего купца о том, куда делись нападавшие, то ли решили, что в любом случае тем не зачем уходить по воде. Но, было похоже, что у них пока не возникло мысли обшарить акваторию торгового порта, тонущую в темноте. И Чайка надеялся уже преодолеть большую часть расстояния, пока они до этого додумываются. А рано или поздно эта мысль должна была их посетить.

Впрочем, прорыв Урада сделал свое дело, отвлекая часть внимания на себя. Суматоха на стене еще не улеглась. Там что-то происходило. По гребню стены метались огни факелов. Однажды Федору даже показалось, что до него долетел отдаленный звон оружия. В общем, бойцы Урада устроили там настоящую заваруху, на первом этапе выполнив свою задачу полностью. «Только бы не все сразу легли, – подумал Чайка, двигая уставшим плечом и еще приподнимая сильно мешавший плыть горшок над водой, – пробраться в город это еще полдела. Главное впереди».

Спецназовцы плыли, держась компактной группой. В одежде ремесленников, скрывавшей под ремнями ножи, еще как-то можно было плыть, но она все же сковывала движения, набрав воду. Чайка еще раз пожалел о том, что не захватил с собой из прошлой жизни акваланг или турбину для передвижения под водой. Но, приходилось, как всегда, обходиться собственными силами. И он прогнал предательские мысли.

– Гребь быстрее! – приказал Федор Летису, который находился ближе всех, – что-то мне не нравится эта суматоха. Надо побыстрее добраться до ворот.

– Ну да, – согласился, отплевываясь, здоровяк, который не очень любил плавать, – я и сам бы рад быстрее вылезти на берег. Да только посмотри, сколько там солдат.

Федор был вынужден согласиться. То ли Урад перестарался, то ли их ночной визит оценили по достоинству и приняли за начало массового вторжения, но пробраться по-тихому уже не получилось. Вместо нескольких караулов на стенах, к месту прорыва вызвали подкрепление. Чайки и все остальные видели, как позади них из освещенного факелами входа в караульное помещение, располагавшееся под башней, выбежал отряд пехотинцев человек в тридцать и направился к месту «вторжения». Из другой «караулки», что виднелась у противоположного конца стены, также показался отряд, который устремился навстречу первому. Это соединение должно было состояться примерно на том самом месте, где Чайка со товарищи приземлился на палубу и ушел по воде. Это уже означало, что отступление невозможно. А благополучный прорыв, между тем, еще не завершился.

«Не знаю, что стало с Урадом и его людьми, – подумал Федор, выгребая изрядно уставшей рукой к берегу, – но и у нас перспектива веселая. Ладно, вариантов нет. По-тихому не вышло, будем пробиваться через ворота. По-наглому».

Вскоре они миновали середину акватории и стали приближаться к воротам, через которые Федор наметил прорыв. Там по-прежнему было тихо. Только человек десять караульных, которых он мог разглядеть отсюда сквозь лес мачт пришвартованных «грузовиков». Набережная и склады поблизости еще тонули во тьме, и Чайка надеялся, что его план прорыва сработает благодаря внезапности. Главное, чтобы не вмешался случай.

Группа из семерых «спецназовцев» медленно и осторожно приближалась к намеченной цели, как вдруг на дальнем «морском» берегу небо озарила новая яркая вспышка. В ее отсветах Чайка заметил, как на стене стража сражается с людьми Ксенбала, запалившими башню, в которой, судя по всему, располагалось одно из караульных помещений. Нападение стало полной неожиданностью на бойцов сената. Несколько человек, охваченных огнем, сами сиганули со стены в надежде допрыгнуть до воды. Но набережная была слишком широкой, и все они разбились о камни.

Не успел Федор порадоваться за Ксенбала так эффектно «засветившего» свою группу, но выполнившего приказ, как заметил движение слева по курсу. От набережной, тонувшей во мраке, быстро отчалило судно, на котором вскоре зажглись факелы. В их свете Федор смог разглядеть, что судно не было простой лодкой, а солдаты носили непривычную карфагенянам форму. Это была бирема полная римлян и направлявшаяся к месту новой атаки.

«Черт бы вас побрал, – напрягся Федор, сдавленным голосом приказав своим бойцам всем прекратить движение и просто держаться на воде до новых приказов, – вот уж никогда не подумал бы, что римляне будут защищать Карфаген от вторжения».

Но все происходило именно так. Люди Марцелла, – а это были именно они, других римлян здесь не было, – направились напрямик к противоположной стене через всю

акваторию, чтобы перехватить лазутчиков в случае бегства этим путем. Видимо у дальней «морской» стены солдат было не слишком много, все основные силы сената были сосредоточены у сухопутных рубежей, поэтому римлян использовали для защиты акватории торгового и военного порта. «Радоваться пока нечему, – решил Федор, барахтаясь на одном месте, чтобы не уйти на дно, и пристально вглядываясь, то в приближавшуюся бирему, то в ту часть набережной, откуда она отчалила, – зато, я теперь знаю, где стоят их корабли.

Бирема прошла прямо у них под носом, в каких-то пятнадцати метрах пересекла их курс. Чайка, Летис и все остальные отчетливо видели рыжие римские панцири, сновавшие за бортом, и Федор поймал себя на том, что его кулак сжимается в ярости, пытаясь нащупать рукоять кинжала. Несмотря на все, что случилось с тех пор, как Ганнибал пошел против своего сената, для Федора было дикостью видеть римлян посреди Карфагена. Еще большей дикостью было то, что они чувствовали себя здесь, как дома и никто их не убивал. Но Федор подавил эту вспышку гнева, заставив себя быть незаметным. Бирема проплыла мимо, а отсветы факелов не достигли группы финикийских солдат, головы которых виднелись над волнами. Римляне, спешившие на перехват одной группы лазутчиков, не заметили другую, буквально в двух шагах от себя.

«Ничего, – успокаивал себя Федор, пока бирема проходила мимо, – недолго вам осталось здесь расслабляться. Скоро я тут такое устрою, что вам мало не покажется. А Ксенбала вы не догоните».

– Быстро к берегу! – приказал Чайка, едва огни факелов удались на приличное расстояние, – надо достичь его до тех пор, пока еще кто-нибудь не приплыл. Выходим на камни и сразу атакуем караульных. Главное внезапность.

Последние слова у Федора вышли не слишком уверенно, поскольку шума в акватории торгового порта уже было предостаточно. Стена горела в двух местах, повсюду сновали пехотинцы сената, римская бирема приближалась к «морской» стене, а далеко позади, в том месте, где они спустились с воду, готовились к отплытию еще две биремы. Скоро даже на воде должно было стать светло и шумно, а это как раз не входило в планы Федора Чайки.

Наконец, они добрались до противоположного края рукотворного озера. Неслышно пробираясь между пришвартованных бок о бок кораблей, Федор вдруг заметил, что запоздалый рассвет все же наступил. Небо стало быстро розоветь. А это было уже совсем нехорошо. Времени до тех пор как растают последние клочья сумерек оставалось совсем мало.

Поэтому он первым выбрался на каменную мостовую, ухватившись за ее край, едва выступавший над водой. Рядом виднелись сходни корабля, сброшенные с палубы вниз. К счастью никто из римлян пока их больше не побеспокоил. Чайка не видел, чем закончилась история прорыва Ксенбала, было не до него. Главное, чтобы римляне не вмешались прямо сейчас в его дела, ведь остальные биремы были пришвартованы не больше чем в паре сотен метров левее.

Спрятавшись за сходнями, Федор осмотрелся и прислушался к окружавшим его звукам, поджидая пока рядом соберется вся группа. На ближних кораблях было тихо. Там, либо никого не было, либо все спали. До ворот было не больше тридцати метров. Стражники у ворот, а их оказалось одиннадцать человек, по-прежнему доедали свое мясо, как будто ничего не происходило, пили вино и балагурили, весело поглядывая на происходившую в других углах порта суматоху с поджогами. Выглядели они так, словно вообще не боялись никакого нападения и не верили в его возможность.

«Похоже, нам повезло, – не поверил своему счастью продрогший и уставший Федор, – этими воротами управляет какой-то ленивый вояка. Сейчас мы его накажем».

Но вскоре он понял, почему они были так спокойны. Ворота оказались закрытыми. Чтобы пройти сквозь них, было недостаточно перебить всю охрану, нужно было еще отпереть массивные засовы, привести в действие механизм и поднять решетку. Выход из порта был надежно закрыт. Но Федор так устал, добираясь сюда, что какая-то решетка и дюжина охраны уже не могли его остановить.

– Мы пойдем здесь, – подытожил он свои наблюдения, – делимся на две группы и заходим с флангов. Одной командует Летис, другой я сам. Всю охрану беру охрану на себя. Летис, возьми с собой двоих бойцов. Вам задача прорваться в башню и открыть ворота.

– Сделаем, не в первой, – кивнул здоровяк, поводя плечами, чтобы размяться перед предстоящей схваткой.

Федор, кинул взглядом своих людей и назвал по именам тех, кто должен был последовать за ним. Остальные, спустя несколько секунд, шли с Летисом и должны были прорваться вдоль небольшого амбара, примыкавшего к стене, к самой башне.

– Ну, все, – проговорил Федор, вынимая сразу два кинжала из мокрых ножен, – пошли.

Он поднялся и, слегка согнувшись, зашагал в сторону яркого пламени костра, от которого то и дело доносился хохот, почти не таясь. Горшок вновь болтался, закрепленный на мокрых ремнях у него за спиной. Остальные, рассредоточившись позади Федора, неслышно, словно тени, двинулись следом, сжимая в руках клинки. То, что у костра собрались тяжеловооруженные пехотинцы в панцирях, с мечами и копьями, Чайку особенно не волновало. На его стороне был диверсионный опыт.

Когда он неожиданно появился из темноты в трех метрах от огня, словно призрак, его, наконец, заметили.

– Эй, – крикнул ему один из пехотинцев, привстав и подняв копье, на которое опирался, – ты кто такой?

Смех мгновенно смолк.

– Чего ты шляешься здесь по ночам? – спросил второй, разглядывая его странный наряд, – если ты с корабля, то покажи разрешение. Комендант не позволяет здесь бродить без него.

– Вот мое разрешение, – Федор мгновенно вскинул обе руки и два его собеседника захлебнулись кровью, когда клинки вошли каждому в горло, и добавил с издевкой, – вас приветствует армия Ганнибала!

Еще двое солдат сената умерли такой же смертью, когда из темноты прилетело три острых лезвия, точно угодив в цель. Последний, правда, успел увернуться и получил клинок лишь в незащищенную руку, что вывело его из строя. Но остальные схватились за оружие.

За те несколько секунд, пока ошеломленные пехотинцы приходили в себя, разглядывая мертвецов, не все из которых еще успели даже рухнуть на камни, Федор сдернул со спины свой горшок и кинул его в костер.

– Что-то темновато тут у вас, – пояснил он, уворачиваясь от удара мечом в голову, – надо подсветить.

Подхватив копье убитого им же пехотинца, Федор точным ударом всадил его в живот своему обидчику. А потом выдернул обратно и отбил удар нового нападавшего.

– Не ждали нас? – продолжал издеваться Федор, которого схватка с врагом только раззадорила и разогрела, – а зря. Я люблю ходить в гости по ночам.

Пехотинцы сената не разделяли его веселого настроения и попытались тут же изрубить в куски, но, не на того напали. Федора было голыми руками не взять, да и не голыми трудновато. Оценив по достоинству противника, его атаковало сразу двое солдат из оставшихся в живых после первой серии кинжальных бросков «спецназа». С другими солдатами схватились трое его бойцов, но сила все еще была на стороне пехотинцев сената, – четверо против семерых. Летис выполнял приказ, его пока было не видно и не слышно.

Врачая лишь одним копьём, Федор вертелся вокруг костра, словно заправский мастер Шао-Линя отбивая удары мечей. Клинки вражеских пехотинцев свистели в опасной близости от его тела и головы, но никак не могли достать, он был словно заговоренный. Уклоняясь от ударов врага и нанося свои, пока лишь царапавшие щиты и доспехи, Чайка с тревогой поглядывал на костер, ожидая гигантской вспышки. Огонь уже начал расплавлять печать, закупорившую узкое горлышко.

«Только бы не рвануло раньше времени, – думал он, уклоняясь от очередного выпада и ускользая на пару шагов в темноту, чтобы быть подальше от эпицентра, – амбар близко,

должно достать. Жаль, конечно, что не удастся запалить корабли. Эх, мне бы чуть больше времени, я бы нашел место, куда применить этот чудесный горшочек».

Наконец, он выбрал момент, сделал выпад и всадил копьё в живот пехотинцу, побив юбку из кожаных ремней. Тот вскрикнул, отбросив фалькату и щит, и ухватился за торчавшее из его плоти копьё двумя руками. Чайка попытался выдернуть его назад, но не смог. Тогда он выпустил застрявшее копьё из рук и подхватил с земли фалькату. Он сделал это так быстро, что успел отбить удар второго пехотинца, который в ярости от смерти товарища обрушил на него всю свою мощь. Отступая, Федор подался в сторону, споткнулся о только что потерянное копьё, и растянулся на камнях мостовой.

Перекатившись на спину, он уже приготовился отбивать удар лежа, но, в этот момент все пространство рядом с ним озарилось от гигантской вспышки. Печать на горшке расплавилась, и пламя вырвалось из него наружу. На месте костра возник огненный шар, и сразу несколько огненных рукавов простерлось от него в разные стороны. Один из них пронёсся прямо над Федором, лишь обдав его жаром и опалив бороду. Пехотинцу сената, который стоял над ним с занесённым мечом, повезло меньше. Он вспыхнул словно бенгальский огонь и, выронив меч, бросился в сторону воды.

Чайка, позабыв обо всем, смотрел как человек-факел, издавая душераздирающие крики, добрался до воды и нырнул в нее. Чайке даже показалось, что он услышал шипение, словно в воду упала горящая головешка. Под впечатлением от дела рук своих, Федор осторожно поднялся, озираясь и в душе боясь, что спалил кого-нибудь из своих. Но, к счастью таких не оказалось. Четыре человека дрались у самых ворот. Еще четверо у самой пристани, там, где, словно после удара молнии, полыхала мачта ближайшего корабля. Язык пламени достал и туда. Еще несколько человек билось в агонии, объятые пламенем, но все это были бойцы сената. Загорелись и те, кто лежал у костра и был уже давно мертв. От них потянуло паленым мясом и Федору на мгновение показалось, что он попал в крематорий.

Дымился амбар у ворот. В отвесах разгоравшегося пожара, который потом мог вполне перекинуться на пристроенные к нему склады, Чайка разглядел, как Летис разделался с двумя охранниками, после чего исчез в чреве башни. Двое сражавшихся возле башни были его помощниками.

– Только бы там не оказалось еще дюжины солдат, – пробормотал Федор, бешено озираясь по сторонам, – Летис, конечно, силен, но времени у нас не хватит. А где же мои бойцы?

Наконец, он узнал, в тех, кто сражался у пристани своих солдат. Вернее, уже одного, который теперь бился сразу с двумя бойцами сената, прижавшими его к воде. Больше никого из тех троих, что начали вместе с ним бой, он не узрел. Значит, погибли.

– Надо помочь парню, – решил Федор, отряхнул дымившуюся одежду и, выдернул копьё из мертвого тела своего недавнего поединщика, – иначе у меня совсем не останется людей. С кем я тогда буду поднимать восстание в этом городе?

Затем он приблизился к месту схватки и, не раздумывая, метнул копьё в одного из пехотинцев. Просвистев положенное расстояние, копьё воткнулось в спину, пробив доспех насквозь. Его сослуживец на мгновение с удивлением воззрился на умирающего товарища, но тут же был убит «спецназовцем» точным ударом в горло. Не стоило предоставлять ему такой шанс.

– Жив? – скорее констатировал, чем спросил Федор, когда его боец оказался рядом. Он подошел, тяжело дыша, схватка отняла у него много сил и если бы не Чайка, могла бы закончиться совсем не так.

– Я, – да, – кивнул тот, и указал на два мертвых тела в одеждах ремесленников, распростертые на камнях и изрубленные в куски, – а остальным не повезло.

– Идем в башню, – поднимая вверх фалькату, проговорил Федор, уловив какое-то движение на набережной, – а то здесь становится слишкомлюдно.

И они оба, огибая костер, бросились бежать в сторону ворот, которые все еще были закрыты, хотя победу в схватке у башни одержали бойцы армии Гасдрубала. Оказавшись

рядом Чайка вновь оглянулся назад. То, что он увидел, его ничуть не обрадовало.

От места стоянки военных кораблей к ним легким бегом приближалась центурия римлян в полном вооружении. В голове колонны солдат, тащивших на себе массивные skutумы, Чайка разглядел центуриона в шлеме с поперечным плюмажем. На отвлеченные мысли времени не имелось, римляне вот-вот должны были приблизиться на расстояние полета копья, и тогда их мгновенно могла накрыть волна пилумов. А видны финикийцы были замечательно, – пожар, охвативший амбар и торговый корабль, разгорался. Да и рассвет почти наступил. Небо светлело на глазах. На стороне финикийцев был только дым от пожарища, то и дело закрывавший их от глаз преследователей.

К счастью в это мгновение он услышал за собой скрип поднимавшейся решетки. Деревянные ворота в этой башне, хоть и были массивными, но не имели столь гигантских размеров, как в других башнях. Летис уже распахнул их, отбросив в сторону обтесанное бревно, служившее засовом, так что от «свободы» Федора и его бойцов отделяла только решетка. Когда планировал возможное развитие событий, Чайка специально держал в уме именно эту башню. Она была самой удачной для нападения, – находилась дальше всего от внешней стены и не выделялась своими габаритами. Путь отсюда вел в квартал мелких ремесленников и бедноты, где было много складов и трущоб, и где было проще затеряться на первых порах.

Когда решетка начала приподниматься, римляне были уже на расстоянии броска. Центурион заметил Чайку и его людей, но, приказ не отдавал, – видимо хотел взять живыми, чтобы преподнести в подарок Марцеллу. Федор нервно посматривал на прутья решетки, которые поднимались слишком медленно, готовый броситься под нее, едва просвет станет достаточным для того, чтобы пролезть. Наконец, когда прутья были на метр от земли, из башни выскочили двое «ремесленников», – бойцы Летиса.

– Где он? – коротко спросил Федор, глядя на римлян, которые все же начали отводить руки назад для броска. Чайке показалось, что время остановилось. Несколько мгновений он в упор смотрел на то, как легионеры готовятся к метанию пилумов, и лишь затем скомандовал, не дождавшись ответа:

– Атака! Быстро под решетку!

Когда их накрыла волна пилумов, двое среагировали мгновенно, но третий не успел. Его пригвоздило к решетке, прошив беззащитное тело, словно подушечку для булавок. Руки обвисли, по спине, из которой торчала длинная рукоять дротика, ручьем текла кровь, и «ремесленник» стал медленно подниматься вверх вместе с решеткой.

Когда пилумы забарабанили по камням, – центурион, похоже, отчаялся взять их живьем, Чайка отскочил в сторону и упал в открытую дверь, что вела в башню. На голову ему тотчас свалился кто-то огромный, едва не раздавив. Это был Летис.

– Тьфу-ты! – сплюнул он, едва не приземлившись прямо на голову Чайке, – а я – то думал, это кто-то из местных пожаловал. Ты живой? Ну как решетка, поднимается? Я убил всех, кто ее охранял и подпер рычаг. Должна идти хорошо.

– Летис, – проговорил Федор, вскакивая на ноги, и не вдаваясь в долгие объяснения, – ты молодец, но ее надо срочно опустить, иначе нам не уйти.

И добавил, увидев изумление в глазах друга.

– Там отряд римлян. Решетка даст нам время, чтобы оторваться от преследования.

Но, когда Летис, уяснив новый приказ, уже направился обратно вверх по узкой лестнице, Федор остановил его.

– Я сам. А ты беги вниз и жди меня снаружи.

Здоровяк нехотя подчинился.

– Я догоню, – пообещал Федор и, не теряя больше времени, бросился наверх, перепрыгивая через три ступеньки.

Когда он вознесся на второй этаж, где находился приводной механизм, то увидел сразу три изуродованных трупа сенатских пехотинцев. У одного была неестественно вывернута рука, у второго просто не хватало головы, а третий был пригвожден копьем к столу, за

которым имел несчастье отужинать вместе с товарищами. Стулья были перевернуты, нехитрая, но массивная мебель поломана. У Федора возникло ощущение, что по комнате пронесся внезапный смерч, разрушая все на своем пути.

Узрев рычаг, на который Летис, недолго думая, взвалил тело еще одного мертвеца, чтобы создать противовес, Чайка бросился к нему, обходя завалы. С трудом сбросив труп с рычага, он вернул решетке обратный ход, и сам опрометью бросился вниз. Сердце стучало как барабан. По его подсчетам максимум, на что он мог рассчитывать, – это проскочить перед самым носом римлян. Задержись он хоть на одно лишнее мгновение и все. Придется принимать героическую смерть в неравном бою с целой центурией легионеров. Все равно никто из своих уже не поможет.

Но, боги хранили его. Выскочив наружу, сквозь дым от пожара Федор узрел буквально в десятке метров слева от себя первую шеренгу римлян, а справа решетку, которой осталось опуститься не больше чем на полметра, перекрыв ему единственный путь к бегству. Доли секунды хватило на то, чтобы заметить изумление и ярость на лице римского центуриона, не ожидавшего увидеть здесь одного из беглецов, и то, что его солдаты уже израсходовали свой запас пилумов, разбросав их по мостовой.

Центурион, находившийся ближе всех, бросился ему наперерез, размахивая мечом. Федор отмахнулся от удара, отведя римский клинок в сторону и успев даже поцарапать панцирь острием фалькаты. Затем ударил центуриона ногой в грудь, на мгновение отбросив того назад и, не оглядываясь больше, бросился к решетке.

Чайка метнулся вправо, перекатился через голову и, выпрямившись, проскользнул под решеткой за мгновение до того, как ее заточенные прутья вошли в соприкосновение с камнем мостовой. «Вот она, свобода!» – ликовал Федор, пытаясь подняться, но не смог. Он с изумлением ощутил, что один из прутьев решетки успел зацепить ремень кожаной обвязки, перекинутой через плечо и пригвоздить его к земле. Чайка дернулся еще и еще раз, но безрезультатно. Он попался. Федор слышал радостные возгласы легионеров уже тянувших к нему руки, и готовился к страшной и позорной смерти. Но, тут вдруг над ним промелькнула широкая тень, горячий воздух прошелестел по затылку и раздался звонкий удар металла о камни, вслед за которым он почувствовал свободу. Ничто больше не держало его. Сверх того, чья-то сильная рука схватила его за грудки и отшвырнула на пару метров от решетки.

Это был Летис. Освободив друга, он успел еще всадить свой клинок в живот легионеру, посмевавшему приблизиться к решетке. И лишь потом отскочил от нее, под яростные вопли римлян, безуспешно пытавшихся достать его своими короткими мечами сквозь отверстия.

– Прощайте, друзья! – крикнул им Федор по-латыни, поднимаясь на ноги и срывая с себя остатки портупей, – вы скоро вновь услышите обо мне!

И вместе с Летисом и двумя уцелевшими бойцами он исчез в лабиринте примыкавших к башне улиц, распуская первых торговцев, уже потянувшихся в порт.

Глава восьмая **«Советник Фарзой»**

Плавание вдоль западных берегов Крыма проходило вполне спокойно. Сарматы имели большую армию, их приходилось опасаться пока только на суше, – флота у них, к счастью не было. Именно по этой причине царь Гатар и подбил к войне греков Боспора. Идея была понятной, – зажать скифское государство в Крыму со всех сторон и уничтожить. Да только, благодаря дальнему походу Иллур, в котором те же сарматы поначалу играли роль союзников, государство скифов теперь растянулось от Крыма до самого Истра, увеличив свою территорию в несколько раз. Правда, из-за такого резкого появления новых земель, появились и новые проблемы. Теперь приходилось охранять гораздо более протяженные границы, чем полуостров Крым с прилегающей к нему полосой степей.

Если бы Лехе не помешали продолжить свое наступление, то очень скоро границы Великой Скифии, впитав в себя земли Малой, стали бы еще обширнее, распространившись

на исконно греческие территории. Кое-где, на протяженной линии фронта, так оно уже и было. Скифы добрались до Фракии и Македонии. Правда, местами это соединение произошло мирно, там, где новые земли скифов сомкнулись с землями Филиппа Македонского. Но Филипп волею судьбы оказался единственным греком, с которым еще не отказывался иметь дело молодой царь Иллур. Зато, что касалось остальных греков, – фиванцев, афинян и спартанцев, игравших в этой истории главную роль, – то, Леха был уверен, их черед все равно наступит. Не сейчас, так чуть позже. Надо только разбить сарматов, так подло предавших своих соседей в самый разгар наступления на юге.

Впрочем, эта, простая на первый взгляд, проблема, при ближайшем рассмотрении оказывалась не такой уж простой. Сарматы не дети. Не зря их боялся даже наставник царя Иллур – старец Фарзой. Ларин всей информацией не владел, но и он знал, что сарматские земли простирались от причерноморских степей далеко на запад, вбирая в себя почти все то, что он в прошлой жизни называл Украиной, Молдавией и Белоруссией. Их столица, Метрополь, стояла на Борисфене, судя по всему именно там, где в будущем возникнет небезызвестный город Киев, если история не изменит своего пути. Карродун находился на Днестре, ну а печально знакомый Ларину городок Ерект, был похож, предтечей Тирасполя. Как далеко простирались владения сарматов на север, Леха даже не представлял. Слышал только краем уха еще в той же прошлой жизни, что сарматы кочевали аж по территории Валдайской возвышенности, а она от Крыма была не то чтобы в двух шагах. Впрочем, для бешеной собаки, то есть для доброго коня, семь верст не крюк. Кочевники, на то и кочевники, чтобы на месте не сидеть.

– Ладно, разберемся как-нибудь, – попытался подвести итог своим стратегическим размышлениям адмирал Ларин, расположившийся на корме «Узунлара».

Но, скользнув взглядом по песчано-желтым берегам, все же добавил в раздражении, понимая масштаб проблемы, которую предстояло решить.

– Нет, ну, везет же, этой греческой сволочи! Еще бы чуть-чуть и я бы их дожал. Никакие спартанцы с афинянами меня бы не остановили. А теперь надо сначала сарматскую конницу истребить, прежде чем доведется обратно вернуться. Продержался бы там Аргим до моего возвращения.

Впрочем, Ларин понимал, что дальнейший путь его целиком зависит от воли Иллур. Быть может, надеждам коменданта Херсонеса не суждено сбыться, и зерно дальше будет конвоировать кто-то другой, ибо быть ему моряком только до встречи с царем. Неизвестно, какое задние приготовил ему кровный брат, – море скифское охранять, или вновь по степям мотаться, променяв палубу на верного коня. Чем ближе подходил караван к месту встречи с царем, тем сильнее Леха ощущал в душе какое-то смятение. Но, в глубине души грозный адмирал боялся себе признаться, что опасается он новой встречи не со всеми сарматами, а только с одним. Вернее, с одной. Поскольку ничего хорошего из этой встречи, если она состоится, уже не выйдет.

– Чертова баба, – даже сплюнул в сердцах адмирал, вцепившись в ограждение, и продолжил думать вслух, пробормотав тихо себе под нос, – может, погибла уже, в каком-нибудь сражении? Так было бы лучше.

Но что-то подсказывало ему, что Исилия жива.

К вечеру караван зерновозов под охраной флотилии адмирала обогнул длинный мыс, далеко выдававшийся в море. Разглядывая его, Ларин заметил отряд всадников, который наблюдал за кораблями, даже не пытаясь остаться незамеченным. Этот отряд, или такой же, Леха замечал уже несколько раз за прошедшее время.

– Давно за нами следят, – озвучил его мысли Темир, приблизившись к адмиралу.

– Да, наш царь, я думаю, уже знает, что к нему плывут гости, – кивнул Леха, посмотрев на своего капитана, – долго еще плыть?

– Скоро уже прибудем на нужное место, – сообщил капитан, и, прищурившись на солнце, вновь осмотрел берег, – еще до темноты.

– Значит, до самого перекопа не поплывем? – уточнил Ларин.

– Тарман указал мне это место, – разъяснил капитан квинкеремы, поправив акинак на поясе, – зерно нужно было доставить туда.

– Ну и отлично, – согласился Ларин, поведя плечами, и припоминая что, как раз где-то здесь, он в не таком уж далеком прошлом, строил первый секретный флот вместе с пленными греческими инженерами Гилиподисом и Калпакидисом, – похоже, я знаю ту гавань. Места нам для швартовки хватит. Да и с царем скоро увидимся.

Адмирал не ошибся. Прошло не более двух часов, как его караван поравнялся с обширной гаванью, далеко врезавшейся в берег. Окрестные скалы густо поросли лесом и полностью укрывали от глаз морского наблюдателя, все, что там происходило. Но Ларин был прав. Он находился в том самом месте, где впервые зародился скифский флот, втайне от всего кочевого мира.

Едва они поравнялись с этой укромной, но вместительной гаванью, как у самой воды вновь появился отряд всадников, пустивший несколько стрел в воздух. Этот сигнал означал, что их приглашают пристать.

– Ну, вот и прибыли, – сказал Леха, упревая руки в бока, и добавил, обращаясь к капитану, не отходявшему от него ни на шаг, – сворачивай к берегу. Да, поживее. Темнеет уже, а скалы тут острые.

Он зря опасался. Темир свое дело знал и вскоре весь его флот, включая зерновозы, пришвартовался за скалой, отлично скрывавшей не малых размеров гавань. Здесь, были выстроены отличные пирсы, вдоль которых хватило места для всех кораблей. Пока шла швартовка, Ларин успел рассмотреть, что вдоль скал постоянно снуют летучие конные отряды, а в глубине, за деревьями, течет какая-то жизнь.

Когда адмирал спустился по сходням на пирс, его встретил высокорослый скиф, в сопровождении отряда их двадцати лучников, назвавшийся командиром охранения этой гавани и предложивший Ларину подняться наверх. Ларин кивнул, сообщив в свою очередь, кто он, и поймав себя на странной мысли, что когда-то место этого скифа занимал он сам. «Что-то я совсем размяк от этих воспоминаний, – взбодрил себя адмирал, поднимаясь по высеченным в скале ступеням вслед за охранниками наверх, – надо встряхнуться, война все-таки».

Леха не стал задавать много вопросов, пока не оказался наверху, где узрел среди деревьев знакомые постройки, – частокол, за которым прятались многочисленные амбары и склады. Именно здесь он тогда наблюдал изготовление метательных машин с последующим испытанием. Командир охранения повел его к одному из больших строений, и, указав на него, добавил.

– Здесь вы можете отдохнуть, а завтра царь ждет вас к себе.

– А что наш царь, Иллур, где-то здесь? – уточнил Ларин, обводя взглядом окрестности, но, нигде не заметив большого скопления войск. Видимо, армия стояла вдалеке отсюда.

– Нет, – просто ответил скиф, – вчера он срочно отбыл в столицу, и приказал мне направить вас туда, как только придут корабли с зерном.

– Так он уже знает, что я привел с собой караван с зерном, – вспомнив про береговых наблюдателей, все же усмехнулся Ларин, за спиной которого стоял верный Токсар, – А что он, в таком случае, приказал делать с караваном, если мне придется уехать в Неаполь?

– О караване с зерном я позабочусь, – кивнул начальник охраны.

– А мои корабли? – продолжал пытаться его вопросами Ларин, который пока еще по привычке ощущал себя адмиралом.

– Ваш флот останется здесь до новых распоряжений, – ответил тот, спокойно посмотрев в глаза адмиралу, – таков приказ царя.

– Ну, что же, – успокоился Ларин, – теперь хотя бы ясно, что будет завтра.

И, обернувшись к Токсару, добавил.

– Идем, Токсар. Отдохнем перед дорогой. Завтра мы поскачем в Неаполь.

Вопреки заветам диетологов будущего, Ларин лег спать, плотно перекусив на ночь свежайшим ягненком и выпив не меньше двух кувшинов вина. И выспался, надо сказать,

прекрасно. Наутро он не стал тратить драгоценное время на осмотр местных достопримечательностей, – царь, все-таки ждал, – а лишь вызвал к себе Темира, и, в присутствии начальника местной охраны, наказал капитану флагмана следить за флотом до его возвращения. Охрана каравана с зерном с него уже была снята, теперь этим занималась небольшая местная флотилия, приютившаяся среди изрезанных скал бухты, показавшейся адмиралу безразмерной, – столько кораблей было в ней спрятано от посторонних глаз. Мысленно он еще раз похвалил царя за столь удачный выбор места для дислокации своего первого секретного объекта.

Покончив с поручениями, Ларин сел на отличного коня, которого ему подвели, и, в сопровождении отряда своих охранников из тридцати человек, также снабженного всем необходимым, поскакал в Неаполь, благо дорогу представлял хорошо. Не раз ему приходилось покрывать это расстояние туда и обратно. Вместе с собой он взял всех своих верных командиров, что еще были живы, несмотря на множество битв, которые им пришлось пройти вместе с Лариным, а уж он-то не стремился избегать опасностей. Рядом с ним скакал Токсар, вновь по необходимости ставший всадником, и два сотника: Инисмей и Уркун. Не хватало только Гнура, сгинувшего на просторах Малой Скифии.

Выехав вскоре из густого соснового леса, который примыкал к побережью, Ларин оказался на развилке широкой дроги, что вела вдоль него. Здесь он осадил коня, припоминая, в какую сторону следует держать путь, но вскоре сориентировался. Если повернуть налево, где виднелись в основном поросшие лесом скалы, и то за день можно было добраться до оборонительного вала, который предусмотрительно возвел Иллур на узком перешейке, предвидев вторжение сарматов. Та же идея через много сотен лет придет в головы белогвардейских генералов. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, – перегородить узкое место мощной преградой, было вполне логично. Эта уловка, похоже, сработала и сарматы до сих пор не смогли пробиться в Крым, несмотря на всю свою мощь. Кони все же не птицы.

– Значит, нам туда не надо, – проговорил себе под нос адмирал, переводя взгляд в другую сторону, где ландшафт становился более пологим. Дорога петляла меж каменистых холмов, лес на которых уже почти не рос, и, вскоре, терялась в полях. Где-то там начиналась степная зона Крыма, а к ней примыкала долина реки Салгир, которую в незапамятные времена старейшины племен избрали для строительства новой крепости. Ларин припомнил трассы белокаменных плато, что тянулись до самых крепостных стен нового города, делая их почти неприступными. С двух сторон столица скифов была защищена крутыми склонами балки, а с юга, где природной защиты не было, имелаась мощная оборонительная стена, прикрывавшая территорию Неаполя.

Место для новой столицы, как припомнил Леха, старейшины выбрали не только для строительства крепости на случай возможной войны. Неаполь был удачно расположен и для того, чтобы вести бойкую торговлю. Ведь скифы к тому времени, уже начали осваивать морские просторы и наводить контакты с местными греками. Поэтому выросший в долине Салгира город кочевников, отстроенный по греческому образцу, сразу же оказался стоящим на перекрестке основных путей Крыма: от Перекопа – к Херсонесу и от Феодосии с Пантикапеем – к Каркинитиде. А пути эти совсем не пустовали, поскольку в те времена Иллур еще не пришел к власти и не нарушил перемирие с греками.

– За полдня доскачем, – пришел к выводу Ларин, сообщив эту «новость» Инисмею, гарцевавшему рядом на своем скакуне.

– Не будем в стойбище заезжать, хозяин? – вдруг подал идею сотник, – Как раз по пути.

Ларин и сам знал, что путь в его собственные земельные угодья, где паслись его стада, и дожидалась верная наложница Зарана, растившая сына, почти совпадал с дорогой до столицы. Стоило лишь свернуть налево по узкой тропинке, утопанной копытами коней, не доехав буквально нескольких километров до ворот, чтобы увидеть подросшего сына и его мать. Да только Лехе от этой мысли вдруг опять стало как-то не по себе. Вроде бы он туда и собирался, как только выпадет свободная минутка, но, как только это стало возможным,

испугался чего-то. Словно до сих пор таил от Зараны свою связь с амазонкой, хотя давным-давно все ей рассказал и был ошеломлен ее покорным поведением.

– Позже заедем, – объявил он Инисмею строгим голосом, – когда царя повидаем. Заждался он уже нас.

И, наддав скакуну пятками, пустил его во весь опор. Отряд устремился за ним. Пролетая чуть позже мимо заветной дорожки, Ларин старался туда не даже смотреть, словно и не было там его родного стойбища.

Поняв облако пыли отряд из тридцати скифов с адмиралом во главе, вскоре прибыл в Неаполь. Обменявшись с охранниками парой слов, Ларин сотоварищи въехал в город через ворота одной из башен, оказавшись на круглой тридцатиметровой площади, покрытой слоем известковой крошки. Народу здесь сновало не меряно, и пешего и конного. Но, отряд адмирала быстро пробил себе дорогу. Выезжая с площади, Леха уже примерно знал, куда дальше направиться, – напрямик домой к Иллuru. Вождь всех скифов, хотя и не одобрял столичной жизни, которая некогда довела его народ до изнеженности и полного разложения, но дом в столице имел. На всякий случай, чтобы иногда принимать в нем дорогих гостей из тех, кого не принимал у себя в юрте. Туда Леха и направил своего скакуна, тем более, что охранники у ворот не знали, где именно сейчас находится царь, а дорогу к дому адмирал помнил хорошо. В этом доме они, вместе с другом Федей, провели как-то ночь в путях, ожидая своей судьбы. Их будущие благодетели, тогда как раз решали, как быть с дерзкими пленниками, и хотели преподнести в дар Иллuru, как рабов. Но, боги распорядились иначе.

Проскакав по широкой улице, состоявшей в основном из особняков в греческом стиле, с колоннами и портиками, – здесь некогда жила знать, которую Иллур, перейдя к власти «раскулачил», а дома раздал своим военачальникам, – адмирал оказался у ворот до боли знакомого особняка. Тот не выделялся особым величием среди других, этого Иллур не допустил бы, – так, особняк средней руки, словно в нем жил обычный зажиточный купец, а не царь Великой Скифии. Но, к своему удивлению, допросив охрану, знавшую кровного брата Иллuru в лицо, он узнал, что царя здесь нет.

– Так, где же он? – удивился Ларин, продолжая беседовать с царской охраной, не слезая с коня, – он давно ждет меня.

– Царь, едва прискакал, тотчас отправился в дом старейшины Фарзоя, – сообщил ему рослый охранник, – велел передать вам, когда придете, чтобы вы искали его там. С тех пор он еще не возвращался.

– А что случилось с Фарзоем? – еще больше озадачился Леха, но тут же, осекся. Ответ на этот вопрос ему мог дать только сам царь. Слугам о таких людях рассуждать было запрещено.

– Дайте мне человека, чтобы показал дорогу, – произнес Ларин, не дождавшись ответа, – я отправлюсь туда немедленно.

Начальник охраны Иллuru сделал знак и к отряду адмирала присоединился боец с акинаком на боку. Встав впереди колонны, он быстрым шагом направился по известному только ему пути. Леха тронул коня и медленно поехал следом.

«Интересно, что там случилось с этим Фарзоем, – размышлял Ларин под мерный стук копыт по вымощенной камнем улице, – я, конечно, его давно не видел, но, когда это было в последний раз, он был еще крепким стариком. Хотя и предпочитал жить здесь в Неаполе, а не в юрте. Впрочем, уже тогда лет ему было крепко, ведь Фарзой был советником еще у отца нашего дорогого царя. Помирает, что ли?»

Ларину припомнилась их первая встреча, когда он еще неотесанным дембелем, едва просочившимся на гражданку из морпехов, и тут же так неосторожно угодившим в прошлое, предстал пред пронзительными очами мудрого старца. Старец носил тогда длинное серое одеяние, говорил мало и выглядел задумчивым. Его грудь украшала витая золотая цепь, на которой висела бляха с вычеканенным орлом. Еще тогда Лехе показалось, что этот задумчивый дедушка мать родную прирежет и не поморщиться. Он прожил долгую жизнь, и, похоже, не зря считался мудрецом и носил титул советника самого царя. Но вот теперь,

похоже, пришел и его черед.

Когда адмирал прибыл к дому Фарзоя, стоявшему, к его удивлению, в нескольких кварталах от дома царя, его опасения подтвердились. У ворот дома, который выглядел еще более незаметным, чем царский дом в Неаполе, был рассредоточен отряд лично охраны Иллур, который оцепил дом кольцом и никого к нему не подпускал. Но для прибывшего адмирала сделали исключение. Впрочем, не успел Ларин соскочить с коня на мостовую и сделать несколько шагов по неширокой лестнице вверх, как двери отворились и навстречу ему вышел сам Иллур.

– Горе нам, Ал-лэк-сей, – вместо приветствия сообщил ему кровный брат, обнимая за плечи, – наш мудрый Фарзой умер.

Тем же вечером они сидели вдвоем во дворе дома Иллур у горевшего под открытым небом очага, и пили вино, – обряд похорон должен был начаться только завтра, а им требовалось многое обсудить уже сегодня. Время не ждало.

Кроме них во дворе, окруженном высокой каменной стеной, не было никого. Оба сидели на ковре, кинутым прямо на землю. Здесь же располагалось вино в кувшинах и фрукты, а над огнем жарилась мясо на вертеле. Если бы не дом с колоннами и портиками посреди многолюдного города, сходство с обычной трапезой в степи было бы полным.

– Хорошо, что ты прибыл, Ал-лэк-сей, – объявил Иллур, делая большой глоток, – у нас много дел. Перед смертью Фарзой завещал мне разбить сарматов. И это сейчас главное.

По всему было видно, что царь скифов расстроен, потеряв своего советника.

– Там, откуда я прибыл, тоже есть дела, – осмелился возразить Леха, немного уставший с дороги и быстро захмелевший, вино у царя было крепкое, – греки прислали огромный флот к Истру. Часть его разметала буря, хвала богам, но сил у них еще хватит, чтобы устроить Аргиму веселую жизнь.

Царь откинулся назад, посмотрев на звездное небо.

– Греки подождут, Ал-лэк-сей, – проговорил он, резко отставив чашу, которая опрокинулась.

Вино пролилось на землю, а она из струек даже добралась до углей, издав злобное шипение.

– Греки подождут, – повторил царь, впери в него свой тяжелый взгляд, – Аргим удержит Малую Скифию. А нам с тобой здесь предстоят дела посложнее. Сарматы атаковали мои владения по всему фронту, подло ударив мне в спину. В Крым они прорваться не смогли, но у Гатара много воинов. Он пожег все ближние к морю селения и атаковал Ольвию, которая сейчас в кольце.

– Я слышал, – покачал хмельной головой Леха, – они хотят уничтожить наши главные верфи. Гиисподис то еще жив?

– Жив, – отмахнулся Иллур, – у Ольвии крепкие стены. Но, не в нем дело. Хотя и его жизнь для меня важна. Без флота нам не выжить. Судьба скифов уже давно не только в степной жизни, хотя многим старейшинам это до сих пор не по вкусу, но и в дружбе с морскими богами. И ты в этом преуспел, Ал-лэк-сей.

Помолчав мгновение, Иллур закончил мысль.

– Но, сейчас я приготовил тебе другое дело.

Леха даже замер, услышав каким пророческим тоном произнес его кровный брат эти слова.

– Прежде всего, нужно снять осаду с Ольвии, – продолжал Иллур, как ни в чем не бывало, и даже принялся собственноручно отрезать мясо от закопченной туши, кинув один кусок на блюдо брату, другой себе, – это мы сделаем обязательно, хотя Гатар и привел туда свою главную армию. Очень хочет взять и спалить этот город, словно это моя столица. Даже большую часть воинов увел от границ Крыма, лишь бы успеть. И поэтому мы с тобой вы вскоре сами покинем Крым, где отсиживаемся до нужного времени, нанесем удар и вернем себе прибрежные степи.

– А почему он нас предал? – вдруг спросил Леха, дожевав кусок мяса, и тут же осекся, увидев злобный блеск в глазах брата, словно этот вопрос взбесил царя. Но, все же закончил свою речь, – ведь Гатар долго воевал с нами против греков, вместе в дальний поход ходили... с амазонками. И вдруг, такое. Это ведь римляне его, говорят, надоумили?

Иллур оторвал взгляд от огня и вперил его в кровного брата, словно тот был неразумным ребенком, раз спрашивал об этом. Долгое время они сидели молча, слушая только треск углей. Ларин боялся нарушить тишину первым. Наконец, царь вновь заговорил.

– Фарзой уже давно предупреждал меня, что нет у нас врага важнее сарматов. Потому что они, – такие же как мы.

Иллур поднял опрокинутую чашу, а Ларин плеснул ему вина из кувшина. Царь выпил и, на этот раз, медленно поставил недопитую чашу на плоский камень.

– Их царь Гатар имеет множество земель, но давно мечтает получить выход к морю. По морю легче торговать. И здесь наши желания сходятся, только у меня этот выход давно есть, и даже флот уже есть. А Гатар, несмотря на всю свою конницу, должен просить помощи у греков Боспора и в торговле и в войне. Он, как и я, мечтает построить огромную кочевую империю и многого уже добился. Только выйти к морю ему мешает моя страна. И Гатар отлично понимает, – пока я жив, выхода к этому морю, он никогда не получит.

Иллур замолчал ненадолго, отправив в рот засахаренное яблоко. Прожевал, запил вином, бросил взгляд на звезды и продолжил свою речь. Лехе оставалось, только молча слушать.

– Поэтому он принял мое предложение участвовать в совместном походе в надежде, что этот выход у него появится и без войны со мной. Но, я все время направлял его отряды дальними от моря путями, тянул время, получая свое, и, в конце концов, Гатар не выдержал.

– Но, – выдавил из себя Ларин, – если ты знал, ...то есть думал, что они на нас нападут, почему же мы тогда зашли так далеко по Истру? Почти до Греции дошли, я даже успел посмотреть на римские земли. А у нас за спиной был такой враг.

Леха был уже настолько пьян и возмущен недалекостью Иллур, что осмелился покритиковать политику кровного брата, невзирая на последствия.

– И даже Фарзой тебе говорил, мол, надо разбить сарматов. Куда же мы попер..., то есть, пошли тогда? Надо же было этого Гатара приструнить, чтобы остальным неповадно было.

К его удивлению Иллур не впал в ярость, а заговорил так, словно извинялся.

– Я знал о его желаниях, но думал, что мне хватит времени полностью разбить гетов, тогда бы все вышло иначе, но... тут вмешались римляне. Они знали о моих распрях с сарматами. Их золото и стало последней каплей, перевесившей на этих весах.

Ларин долго молчал, пережевывая мясо и «переваривая» услышанное. С римлянами ему было теперь все ясно, но вот с Карфагеном, где шла междоусобная война, выходили одни вопросы. Леха по долгу службы уже пообтерся в высших сферах, но никак не мог понять, на чьей стороне они с Иллуром теперь воюют. Пока Карфаген оставался единым, все было в порядке. Но теперь... Иллур вроде бы крепко дружил с сенатором Магоном, с которым у него были давние дела. А лучший кореш скифского адмирала Федор Чайка, переметнулся на сторону Ганнибала. Тот сам захотел быть царем и ясное дело, сенаторов теперь недолго любил. Однако, все военные действия, которые скифы до сих пор вели на южном фронте, как бы поддерживали усилия Ганнибала захватить Рим. Именно Ганнибала, а не сенаторов. Попытавшись самостоятельно ответить себе на все эти вопросы, Леха окончательно запутался и в итоге, решил поступить просто. Спросить Иллур напрямую, а там, будь, что будет.

В голове шумело, слова как-то не очень клеились друг к другу. «Чертово вино, – подумал адмирал, – хорошо вставляет. Надо будет спросить у царя, кто ему такую вещь привез».

– Послушай, брат, – начал Леха осторожно, – ты помнишь, моего друга... ну, того, с кем мы едва не угодили к тебе в рабство, а потом он приплыл послом от Карфагена.

– Твой друг прибыл ко мне от Ганнибала, – поправил его Иллур, которого не мог сбить с толку даже хмель, – старейшины Карфагена тут ни при чем. Да он и не скрывал этого.

– Значит, – обрадовался Леха, – мы... дружим с этим самым Ганнибалом? А как же твой... друг Магон?

Иллур перевел взгляд с тлевших углей и впервые посмотрел на своего кровного брата так, словно тот удивил его своей прозорливостью.

– Я понял, о чем ты, Ал-лэк-сей, – медленно ответил царь, – Я многим был обязан этому влиятельному советнику из далекого Карфагена. Он помогал мне деньгами, когда я был еще просто одним из вождей. Он поддерживал меня в борьбе против греков и даже собирался купить у нас часть земли, чтобы основать в Крыму торговую гавань Карфагена. Он был мне нужен и был мне почти другом. Но...

Иллур перевел взгляд на огонь и проговорил:

– Но после того, как он подружился с Римом, на моей земле появились сарматы. Он выбрал себе не тех друзей, Ал-лэк-сей, и теперь я ему ничего не должен.

Ларин устало выдохнул. Значит, они с Федей по-прежнему были на одной стороне.

Но это было еще не все, что хотел сообщить ему царь. Опрокинув остатки вина в рот, Иллур сказал:

– Пока продолжается погребальный обряд Фарзоя, ты можешь отдохнуть в своей земле. Я пришлю за тобой, чтобы сообщить о том, что ты сделаешь для меня дальше.

– Как долго я могу там побыть? – уточнил Леха, не поняв рад он, или не рад этому известию.

– Несколько дней. Я отправлю много воинов и прикажу насыпать большой курган на его могиле недалеко от Неаполя. Похоронить с ним всех его наложниц и слуг, а также коня, чтобы жизнь в ином мире для него была такой же похожей на бескрайнюю степь. Мудрый Фарзой и там ни в чем не должен испытывать недостатка.

Глава девятая

«Свои среди чужих»

Федор едва удержал руку Летиса, который уже дернулся за кинжалом, чтобы таким образом удовлетворить любопытство торговца рыбой, воззрившегося из-за своей тележки на четырех расхристанных «ремесленников», бежавших ему на встречу из порта в этот ранний час.

– Не надо, – шепнул Федор.

– Он может нас выдать, – нехотя согласился Летис, пробегая мимо тележки с рыбой.

– Он нас все равно не запомнит, – ответил на это Чайка, чуть замедляя бег, и быстро приходя в хорошее настроение, – А, кроме того, не стоит убивать всех подряд, ведь мы хотим вернуть себе этот город. Надо же будет потом кому-то торговать здесь рыбой.

Пробежав еще пару кварталов, по знаку Чайки они остановились рядом с обветшалым сараем. Дальше начинался небольшой рынок, к которому примыкал целый район, состоящий из длинных амбаров и складов. Все эти трущобы дальним концом примыкали к огородам в хорошо знакомом ему квартале Мегара. Кварталы богачей и центр города остались в другой стороне. На торжище уже копошились первые посетители, – в Карфагене, как любом южном городе, вставали рано.

– Подожди, надо осмотреться, – решил Федор.

Они спрятались за небольшой забор, примыкавший к сараю, присели и немного перевели дух. Отсюда беглецы могли наблюдать за дорогой. На улице, вдоль которой они бежали из порта, не было видно никаких вооруженных преследователей. Только редкие пока прохожие. Чайка, впрочем, специально петлял во время бега и за это короткое время они успели несколько раз свернуть, стараясь запутать возможных преследователей. А в том, что погоня будет обязательно, он и не сомневался. Слишком уж много шума наделала их попытка «по-тихому» пробраться в Карфаген.

– Теперь они долго не успокоятся, – выдохнул Федор, убедившись, что в ближайшие пять минут им ничего не угрожает, – весело мы сюда пробрались, ничего не скажешь. Секретная операция.

– Ты же сам видел, сколько их там оказалось, – развел руками Летис, – пришлось немного повоевать. Зато порт запалили, вон, какой дым поднимается. Не иначе пожар на корабли перекинулся.

Чайка обвел взглядом Летиса, на тунике которого было видно несколько пятен крови, а один рукав был почти оторван. Двое уцелевших бойцов тоже выглядели слегка потрепанными, да и неуместные теперь ремни кожаных обвязок, с кольцами на груди, могли вызвать недоумение у прохожих.

– Пожар хороший, спору нет, – кивнул Федор, сглатывая слюну, – только для нашего дела важна тишина, а мы уже подняли на ноги весь гарнизон. Они же могли подумать, что начался штурм.

– И хорошо, – отмахнулся Летис, – пусть подергаются.

– Пока они теперь успокоятся, время должно пройти, – покачал головой Федор, словно осуждая не в меру рьяного друга, – в общем, нам отлежаться надо где-то хотя бы до темноты, пока патрули перестанут рыскать по улицам.

На этот раз Летис спорить не стал.

– Снимите с себя верхние обвязки с кольцами, – приказал Федор, закончив свои наблюдения над внешним видом «ремесленников», – избавьтесь от них. Они нам теперь ни к чему. Хорошо бы, наверное, и одежду другую достать... На всякий случай.

Он еще раз бросил настороженный взгляд на улицу, что вела в сторону порта, – в дальнем конце угадывалась какая-то суматоха.

– Ну да ладно, пора идти, – проговорил он, – Летис, оторви себе второй рукав, пока и так сойдет. Мы все же не под богачей работаем.

– Одежду можно и позаимствовать, – предложил Летис, погладив ножны кинжала.

– Не надо лишнего шума, – пригрозил Федор, – если что, купим. Ты забыл, – мы же опять в Карфагене, здесь можно достать все, а не только одежду для честных торговцев.

Кроме заветной монеты, были у Федора и еще деньги для таких целей. Не слишком много, но были. После «размолвки» с Ганнибалом сенат не стал менять свою валюту на другую. И это было диверсантам сейчас только на руку, – по обе стороны Карфагенских стен были в ходу одни и те же монеты.

Летис с хрустом оторвал поврежденный рукав балахона и с помощью ножа разделался со вторым, бросив все это через забор в сточную канаву. Несмотря на разветвленную систему водопровода, в Карфагене еще имелись во множестве и такие канавы. Водопровод, дело дорогое. А для кварталов попроще и такого дренажа хватало. Свои обвязки с кольцами все бойцы, включая Федора, сняли, выбросив туда же. Глядя на бурую вонючую жижу, в которой утонули их обноски, Чайка рассудил, что сразу их не найдут даже здесь, а когда найдут, будет уже поздно.

– Вперед, – приказал Федор, – нам пора. Найдём себе какое-нибудь убежище.

Миновав полупустой рынок, они углубились в район складов и амбаров, быстро растворившись среди рабочего и торгового люда, не обращавшего на них никакого внимания. День уже входил в силу, а война, царившая вокруг Карфагена, казалось, совершенно не затронула его привычный уклад. Люди все также поднимались ни свет, ни заря, и отправлялись на рынок по своим делам. Кто торговать, а кто покупать. «Война войной, – в который уже раз повторял себе командир диверсионного отряда, – а торговля по расписанию. Великое дело привычка».

Шествуя между складами, многие из которых были уже открыты и разгружались, сновавшими туда-сюда грузчиками в одних туниках или набедренных повязках, Федор внимательно всматривался, пытаясь обнаружить какой-нибудь заброшенный амбар. Пока что им владела только одна мысль, отыскать такое строение, проникнуть внутрь и отлежаться там до темноты. Наличие замка на воротах его не пугало, у всех бойцов имелись

соответствующие навыки, – главное, чтобы место было тихое.

Так они бродили не меньше часа, постепенно удаляясь от припортовых районов, где то и дело сновали патрули, пока им не улыбнулась удача. Отряд из четырех «ремесленников» забрел уже к самой границе Мегары, где начинались возделанные на случай войны поля, когда взгляд Федора упал на приземистое обветшалое здание склада, притулившееся рядом с еще одним таким же. Оба дальним концом примыкали к невысокой каменной стене, за которой начинались огороды, в свою очередь упиравшиеся в обширный парк, а «фасадом» выходили на другой узкий и грязный переулок, скорее похожий на тропинку между заброшенных сараев. Этот проход был сейчас абсолютно пустынным. Несмотря на давно начавшийся торг, никто из приказчиков не спешил открывать двери этих амбаров. Только за поворотом, в дальнем конце этого прохода царило небольшое оживление, – там виднелось несколько человек. То и дело оттуда доносился громкий девичий смех.

– Аллилуйя, – воскликнул Федор, озадачив своих спутников странным словом, – это место нам подходит. Если что, можно уйти огородами.

Он еще раз покрутил головой и, не заметив никого рядом, приказал:

– Вы двое, встаньте в десяти шагах, и смотрите по сторонам. А ты, Летис, разберись с замком. Только не ломай сразу, сделай все аккуратно.

Здоровяк, казалось, обиделся.

– Не бойся, – пообещал он, поводя плечами, – когда-то отец пытался сделать из меня хозяина гончарной мастерской и приучить к работе с глиной. Я знаю, что такое мягкость.

Федор, никак не ожидая от своего грубоватого друга таких речей, даже рот раскрыл от удивления. Но, Летис, достав кинжал, уже возился у ворот, на которых висел большой ржавый замок. Неизвестно, что там наколдовал неудавшийся гончар, но вскоре раздался легкий скрип и дверь в амбар отворилась. Когда Федор приблизился, здоровяк протянул ему свои руки. На одной из них лежал замок, а на другой кинжал.

– Вот и все, – констатировал Летис, – плевое дело.

– Молодец, – похвалил Федор, – Из тебя получился бы неплохой грабитель.

Зайдя первым внутрь, Чайка осмотрелся. Почти все помещение амбара занимали полуразобранные телеги, застывшие в разной стадии ремонта, а у дальней стены имелась большая копна сена. По всему было видно, что у владельцев этого промысла дела шли не слишком хорошо. Возможно, потому, что отдыхать они любили больше, чем работать. Из окон мелось всего три узких отверстия под самым потолком. Одно прямо над входом и еще два каждой стене, сквозь них внутрь падали узкие полоски света, едва разгоняя полумрак. Впрочем, в обветшалых стенах сарая было достаточно щелей, чтобы смотреть за тем, что происходит снаружи, вовсе не прибегая к окнам под самой крышей.

– Нам подходит, – решил Федор, удовлетворенный осмотром, – Заходите все сюда.

Когда диверсанты оказались внутри, столпившись у входа, Федор сообщил.

– Здесь отдохнем до темноты. Один наблюдает за окрестностями, остальные могут спать. Летис, дай-ка сюда замок.

– Зачем он тебе? – удивился здоровяк, все же протягивая его Федору.

– Повешу снаружи, чтобы все выглядело натурально, – заявил он, направляясь к выходу, и добавил, – оставлю его открытым, чтобы всегда можно было сдернуть в случае чего.

– А ты куда? – удивился еще больше Летис.

– Пойду, осмотрюсь и разыщу неприметную лавку, где можно без лишнего шума купить одежды, – нехотя пояснил Чайка, поправляя складки своей туники, скрывавшей кинжалы, – пора нам ее поменять. Наверняка, нас уже описали всем соглядатаям Магона и солдатам Марцелла.

– Я с тобой пойду, – заявил здоровяк, делая шаг следом.

– Не стоит, – поднял ладонь Чайка, – ищут группу бойцов, а ты, Летис, среди нас был самым... приметным. Так что, отдохни пока, а я и один справлюсь.

Летис нехотя подчинился и, пнув ногой ближайшую телегу, заявил одному из солдат.

– Тогда я иду спать, а ты будешь дежурить первым.

Оставив своих людей в амбаре, Федор осторожно выбрался наружу и, никем незамеченный, быстро вставил замок в проушины. Они, хоть и были тоже из металла, но казались такими ветхими, что, потяни за одну из них, казалось, отвалятся вместе с доской. Глядя на них, Чайка впервые подумал, что и среди многоликого сообщества купцов Карфагена, прославившихся своими талантами, тоже имелись свои нерадивые представители, не следившие за хозяйством, как следует.

«Впрочем, кто его знает, что за проблемы у хозяев этого амбара, – подумал он, направляясь в соседний переулок, где в прошлый раз слышал девичий смех, – может быть, их просто убили римляне или сенатские солдаты, а имение еще просто не успели прибрать к рукам».

Последнюю мысль, Чайка поспешил отогнать. Ему совсем не хотелось, чтобы вдруг в это тихое место заявились римские солдаты вместе с каким-нибудь квестором, чтобы описывать имущество и повстречались там с не выспавшимся Летисом. Он и в нормальном то состоянии не очень любил беседовать с чиновниками, а сейчас, случись такая ситуация, вообще мог поставить под угрозу срыва всю операцию. «Господи, пронеси», – просто помолился на этот случай Федор, и продолжил свою вылазку.

Пройдя сотню метров, он оказался рядом с двухэтажным покосившимся особнячком, у входа в который толпилось и шумело просто неприличное для такого медвежьего угла количество народа. Трое каких-то подмастерьев в лохмотьях прямо на улице тискали трех девиц явно легкого поведения. Все были в изрядном подпитии уже с утра, что удивило Федора. Подняв голову, он скользнул взглядом по окнам покосившегося строения, рассмотрел грязные занавески, уловил доносившиеся оттуда стоны, и отмел последние сомнения. Диверсанты обосновались на постой всего в сотне метров от борделя для бедняков. Такие заведения имелись в Карфагене во множестве. Сенаторы всегда думали даже о том, как успокоить тех, кто зарабатывал гроши в самом богатом городе «Обитаемого мира».

«Конечно, можно было бы и прямо здесь обосноваться, – подумал он, проходя мимо и отворачиваясь от призывного взгляда показавшейся в дверях красотки, – весело провели бы время до вечера. Летис бы не отказался, даже после ночного прорыва. Правда, слишком много лишних глаз. Еще донесет кто. Ничего, в сарае оно спокойнее будет. Надо отдохнуть, чует мое сердце, ночька будет не скучнее прошлой».

Оставив бордель позади, он, вновь оказался на пустынной улочке, с которой вскоре свернул на другую такую же, потом на третью. Народу постепенно прибывало, по всему было видно, что он приближался к более населенным местам. В целом, район, который он выбрал для того, чтобы отсидеться до темноты, его устраивал. По меркам культурного Карфагена это были не просто склады, а настоящие трущобы. А таких здесь имелось не так уж много.

Наконец, спустя полчаса, стали появляться лавки. Народу также прибывало на глазах. Пару раз Федор даже видел патрули сенатских солдат, при виде которых его так и тянуло прижаться к стене. И, каждый раз, он с большим трудом заставлял себя этого не делать, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но, в третий раз, заметив бодро шагавший в конце улицы отряд из дюжины бойцов, Федор не стал испытывать судьбу и нырнул в ближайший сарайчик, где продавали какие-то лохмотья.

По счастливой случайности, он нашел именно то, что искал. Народу в лавке было мало, весь товар просто свален в кучи на дощатых подставках, чуть приподнятых от грязного пола. «Похоже, здесь отоваривается голытьба, – решил Федор, присматриваясь к тому, что происходит на улице, – это хорошо».

Когда отряд тяжеловооруженных пехотинцев прошагал мимо, Чайка вынул руку из-под балахона, разжав рукоять кинжала, и подошел к хозяину, который с безучастным видом сидел на скамье в углу своей лавки, разглядывая ползавших по товару мух.

– А что, приятель, – начал разговор Федор, – найдется у тебя пара хороших туник?

Деньжата имеются.

И он с видом миллионера похлопал себя по поясу, за которым глухо звякнул тощий кошель. Хозяин прервал свои наблюдения за живой природой и воззрился на Федора с таким видом, словно тот был ему не интереснее сонной мухи.

– У меня весь товар отличный, – заявил хозяин бесцветным голосом, – выбирай любую.

И отвернулся от стоявшего перед ним клиента, снова возвратившись к своему занятию. «Да ты просто купец от природы, – мысленно усмехнулся Чайка, – уж не в твоём ли сарае, мы обосновались».

Впрочем, такое отношение его только радовало. Чем меньше им сейчас интересовались, тем лучше. Покопавшись в тряпье, Федор довольно быстро разыскал несколько серых туник среднего размера. Пахло от них так, словно это был не новый товар, а какой-то сильно поношенный и плохо постиранный «секонд-хенд». Чайка долго думал, прежде чем положить их в холщовый мешок для покупок, который он уже взял у хозяина. «Не подхватить бы тут какой-нибудь ползучий лишай, – озадачился Чайка, – или того хуже, проказу».

– А товар-то новый? – без особой надежды на правдивый ответ поинтересовался он у заклинателя мух.

– Отличное качество, – пробубнил хозяин, не поднимая головы, – все пошили еще до осады. Бери, не пожалеешь.

«Делать нечего, – решил Федор, которого начинала догонять дикая усталость. Сказывалась бурная ночь, проведенная в погонях и драках, – придется рискнуть. Все равно, другое искать некогда. Надо успеть вернуться назад и самому хоть немного поспать».

Он медленно направился к выходу, но минут двадцать еще пришлось помучиться с новым одеянием для Летиса. В Карфагене было все, но с размерами для крупных людей, как и во всем мире, тоже имелись небольшие проблемы. В конце концов, он отыскал под кучей хлама безразмерную тунику грязно-коричневого цвета. «Летис в ней будет похож на землекопа, – ухмыльнулся Федор, засовывая ее в мешок вместе с остальным барахлом, – или на гончара».

– Слушай, а чего тянуть, – обратился он к хозяину, так и не выходявшему из медитации, – я переоденусь прямо здесь?

Хозяин вяло кивнул и Федор, забравшись в угол, укрылся от посторонних взглядов, быстро скинул свое одеяние, прикрыл им кинжалы и натянул новую тунику, подпоясавшись ремешком. Получилось неплохо. Даже кинжалы, вновь оказавшиеся под одеждой, не слишком заставляли ее топорщиться.

– Потянет, – решил Чайка, бегло осмотрев себя в медное зеркало, как ни странно имевшееся на этой барахолке.

Расплатившись и закинув мешок за плечо, он сделал круг по кварталу. За это время Федор сориентировался точнее, в какой части Карфагена он находился, и заодно посмотрел, нет ли хвоста. Похоже, никто его персоной не интересовался. Пестрое племя торговцев жило своей обычной жизнью, которой не слишком мешала даже война. Удовлетворившись увиденным, – Чайка сообразил, как далеко он находится от предполагаемого места встречи трех диверсионных групп, – он направился обратно.

За время этой прогулки, надо сказать, он довольно далеко ушел от складов и теперь находился вблизи центральных районов великого города. Низкие окрестные строения уже не могли скрыть от него ни крепостной стены с одной стороны, – той, что прикрывала Карфаген с моря, как ему показалось, – ни упирающегося на другой стороне в небо огромного живописного холма Бирсы, увенчанного пирамидальным храмом Эшмуна. Храм бога здоровья и врачевания стремился в небо примерно в нескольких километрах от Федора, шагавшего сейчас в обратном от центра города направлении. Где-то там, у подножия Бирсы, раскинулся Форум Карфагена, широкая, мощеная камнем площадь, куда сходились три главных улицы, плотно застроенные семиэтажными домами.

Все шло спокойно. По дороге ему лишь однажды повстречался отряд пехотинцев,

выполнявший роль патруля. Но, Федор уже так вошел в роль местного жителя, коим и являлся не так давно, что посмел остановить их командира, не слишком увлеченно рассматривавшего прохожих и уточнить, где здесь находится монетный двор. Солдаты с мечами и круглыми щитами замерли за спиной своего начальника, не особо заинтересовавшись личностью Федора.

– А у тебя что, есть лишние монеты? – весело подмигнул ему начальник караула, поправив медный шлем на голове и предвкушая возможность поживиться. Но, радость его угасла, когда он рассмотрел затертую тунику и грязный мешок за плечами собеседника. Рассчитывать здесь было особо не на что.

– Откуда? – пожал плечами Федор, – дела у хозяина идут плохо. С тех пор как этот проклятый Ганнибал осадил город, мы едва сводим концы с концами.

Он тряхнул мешком за спиной и добавил, переходя на доверительный шепот.

– Вот, хозяин велел отнести старьевщику поношенную одежду, может быть, выручу за все это хоть что-нибудь.

Начальник караула не разделил его уверенности, но услышав про Ганнибала, посоветовал:

– Проваливай своей дорогой. А если увидишь в этом районе подозрительных незнакомцев, сразу сообщи мне. За них обещана хорошая награда, и если тебе повезет, ты быстрее выручишь несколько монет, чем за все барахло, что таскаешь у себя за спиной.

– Если увижу, сразу сообщу, – ответил Федор, изобразив сильное желание сотрудничать с властями, – лишние монеты мне не помешают. А что случилось? Сегодня утром был какой-то шум в порту, мы даже видели дым от пожара.

– Ничего особенного, – поскромничал начальник караула, рассматривая что-то за спиной Чайки, словно перед ним никого не было, – просто несколько шпионов Ганнибала пробралось в город. Но, мы их скоро поймем и казним.

– Желаю вам поскорее разыскать их, – поддержал разговор Федор, – а то мой хозяин не сможет спокойно спать, зная, что по городу разгуливают эти шпионы.

При этом он даже слегка поклонился. А когда разогнулся, то солдаты уже шагали дальше своей дорогой. Подождав, пока отряд скрылся за углом, Федор продолжил путь, изрядно повеселевшим.

«Значит, за наши головы уже объявили награду, – ухмылялся он, пробираясь закоулками, – неплохое начало. Интересно, может они уже знают и мое имя? Впрочем, слава подождет. Сначала надо проверить хотя бы одно дело. Не могу дожидаться ночи, чтобы узнать, кто из моих солдат пробрался в город».

Вновь пройдя мимо борделя, улица напротив которого была на этот раз абсолютно пуста, – судя по усилившимся стонам, все гуляки, которых он видел в прошлый раз, вернулись в свои постели и вновь предались утехам, – вскоре Чайка оказался у заветного амбара.

Осмотревшись по сторонам, на всякий случай он несколько раз прошелся туда-сюда, и, лишь затем, приблизился к дверям.

– Летис, это я, – сообщил Федор, ковыряясь с замком, который мирно висел на своем месте никем не тронутый.

– Вижу, – ответили из амбара, – что-то ты задержался. Мы уж хотели идти тебя разыскивать.

Приоткрыв дверь, Федор проскользнул внутрь и втянул за собой мешок.

– Ну, как тут? – поинтересовался Чайка, – никто не приходил?

– Тихо, – ответил за хмурого Летиса один из бойцов, стоявших на карауле, после того как запер дверь засовом изнутри, – за все это время только пара каких-то гуляк прошла мимо с диким хохотом. Да еще двое каких-то сумасшедших полуголых крестьян, парень с девкой, прямо за углом нашего амбара улеглись на траву и стали...

– Представляю, как вам было тяжело за этим наблюдать, – усмехнулся Федор, кидая мешок на ближайшую телегу, – впрочем, ничего странного. Тут в двух шагах публичный

дом. Ребята просто не дотерпели.

Чайка пристальнее посмотрел на хмурого друга, примостившегося на краю телеги, и уточнил.

– А ты чего не спишь?

– Уснешь тут, – пробубнил тот в ответ, неопределенно махнув рукой.

– Это зря, – пожурил его Чайка, – сегодня наше время, – ночь. И она у нас будет бурной. Так что, нужно выспаться всем. Я, например, валюсь с ног.

– Чего это ты приволок? – поинтересовался Летис, подходя к мешку.

– Это ваша новая одежда, – ответил Чайка, направляясь к стогу сена, – нас уже повсюду разыскивают. Даже награду назначили, так что, переодевайтесь. В этом нас не сразу опознают.

– Награду, говоришь, – переспросил Летис, вытягивая огромную тунику странного цвета, и приняв к исходившему от нее запаху, – ты хочешь, чтобы я это надел? О, боги, она еще и воняет.

– А что делать, – заявил Федор, погладив себя руками по груди, – как видишь, я уже переоделся.

Летис вздохнул, и, пробурчав «Я буду похож на вонючего землекопа», нехотя скинул старую одежду. Его примеру последовали оставшиеся бойцы.

– Что ты там говорил о награде? – спросил Летис, рассматривая себя с омерзением и медленно приближаясь к стогу сена, где Федор уже готовил себе лежанку, собираясь отойти ко сну.

– Не переживай, – подбодрил его друг, – лучше походить на живого землекопа, чем на мертвого героя. А насчет награды, ты не ослышался. По дороге сюда я побеседовал с начальником одного из караулов, повстречавшихся мне, и он сообщил, что за нашу голову уже назначена награда. Нас повсюду ищут, друг мой.

– Ты разговаривал с начальником караула? – Летис тут же забыл про свою тунику и даже повеселел, – ну, ты даешь, Федор! А вдруг он тебя узнал бы? Молодец! Я всегда говорил, что ты самый отчаянный командир. Это надо же додуматься!

– Ладно, не хвали, – отмахнулся Федор, шурша сеном и переворачиваясь на бок, – просто захотелось немного встряхнуться. А сейчас приказываю всем спать. Дежури́м по одному. Я последний.

– Ты не повесил снаружи замок, – напомнил Летис, – вдруг, кто увидит?

– Мы нашли неплохое место, – отмахнулся Федор, – за столько времени здесь прошло всего пар человек. Будем надеяться, нам повезет, и боги не оставят нас. А потом, скоро стемнеет, и тогда нам вообще ничего не грозит, до тех пор, пока мы сами не двинемся в город.

Так и случилось. Остаток дня прошел спокойно, никто не потревожил прятавшихся в амбаре диверсантов из армии Ганнибала. За это время Федор и его люди успели отлично выспаться. Чайка, отсчитывавший время по внутренним часам, принял последнюю смену караула у Летиса. Дождавшись, пока на небе зажгутся звезды, и ночь вступит в свои права, он разбудил остальных.

– Пора.

Осторожно сняв засов он, еще бережнее отворил дверь, и осмотрелся. Ночь была лунной, но узкие улицы тонули во мраке и казались безлюдными. Лишь издали доносился женский смех. «У жриц любви не бывает перерывов, – усмехнулся Федор, выходя наружу, – а нам пора за дело».

Когда все четверо оказались на улице, Чайка поправил кинжалы под туникой, немного размял ноги и руки, потянул плечи, и сказал, еще раз взглянув на звезды:

– Ну, вот и наше время пришло, Карфаген.

Глава десятая «Моя семья»

Спал он в ту ночь отлично, утонув в ласках Зараны. Верная наложница, узнав о неожиданном возвращении своего любимого господина, приняла его так жарко, что Ларин и думать забыл о своих сомнениях. Он вдруг осознал, что здесь его всегда будут любить и ждать, где бы его ни носило, и что бы он не натворил. Такой уклад его вполне, казалось, устраивал. Правда, совесть от этого еще больше покусывала, хотя по местным законам он и не должен был относиться к Заране, как к жене. Но, проклятое сознание, полученное Лехой еще в прошлой жизни, до конца уклад скифов принимать отказывалось. Упрямый он был парень.

Впрочем, это были его личные проблемы и терзания, которые никого больше не волновали. Иллур, едва узнал о рождении сына у своего адмирала от рабыни, тут же подтвердил ему, что парень будет считаться свободным и в будущем станет настоящим воином, а не рабом. Живи да радуйся, папаша. Но, все эти приключения с амазонками вдали от родного Крыма, в последнее время Леху только расстраивали. Так что теперь, узнав о предательстве сарматов и оказавшись в родном стойбище, которое стало ему после рождения сына настоящим домом, Ларин вдруг успокоился. Словно что-то встало на место, или вышла игла из сердца, мешавшая спокойно жить.

После этой ночи с Зараной, которая не переставала его любить и ждать все эти годы, буйный командир кочевников и скифов-мореходов вдруг осознал, за что он сейчас воюет. Если до этой ночи, он бился в сражениях за своего царя и кровного брата, а когда случалось, то и за друга Федора, то теперь, в этой войне, все было иначе. Сарматы были у самых границ, буквально в нескольких днях пути. Угрожали его дому. Они могли ворваться сюда, убить Зарану и его малолетнего сына. А этого Леха допустить не мог. Никак.

«Хватит с меня любовных приключений, – решил Леха, мирно дремавший сейчас не открывая глаз на полу своей командирской юрты, развалившись с Зараной на шкурах, – пора и семьею пожить, сколько отпущено, хоть и трудно это кочевникам».

За пологом юрты уже должен был наступить рассвет, но здесь царил теплый полумрак. Угли жаровни, мирно тлели в углу, подсвечивая юрту слабым желтоватым сиянием. Леха осторожно приоткрыл глаза и посмотрел сначала на спавшую, уткнувшись ему в плечо, Зарану. А потом и на сына, которого оставили ночевать тут же, чтобы смог наглядеться на отца, да привык к нему немного. Видел-то его всего раз. Ларину со дня на день опять в поход нужно было собираться, а потом что будет, – одним богам известно.

«Пойду, пройдуся, – решил Леха, осторожно отползая в сторону, чтобы не задеть расставленные повсюду чаши и кувшины, оставшиеся после небольшого вчерашнего пиршества, – проветрюсь, да подумаю о жизни. С утра легче думается».

С некоторых пор у Лехи, который сам себе удивлялся, появилась и укоренилась привычка думать. Он корил себя за это и пытался жить как раньше, лихо и быстро. Но, то ли от того, что теперь ему приходилось командовать массой людей и техники, то ли по какой другой причине, но эту вредную привычку, что так сильно мешала ему жить, искоренить пока не удалось.

Удалившись от лежбища, он осторожно приподнялся, благо юрта позволяла. Также осторожно, чтобы не разбудить спящих, надел куртку и штаны. Аккуратно влез в мягкие кожаные сапоги, стянутые специальными завязками на щиколотках, а затем ловкими движениями заправил в них штаны, чтобы не замочить росой. Посмотрев через плечо на видевших десятый сон наложницу и сына, brave адмирал отодвинул полог и выскользнул наружу, в утренний туман.

Здесь он, наконец, распрямился во весь рост, привычно провел рукой по шевелюре, а затем почесал пальцами небольшую бородку. Солнце еще не вышло из-за далеких гор и над его стойбищем, особенно в низинах, стоял плотный туман. Торчавшие из него повсюду островерхие макушки юрт, казались Ларину сейчас жилищами каких-то подводных существ, можно сказать, хатками бобров. А сам туман огромным живым организмом, с которыми скифы вполне мирно сосуществовали.

Несмотря на рассветный час, воздух был густым, напоенным ароматом хмеля и можжевельника. Ларин втянул его всей грудью, посмотрел на лошадей, пасшихся на ближайшем пригорке, и тихо произнес:

– Господи, хорошо-то как!

Он даже раскинул руки в стороны, словно птица, желавшая взлететь, и закрыл глаза. Но, летать ему и не требовалось, – в это мгновение Леха итак был на верху блаженства.

Постояв несколько минут, Ларин все же открыл глаза и осмотрел свои владения. Туман потихоньку растворялся, расползаясь по низинам и обнажая сочную зелень лугов. Здесь, поблизости от главного стойбища, подаренного ему Иллуром, паслись кони. А чуть подальше, за небольшим леском, который тоже принадлежал проводившему время в походах адмиралу, паслись стада коз и овец. В целом Лехино хозяйство, под присмотром мудрой наложницы, процветало. Не пугало Зарану даже то, что в него входило еще два надела земли, располагавшиеся чуть дальше от Неаполя, вместе с несколькими сотнями людей. Тех, кто был воинами, Ларин вечно брал с собой в походы, а их семьи и остальные трудились по хозяйству.

Присмотревшись, Леха заметил, что по краю пастбища проехал пастух на небольшой лошаденке. Впереди него сидел мальчуган, цепко державшийся за холку лошади, на которой не было видно никаких признаков седла и удила. Пацан был чуть старше Лехино сына, а может быть, даже ровесником. Отсюда было не разглядеть.

Сыну бравого адмирала шел четвертый год. Как припомнил Ларин, спал он сегодня также на шкурах, в одном исподнем, но прикрытый накидкой. Специальная люлька-кровать, сплетенная из прутьев и похожая на большую корзину, все еще имелась в хозяйстве, и была прикреплена тут же веревками к опорным брускам юрты. Зарана как-то призналась Ларину, что иногда еще укладывает сына в ней, если тот сильно устал, хотя «няньки-помощницы» из скифских женщин ее за это осуждают.

– Правильно говорят, – поддержал их тогда Леха, – здоровый парень уже вымахал, на коня пора, а ты его все в люльке укладываешь.

– Так ведь воспитывать некому, – нарочито пожаловалась Зарана, прильнув к плечу своего мужа-хозяина, – ты же все в походах.

– Ничего, – отмахнулся Леха, – будет время, сам займусь воспитанием. А пока приставлю к нему дядек из старых скифов, пусть научат парня военным премудростям. Ему воином быть. А нянек у него хватает.

Зарана спорить не стала. Помощниц и помощников по хозяйству, которым она управляла в отсутствие мужа, хватало. В тайне она тихо радовалась тому, что ее сын не будет рабом. Большого счастья она от жизни и не ждала.

Еще в прошлый раз, посетив стойбище, Ларин придумал имя своему отпрыску. Не порядок ведь, если ребенок есть, а имени нету. За давностью времени и текущей войной он все не успевал заняться этим вопросом, и Зарана в тайне уже называла ребенка по-своему, но долго так продолжаться не могло. Вернувшись из очередного похода, Леха слегка поразмыслил и постановил назвать сына Василием. Васей, то есть. Не взирая на обилие скифских имен, которые бытовали в этой среде.

Зарана долго смаковала имя на вкус, потом посмотрела на светловолосого малыша, который весь пошел в Леху, от восточных корней матери пока еще ничего не проявив, и согласилась.

– Пусть будет Вася, – все же с легкой грустью согласилась она, вспоминая те имена, что в тайне подбирала сама, – раз тебе так нравится.

– Василий, отличное имя для будущего богатыря, – гордо подтвердил Леха, и добавил с легким сомнением в голосе, – Были такие... у нас в древности.

Зарана не смогла припомнить ни одного богатыря с подобным именем, который прославился доблестью в ближних степях, но мужу поверила. Знает, раз говорит.

– Василий Алексеевич ты теперь, – сообщил Леха пацану, насторожено смотревшему не него исподлобья, как затравленный волчонок.

Впрочем, похороны Фарзоя затянулись, – видимо Иллур решил соорудить своему верному советнику колоссальный курган, один из тех, которому в далеком будущем предстояло волновать археологов и золотоискателей, – и потому у Лехи выдалось даже несколько свободных дней. Царь уже второй день не присылал за ним, а Ларин, вечно рвавшийся в бой, на этот раз было тому несказанно рад.

Пока Леха наслаждался рассветом и царившим на земле покоем в одиночестве, за его спиной послышалось легкое шуршание. Полог осторожно откинулся и наружу с заспанным лицом и спутанными волосами вылез его отпрыск, одетый почти в такие же рубаху и штаны, как у отца, только гораздо меньших размеров. На ногах его тоже красовались настоящие мягкие коричневые сапожки, которые он натянул собственноручно. Увидев их впервые, Леха невольно залюбовался. С детской обувью, как впрочем, и с большинством взрослой, здесь все обстояло просто, – шили на заказ. Если денег нет, ходи босиком, климат позволяет. Но у Ларина средства имелись, не последний человек он был в этом государстве.

– С добрым утром, Василий Алексеевич, – ухмыльнулся Ларин, с высоты своего роста поприветствовав сына в полголоса, – мать то, спит еще?

Парень кивнул, протирая глаза кулаками.

– Ну и пусть спит, – смиловился адмирал, который разговаривал с сыном по-русски.

Зарана, надо сказать, по наущению мужа учила сына разговаривать не только по-скифски, но и на родном наречии отца, которое хоть и считала странным, но сама освоила. И тот уже неплохо разговаривал на обоих языках. Во всяком случае, понимал все, что говорил ему отец.

Леха приобнял сына за плечо и легонько подтолкнул в сторону пасшихся на пригорке коней.

– А мы с тобой пойдем-ка, прогуляемся немного.

Не говоривший пока лишнего слова Василий подозрительно взглянул на рослого мужчину, которого все называли его отцом, и нехотя подчинился.

Было еще довольно свежо, но оба так и остались в рубахах, словно не ощущали прохлады. Даже наоборот, она их бодрила. Медленно переставляя ноги в кожаных сапогах по мокрой траве, они обогнули несколько ближних юрт, где жили помощники Зараны, поднялись вверх по склону метров на двести и вскоре были у края табуна. Здесь и остановились, рассматривая стреноженных коней. Ларин с давно забытым ощущением радости от быстрой скачки, которое ему в последнее время редко удавалось испытать, а отпрыск его с опасением, поскольку не знал, зачем его привели к сборищу этих больших животных.

– Ну, коней ты, конечно, видел уже, – начал разговор Леха, – знаешь, что за скотина такая.

Парень кивнул, посмотрев на отца в ожидании продолжения.

– Только вот мать рассказывала, что ты еще в седле ни разу не сидел. Говорит, мал ты еще... А я вот думаю, что самое время тебе с ними поближе познакомиться. Скиф без коня это не скиф.

Он прервал свою речь и посмотрел на сына.

– Или боишься?

Василий в свою очередь перевел взгляд с отца на коней, рассматривая их так, словно это были диковинные жирафы, потом обратно, и, наконец, отчетливо произнес.

– Не боюсь я их.

– Ну, вот и отлично, – удовлетворенно кивнул Леха, – сейчас я тебе покажу, как надо держаться в седле.

Пастух, увидев хозяина, уже давно оттирался неподалеку, не решаясь прервать его разговор с сыном. Но тут его час пришел.

– Послушай, – обратился к нему Ларин, обдумывая слова, – я хочу парня на коня посадить.

Скиф, стоявший сейчас не земле чуть поодаль, понял его правильно. Василий все же

был еще достаточно мал, чтобы обучаться езде на норовистом коне. Попросить же для мальчика лошаденку поспокойнее бравому коннику Лехе Ларину, известному своими подвигами, было как-то не с руки. Засмеют потом бородатые скифы. Скажут мол, не всадника и воина растит, а слабака. Не убивать же пастуха, как ненужного свидетеля. Все скифы когда-то были детьми и делали свой первый шаг, хотя молва и утверждала, что рождались они сразу на коне. К счастью, слуги у него подобрались правильные.

Пастух, поняв хозяина с полуслова, быстро оглядел коней и подвел к нему лошадку среднего роста, распутав ей передние копыта. Коник был не низок, не высок, но фигурист и нравом обладал вполне спокойным.

– Этот подойдет, – пообещал скиф и все же допустил небольшой промах, поинтересовавшись, – принести седло?

Но, Ларин посмотрел на него таким взглядом, что пастух умолк, всем своим видом показав, что сболтнул лишнего. И так было ясно, что будущему герою седло ни к чему. Обучаться нужно без него.

Ларин подхватил сына под мышки и быстро усадил на холку коня, Василий даже ойкнуть не успел. Животное, до той поры изучавшее ближайшие кусты, слегка повернуло голову, воззрившись на адмирала. Впрочем, больше конь никак свое недовольство не выказывал, стоял себе смирно, помахивая хвостом, и позволив мальчугану справиться с первым испугом. Словно он и не был породистым скифским скакуном, призванным уходить от погони.

Леха, между тем, мог законно гордиться своим отпрыском. Хотя в его роду всадников не было, больше педагоги да пролетарии умственного труда, Василий, едва оказался на коне, крепко вцепился в гриву и не отпускал ее ни на мгновение. Ему было страшно, но он, ни за что не хотел показать этого. Первое правило езды малец, похоже, понял сам без объяснений.

– Ну, как тебе конь? – поинтересовался Ларин, таким тоном, словно его отпрыск уже проскакал отсюда до Ольвии и обратно, и даже подмигнул пастуху, наблюдавшему за всей этой сценой.

Парень, со священным трепетом взиравший на это большое животное, преодолел свой страх, с усилием отцепил одну руку и погладил его по загривку.

– Хорошо, – вымолвил он, вздрогнув, когда конь неожиданно фыркнул и повел ушами, отгоняя появившихся мух.

Солнце уже показалось на небосклоне, перевалившись через горы, и его свет залил все крымские равнины.

– Ну, тогда пора проверить лошаденку в деле, – решил Леха, прищурившись на солнце, и без всякого предупреждения шлепнул животное по крупу.

Этого оказалось достаточно, чтобы конь преобразился. Он заржал, встрепенулся и, сделав несколько шагов вперед, остановился. Василий не закричал от страха, но от неожиданности вцепился в гриву животного мертвой хваткой, прижавшись к нему. Ларин, однако, не позволил коню опомниться и снова наподдал по задним частям тела. После этого, конь сорвался со своего места и проскакал уже метров двадцать прежде, чем снова остановиться на склоне холма.

Все это время отпрыск Ларина болтался из стороны в сторону на спине лошади, отчаянно пытаясь удержаться, но, когда конь неожиданно замер, рухнул-таки вниз на траву. К счастью, Василий до последнего цеплялся за гриву, поэтому «вылетел из седла» довольно удачно, сначала сполз, а потом не слишком больно ударился плечом, перекатившись пару раз.

«Пусть потом хоть одна сволочь скажет, что я его слишком жалел», – Леха с удивлением поймал себя на мысли, что присутствие пастуха, да и других наблюдателей, появившихся за это время, превратили его общение с сыном почти в политический акт. Ему вдруг стало важно, как оценят его сына остальные обитатели стойбища, пусть даже и не воины.

«Только бы не сломал себе ничего, – думал отец, шагая к месту приземления, – а то

мать мне не простит».

Но, Ларин-младший держался достойно. Пока Леха, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, шагал к нему, он сам поднялся и молча стоял, потирая ушибленные места и поглядывая на лошадь, что щипала траву, как ни в чем не бывало.

– Не ушибся? – спросил адмирал, приблизившись и положив руку сыну на плечо.

Тот наклонил голову и отрицательно мотнул ею, не вымолвив не слова. Он был испуган и, казалось, вот-вот расплачется, но терпел, стиснув зубы.

«Ладно, – решил Ларин, разглядывая перекошенное от боли и обиды лицо сына, – для начала хватит. Первый опыт получен, а остальному дядьки научат». Он еще раз ощупал плечи Василия, но, кроме небольших ссадин ничего не обнаружил. Переломов не было. В целом падение прошло удачно.

– Молодец, – похвалил он сына на глазах у подошедшего пастуха, – всадником будешь.

И добавил, глядя в глаза, сыну, который мгновенно успокоился, услышав похвалу от отца.

– Только, чуть попозже. Подучиться надо немного, но, для первого раза вполне неплохо. Пойдем-ка, еще один урок покажу.

Обернувшись к пастуху, Ларин добавил.

– Подходящий конь. Как уеду из стойбища, ты будешь учить моего сына сидеть на нем. А как научится, да подрастет маленько, – будем из него настоящего воина делать.

Пастух кивнул, довольный такими словами, ему от хозяина выходило сплошное доверие.

Ларин увел сына на другой конец стойбища, где, небольшим обособленным «поселком» в дюжину юрт, жило несколько его личных охранников, включая сотника Инисмея. Все они сейчас дожидались вместе с Лариным весточки от Иллур, с радостью предаваясь неожиданно выпавшему отдыху. В этот ранний час многие уже не спали, хотя некоторые предпочли остаться с женами в юртах и наслаждались их ласками. Другие же предпочитали лихие забавы и, оседлав коней, усаkali в поля на охоту, благо в окрестностях водилось множество полевых грызунов и птиц. Ларин же, завидев, как трое из его бойцов усаkali вдаль, задумал показать сыну, как нужно пускать стрелы. Не заходя в свою юрту, что находилась в стороне, он направился к этому «анклаву» и надеялся перехватить кого-нибудь из своих бойцов с луком.

К счастью долго искать не пришлось, на шкуре у крайней юрты сидел сам Инисмей и точил наконечники своих стрел, затем заботливо укладывая их в колчан. Рядом лежал его большой двояковогнутый луг, сделанный из рогов животного. Заниматься с оружием для скифа, было больше сродни удовольствию, чем рутинной повинности.

– Приветствую тебя, Инисмей! – первым поздоровался Леха со своим сотником, – не спишься?

– Благодарю, хозяин, – ответил бородач, приостановив свой ритуал и бросив взгляд на Василия, – За прошедшие дни я отлично выспался. Мне много не надо. Вот теперь отдыхаю со своим луком.

– Он-то мне и нужен, – сообщил ему Ларин, приближаясь, – хочу сыну показать, как стрелы пускать. Пора ему уже готовиться в воины, да лук в руках научиться держать.

– Это верно, – кивнул сотник, вставая, и протянул Ларину свой лук, – пусть попробует. Скифу без лука никак.

Ларин взял из рук сотника мощный лук, оценил его тетиву и понял, что сыну с таким ни за что не справиться. Слишком много сил требовалось даже взрослому, чтобы растянуть эту тетиву. Не зря скифские луки славились такой дальностью. Но, прежде чем устраивать показательные выступления и пускать стрелы на глазах у сына, Ларин все же протянул ему лук.

– Попробуй, – приказал он, – растянуть тетиву.

Василий удивленно посмотрел на отца, а затем, словно заправский стрелок, одной рукой ухватился за среднюю часть, а другой за тетиву и попытался потянуть ее на себя. Он

напрягался долго, весь покраснел от натуги, но тетива даже не шелохнулась. Инисмей, глядя на его усилия, улыбнулся, но большего себе не позволил. Ларин младший, хоть и был еще ребенком, но Лехин гонор ему уже передан, мог сильно обидеться. Инисмей, конечно, этого не боялся, но понимал, что зря обижать ребенка не стоит. Тем более, что тот старался изо всех сил.

Наконец, Василий устал настолько, что лук выскользнул из его рук и упал на траву. Леха смотрел на сына, ожидая, что будет дальше. Но и на этот раз Ларин-младший не разревелся, а, отдышавшись, заявил.

– Я все равно его разорву, отец!

– Вот это дело, – усмехнулся Ларин, весело подмигнув сотнику, – конечно, разорвешь. Только подрасти немного. А пока, смотри, как из него стрелы пускают. Научись, сможешь любую добычу бить, а потом и врагов наших.

Адмирал взял из колчана Инисмею стрелу, приладил ее и, заметив на дереве, что стояло на другом конце луга, белку, прицелился. Зверек, словно почуяв неладное, запрыгал по ветке и в то мгновение, как адмирал спустил тетиву, вдруг мгновенно провалился в листву, словно испарился. Стрела вонзилась в ветку, где только что сидела белка, расщепив ее. Но зверек вскоре появилась на нижних ветках и, как, ни в чем не бывало, продолжала разыскивать пищу, словно поддразнивая Ларина.

– Эх, – расстроился адмирал, – давно не держал в руках.

И потянулся за другой стрелой. Но и вторая стрела лишь прошила листву дерева, оставив белку невредимой. Когда раздраженный неудачей Леха потянулся за третьей стрелой, сотник осторожно заметил.

– А может это, лесной дух, явился нам в виде белки? Может, его не стоит убивать?

– Если дух, – ответил Леха в раздражении, – то его и убить невозможно.

Но, когда он вновь натянул лук, белки на дереве уже не было. Но, тут Ларин заметил движение выше, над деревом. Там, тяжело размахивая крыльями, летела небольшая стая куропаток.

– Вы-то мне и нужны, – решил он и, мгновенно сменив цель, с лету выпустил стрелу вдогон куропаткам.

Просвистев положенное расстояние, стрела ворвалась в группу куропаток и пробила грудь одной из них. Взрыв пуха и перьев возник в воздухе и просыпался на траву.

– Вот это другое дело, – ухмыльнулся Леха, видя, как пронзенная куропатка рухнула на землю, – а ты говоришь, дух.

Малец был впечатлен.

– А ты меня научишь стрелять так же? – произнес он, когда Ларин отдал лук Инисмею и направился вместе с сыном осматривать добычу. Это была самая длинная фраза, которую пока что Ларин слышал от него.

– Конечно, – потрепал по волосам сына бравый адмирал, – будешь из лука садить, еще лучше меня. Только подрасти немного.

К юрте они вернулись, бодро шагая вместе. Василий забыл про свои ушибы и гордо тащил куропатку, пронзенную стрелой. Он ее и предъявил Заране, когда та вышла на свет божий, проснувшись и не найдя никого рядом.

– Мама, – заявил Василий, высоко поднимая куропатку с торчавшим из груди обломком стрелы, – смотри, кого мы поймали. Мы были на охоте. Я скоро тоже буду так стрелять.

– Охотник ты мой, – обняла его длинноволосая девушка, улыбнувшись, – весь в отца.

Парень тут же уполз в юрту, разыскивать нож, чтобы отрезать ей голову, как посоветовал Ларин, а потом отдать женщинам, чтобы те сварили из нее хорошую похлебку. Леха задержался у входа, приобнял Зарану.

– Хороший парень получился, – заявил он, спустя несколько минут молчания, – моя порода.

Зарана молчала, она была счастлива. А Леха, смотревший в дальний конец своих

земель, примыкавший дороге на Неаполь, заметил, как оттуда появился вооруженный всадник. Не останавливаясь, он гнал лошадь прямо к стойбищу бравого адмирала. «Ну, вот и пришла пора снова в поход готовится, – подумал Леха, как то отстраненно, – закончился наш отдых. Хорошо, хоть с сыном побыл»

Глава одиннадцатая **«Ночной совет»**

Федор, Летис и двое бойцов уверенно продвигались по узким проходам между складами, приближаясь к своей цели. Как ни крути, а Федор здесь был аборигеном, и город знал, хотя бывал в этих кварталах нечасто. Место встречи с другими группами, заброшенными в Карфаген, было назначено заранее. Изменить его было нельзя. Оставалось надеяться, что никто из разведчиков-диверсантов не попал в руки к сенаторам или солдатам Марцелла, которые выбили из них место встречи.

«Никогда не думал, что стану подпольщиком, – криво усмехался Федор, осторожно переставляя ноги по скользким камням, в этих местах убирали плохо, – вот угораздило. Знать бы еще, сколько наших уцелело. Отряд Ксенбала тоже нарвался на римлян. Ну, погоди у меня Марцелл, скоро я до тебя доберусь».

Но, чем бы ни грозил Федор своим врагам, начинать нужно было с общего сбора. Прежде требовалось понять, сколько у новоявленного подполья, главой которого теперь являлся Федор Чайка, имелось людей и куда направить свои усилия. Наметить цели, что выводить из строя, кого атаковать. Мысли у Федора имелись, нужны были люди. Даже если представить, что все пробрались без потерь, на что Федор и не рассчитывал, поглядывая на свою группу, от которой осталась лишь половина, все равно народу было очень мало. А Карфаген город большой.

– Сворачивай за мной, – приказал шепотом Федор шедшему следом Летису, когда дорога вновь разделилась на две.

Вскоре группа Чайки, миновав еще пару складов, уперлась все в ту же невысокую стену, отделявшую их от огородов.

– Куда теперь? – прохрипел Летис, едва не уткнувшись Федору в спину.

– Перемахнем через эту стену, – пояснил тот, отдышавшись, – там пройдем немного огородами до парка и на его границе нырнем в канаву. По ней еще немного до моста и мы на месте.

– Мы что, встречаемся на мосту? – удивился Летис, – а не слишком ли это нагло? Охрана наверняка еще рыщет по городу. Темно, конечно, но могут заметить.

– Я горжусь тобой, – не сдержал усмешки Чайка, пробуя кладку стены рукой, – нет, Летис, мы встречаемся под мостом. Он довольно широкий. Да и не мост это, а виадук. Так, течет там ручеек в общую канализацию. Место тихое, особенно ночью. Да к тому же оттуда как раз недалеко до большой трубы, где начинается оросительная система, соединенная с фонтанами.

– А это нам зачем? – продолжал недоумевать здоровяк.

– Потом узнаешь, – отмахнулся Федор и ловким движением взобрался на невысокую стену.

– Патрули там бывают? – догнал его новый вопрос снизу.

– Вот сейчас и проверим, – озадачил неугомонного друга ответом Чайка, спрыгивая на влажную землю, – давай за мной.

Пока его бойцы, один за другим, преодолевали препятствие в виде выщербленной каменной стены, отделявший квартал складов от «аграрного сектора», где были разбиты огороды, Федор всматривался в темноту, раскинувшуюся перед ним. Собственно, не такая уж это была темнота. Ориентиров и посреди ночи хватало. В центре города, словно маяк, по периметру светилась огнями жаровен Бирса, был ясно различим на ее вершине пирамидальный храм Эшмуна, где никогда не гасли огонь. «Нет на вас бомбардировочной

авиации, – невольно подумал Чайка, – пара налетов и моментально навели бы полное затемнение».

Чуть левее, там, где угадывался Форум и кварталы многоэтажных зданий, населенных мелкими торговцами, тоже кое-где мерцали огни. То ли это светились другие храмы, то ли даже ночью народ не отказывал себе в развлечениях, и война тому была не помехой. «Странно, – подумал при этом Федор, – будь я в осаде, ввел бы комендантский час Нечего гражданским шляться по ночам». Впрочем, освещенных огнями мест было не так много. Возможно, светились только главные улицы, площади и перекрестки, где располагались патрули. И Чайка благоразумно решил держаться от этих мест подальше. Во всяком случае, ночью.

За центром Карфагена, с другой стороны, вновь начинались укрытые мраком районы, которые Федор безошибочно определил, как квартал богачей. Именно там находилось хорошо знакомое ему поместье сенатора Магона. «Надо бы туда наведаться, – промелькнула шальная мысль, – но только не сейчас. Позже».

Когда последняя тень сиганула со стены и мягко приземлилась прямо на грядки, Федор подал команду продолжать движение и первым устремился вперед. Пригнувшись, он прошагал метров двести по мягкой земле вдоль посадок, – что здесь росло, было не разобрать, какие-то кусты, похожие на томаты, – а, затем свернул и пошел прямо через поле. Стало очень темно, поэтому Федор вел группу, больше полагаясь на интуицию и собственные ощущения, чем ориентируясь по звездам или далеким огням. Позади него шагала Летис, то и дело, чертыхаясь, когда проваливался в какую-нибудь яму или застревал в кустах.

«Не промахнуться бы мимо канавы, – стал беспокоиться Чайка, когда они почти миновали огороды и впереди темной громадой замаячили деревья парка, – где-то здесь должна быть».

К счастью канва скоро обнаружилась, причем самым ясным способом. Посадки внезапно закончились и Федор, споткнувшись, покатился вниз. Несколько раз перекувыркнувшись через голову, он вытянул руки вперед и, наконец, остановился, уткнувшись руками в каменистое дно канавы. Все бы хорошо, если бы по дну канавы не тек мелкий ручеек и руки бравого диверсанта оказались по локоть в какой-то вонючей жиже. Ладно, еще с головой туда не ушел.

«Твою маман, – выругался Федор, осторожно давая задний ход, – а вот и она, родимая. Нашли».

– Ты где? – раздалось сверху злобное шипение Летиса, – Федор!

– Да не шуми, – успокоил его командир, – здесь я. Упал. Зато канаву нашел, спускайтесь все сюда.

Пока остальные трое спускались на дно довольно глубокой канавы, словно ров отделявшей огороды от парка, Федор прикидывал в каком направлении двигаться дальше. Вообще-то, когда у него был дом в Карфагене, он жил не так далеко от этого района. В огороды никогда не выбирался, но в этом парке бывал. Гулял пару раз в Акиром. И как-то запомнил, что канаву отделяло от посадок благородных пальм, роз и других растений изгородь из заостренных кольев средней величины. Эту изгородь, видневшуюся с другой стороны канавы, Федор мог различить, несмотря на темноту, глаза уже привыкли вполне. Поэтому Чайке не составило особого труда сориентироваться, что идти нужно налево.

Определившись, он зачем-то подождал еще минут пять, то наблюдая за звездами, то посматривая вдоль канавы, словно надеялся увидеть силуэты диверсантов из других групп, пробиравшиеся в том же направлении. Но, здесь никого не появилось. То ли они добирались до места встречи другими путями, то ли просто опаздывали. О других вариантах Чайка предпочел пока не думать.

– Вперед, – приказал Федор, и устремился вдоль канавы, лишь слегка пригнувшись. Канавка была достаточно глубока, чтобы скрыть передвижения человека в полный рост. Видимо ее назначение было двойным, на случай пожара она могла служить преградой огню.

Оставалось следить за тем, чтобы не упасть в воду.

Так они шли минут пятнадцать, пока впереди не показались размытые огни. Свет был какой-то странный, он не просто колебался, но еще и перемещался, как показалось Федору. Озадаченный Чайка остановился и присмотрелся. Огороды заканчивались, да и территория парка тоже. В неясном свете, освещавшим неведомо что в этом месте, Федор разглядел далеко впереди силуэты невысоких особняков. Канава уходила влево, а дальше начинался городской квартал, примыкавший к парку и огородам.

– Ну, и где твой мост? – удивился Летис.

Федору указал ему на сгусток темноты в насыпи, что виднелся на том самом месте, где канава забирала влево, и даже хотел пояснить словами, но в этот момент сверху слышался шум, ставший объяснением этого странного сияния. Слова застряли в горле у Чайки. Этот шум Федор ни с чем не мог спутать, бряцая амуницией и оружием, к ним приближался отряд пехотинцев, чья поступь была Чайке хорошо знакома. И, судя по всему, это был не просто патруль из нескольких человек.

– Бойцов тридцать, не меньше, – выдавил из себя Федор.

– Уходим обратно? – осведомился здоровяк, уже нащупывая рукоять кинжала за поясом.

– Нет, давай бегом вперед, – выдохнул тот и подтолкнул Летиса, – вон туда к повороту.

Преодолев канаву вброд, все четверо пробежали по мокрому песку еще метров двадцать и, когда солдатские башмаки стучали уже почти у них над головой, нырнули в черный проем, внезапно открывшийся перед ними. Это была какая-то выложенная камнем огромная труба, уводившая в неизвестность. По дну, также как и в канаве, текла вода, доставая бойцам примерно по колено.

Федор прильнул спиной к каменной кладке, затаив дыхание, остальные сделали тоже. Но этот отряд, похоже, не интересовался их делами, а шел куда-то по своему заданию. Когда топот башмаков и хохот затихли вдали, Федор, наконец, выдохнул, – опасность миновала. Но, тут же ощутил на своей шее холодную сталь клинка, впившуюся ему в горло.

– Кто такие? – поинтересовался, едва не дыша ему в ухо, до боли знакомый голос, – и что вам тут надо?

– Хвала богам, – осторожно произнес Федор, стараясь не делать резких движений, – Ксенбал, ты выжил. Рад... видеть тебя.

Нож тут же исчез, а Федор, который уже слегка привык и к этому мраку, разглядел перед собой плечистую фигуру.

– Мы уже начали беспокоиться, что ты не придешь, – заявила фигура, – я здесь уже давно. Думал, это шпионы сената увязались за нами и навели солдат.

– А люди Урада? – уточнил Федор, невольно потирая шею.

– Они тоже, – ответил Ксенбал, – те, кто выжил...

– Где они? – спросил Федор, пытаясь рассмотреть еще хоть кого-нибудь в этой кромешной мгле, кроме говорившей тени Ксенбала.

– Идите за мной, – просто сказал Ксенбал, – чуть подальше мы обнаружили еще одну трубу, не меньше. Она уходит в стону и там даже можно развести огонь, который не будет заметно с дороги.

– Веди, – согласился Федор, сам оказавшийся впервые в этих катакомбах, и, передвигаясь по колено в воде, побрел за едва различимым Ксенбалом.

Летис и остальные, озадаченные не меньше, последовали за своим командиром. Ксенбал шел молча лишь изредка подавая голос, чтобы не потерять остальных и Федор больше ориентировался по шуму его передвижений в воде. Прошло минут пять этой игры в прятки, Чайке показалось, что труба уходит влево. Затем впереди показалось какое-то неясное пятно света и силуэт Ксенбала, с кинжалом на поясе, стал хорошо различим. Затем пятно стало еще ярче, и мрак вокруг раздвинулся. Оказавшись рядом с источником света, Федор действительно узрел еще один проход, уводивший в сторону. Там на куче песка, образовавшего островок посреди текущей воды, бойцы из подразделений Урада и Ксенбала,

умудрились даже развести огонь из досок неизвестно как попавшего сюда ящика. Костерок был небольшой, но Федор давно так не радовался огню.

– А вот и мы, – поприветствовал Федор всех собравшихся, и добавил, пересчитав бойцов у костра, – рад, что вы живы.

– Извини, угостить нечем, – усмехнулся Ксенбал, вставший от него справа, – все гостинцы мы раздали римлянам по дороге сюда. Могу предложить только погреться. Тут мокро.

– Я видел лишь часть вашего прорыва, – заявил Федор, скрещивая руки на груди, – вы молодцы. На моих глазах к вам направилась бирема, полная римлян, но вам удалось уйти.

– Удалось, – ответил Ксенбал, подавив вздох, – но, не всем.

– Да и наш прорыв вышел не самым тихим, – как бы извиняясь вставил слово Урад, на лице которого виднелся свежий шрам, – пришлось пошуметь немного.

– Что поделать, – «простил» его командир всего соединения диверсантов, обводя взглядом собравшихся бойцов, – война есть война. Конечно, нам нужно было проникнуть сюда без лишнего шума. Но, Карфаген, сейчас последняя опора сената, и он охраняет ее как может. Мой отряд, несмотря на ваше прикрытие, тоже не смог избежать шума и потерь. Главное, что мы здесь... хоть и не все.

Его обступало сейчас всего пятнадцать человек, – половина отправлявшихся в этот рейд бойцов погибла, заплатив жизнью за прорыв еще в самом начале операции. Федор против воли отметил, что одежда на всех теперь другая, более подходящая. Как и он сам, командиры решили переодеть своих бойцов. Все сейчас были закутаны в какие-то лохмотья, больше подходившие носильщикам или рабам, но никак не благородным воинам из армии Ганнибала. Справившись с первым замешательством, Федор, наконец, начал военный совет. То, для чего они здесь все сегодня собрались.

Для начала он решил расспросить, о том, что происходило с ними за последний день.

– Где вы провели этот день? – спросил Федор у Ксенбала.

– Прорвавшись по стене, мы не смогли пробиться в торговый порт, – рассказал Ксенбал о деталях своего прорыва, – римляне, те самые, которых ты видел, отсеки нас от него. Поэтому нам пришлось устроить пожар и до последнего отступать в сторону военного порта. А там солдат было гораздо больше. Но, в тот самый момент, когда мы уже решили, что выхода нет и нам придется подороже продать свои жизни, нам повезло.

Ксенбал сглотнул слюну и продолжил.

– Когда наверху стало совсем жарко, мы спустились вниз по веревкам и преодолели канал у ворот военного порта вплавь. А затем вновь взобрались по стене и под самым носом у охранников порта проскользнули в хранилище кораблей. Никто и не заметил, что мы там. Они не могли представить, что с той стороны можно взобраться на стену.

– Вы ночевали в военном порту? – удивился Федор, переминаясь с ноги на ногу, вода была прохладной, – вот это да. Даже от вас я такого не ожидал. Молодцы.

– Не совсем, – отказался от незаслуженной похвалы Ксенбал, проведя рукой по волосам, – мы лишь прошли сквозь это хранилище ночью. Там полно солдат и это чудо, что нас не заметили. А ночевали мы уже выбравшись из военной зоны в заброшенном сарае, где находился остов какой-то древней триеры. Это было так близко от военной гавани, что туда никто не заглядывал даже утром, хотя повсюду сновали патрули, поэтому весь остаток дня мы тоже провели там. Ну, а ночью, едва стемнело, мы пробрались сюда.

– Ну а ты, Урад? – повернулся к нему Федор Чайка, – расскажи, с какими приключениями ты добирался сюда.

– Мы тоже шли сюда весело, – усмехнулся бывалый боец, вновь погладив свой шрам на щеке, – с самого начала, едва мы взобрались на стену и напоролись на патруль, все пошло очень весело...

– Я видел, – сократил его рассказ Федор, – и вспышку и вашу драку. Благодаря вам мы смогли проскочить в гавань без потерь. Зато потом...

Он осекся.

– Впрочем, не будем терять время, – заговорил он вновь, сделав несколько шагов в сторону костерка и слегка пограв озябшие руки, – все мы сейчас здесь, а там, за внешней стеной, наша армия ждет от нас решительных действий. До последнего дня, я не мог посвятить вас в детали нашего задания, но теперь... могу.

Он разогнулся и, расправив плечи, заговорил быстрее, глядя в глаза то Ксенбалу, то Ураду, то Летису, стоявшими рядом молчаливыми тенями.

– Мы здесь, для того, чтобы заставить этот город сдаться.

Сказав это, Федор поймал на себе недоуменные взгляды некоторых солдат, – все пятнадцать уставших и раненных человек стояли сейчас по колено в воде, спрятавшись под землей в какой-то канализационной трубе, и не очень походили на несокрушимую армию возмездия, но в сознании Чайки это было именно так. И Федор продолжил.

– Мы пробрались сюда, чтобы стать ночным кошмаром для толстозадых сенаторов, которые предали нашу родину и пошли на союз с Римом, только для того, чтобы уничтожить Ганнибала. Каждый из нас уже сделал свой выбор. А я отобрал вас для этого дела, потому что вы лучшие из тех, с кем я служил с начала римского похода.

Он переступил с ноги на ногу.

– Нас всего пятнадцать человек. Пока, пятнадцать. И сенат уже знает о нас, но понятия не имеет, зачем мы здесь. Так вот, – мы здесь, для того чтобы посеять хаос и панику среди тех, кто защищает сейчас стены Карфагена. Разрушить последние надежды сената на то, что они могут отсидеться за неприступными стенами, поднять восстание и подготовить город к сдаче изнутри, еще до того, как наша армия прорвет оборону снаружи.

– Но, как мы это сделаем? – искренне удивился Ксенбал, – нас ведь всего пятнадцать человек.

– Начнем с паники, – заявил Чайка, положив руки на пояс, – Запасов в городе достаточно, но они не безграничны. Однако, есть самый главный резерв, лишившись которого сенат не сможет долго удерживать народ от волнений, – вода! Мы будем разрушать коммуникации Карфагена, одну за другой. Прежде всего, мы выведем из строя резервуары с питьевой водой, питающей город. Как только это случится по городу начнет распространяться паника.

– Но они, наверняка хорошо охраняются, сенаторы тоже не глупцы, – высказал сомнение Урад, – да и нужно знать, где находятся входы в эти резервуары.

Федор похлопал себя по груди, словно хотел проверить, не потерял ли он то, что лежало за пазухой, но обнаружив, что небольшой кожаный свиток с ценнейшей информацией на месте, успокоился. Его передал Чайке Гасдрубал, после того, как они наметили цели для первых диверсий.

– Мне известно, где находятся эти резервуары, – заявил он, вытаскивая свиток и поднося его к огню, – а как они охраняются теперь, и охраняются ли, мы узнаем сегодня ночью. Разговоров хватит, остаток темноты мы потратим на разведку. Смотрите!

Командиры отрядов и несколько ближних бойцов склонились над куском кожи, испещренным чертежами коммуникаций. В неровном свете костра, который должен был вот-вот догореть, на нем угадывалось несколько центральных районов Карфагена, где были сконцентрированы основные резервуары, и лишь несколько хранилищ воды находились на окраинах и всего один в районе порта, в цитадели. Между ними были протянуты линии, означавшие трубы.

– Ты хочешь отравить воду? – как ни в чем не бывало, поинтересовался Ксенбал.

Судя по тону, он допускал и такой вариант, на войне все средства хороши.

– Все городские источники, – нет, – не колеблясь, ответил Федор, – достаточно будет сделать так, чтобы вода перестала в них поступать и ушла в землю, например. Из них пьют все, а не только римляне и солдаты сената. В городе сотни тысяч людей и я не хочу лишних жертв. Уверен, достаточно будет вывести из строя всего два-три резервуара, как пересохнет много питьевых колодцев, не считая фонтанов, и паника нам обеспечена. Для начала.

Помолчав немного, Федор криво усмехнулся и добавил.

– Пожалуй, я пошел бы на то, чтобы отравить колодцы только в одном месте, – там, где питаются римляне. Если нам удастся просто отравить наших врагов, не теряя время на открытый бой с ними, боги нас не осудят. А если узнать, из какого колодца пьет воду сам Марцелл... хотя его я придушил бы собственными руками, оставив яд для менее ценных врагов.

– С чего начнем? – вдруг подал голос Летис, которому надоело просто разглядывать карту. Он замерз и ради того, чтобы разогреться, готов был атаковать любую крепость прямо сейчас.

Федор решил его поощрить. Ткнув пальцем в определенный квадрат коммуникаций, прятavшийся под центром гигантского города, он приказал:

– Прямо сейчас мы разойдемся. Выйдем из этой трубы, и каждый из отрядов направится на разведку резервуаров. Ты, Ксенбал осмотришь подходы вот к этим двум хранилищам. Одно находится под фонтаном «Тысячи амфор», второе в квартале от него.

Командир первой группы кивнул, но уточнил.

– А как он выглядит, этот вход?

– Вам нужно искать одиночное строение, похожее на небольшую одноэтажную лавку, с той лишь разницей, что оно совсем не имеет окон и выстроено в форме пирамиды. Внутри лестница, уходящая вниз. Через нее можно попасть в зал, вернее бассейн, где храниться питьевая вода.

– Ты хорошо осведомлен, Федор, – ухмыльнулся Ксенбал, – значит, удача будет на нашей стороне.

– Конечно, – ничуть не усомнился Чайка, ни разу не бывавший в этих хранилищах, – нужно только разыскать резервуары и удостовериться в том, что их вообще охраняют. Искать их можно и днем, но мы должны проверить также, что происходит вокруг них ночью.

Ксенбал кивнул.

– Ты, Урад, со своими людьми осмотришь вот эти два отстойника, – коротко проинструктировал Чайка второго командира, – ну а мы, Летис посмотрим сегодня на вход в то хранилище, из которого питается источник у Форума.

Урад, внимательно посмотрев карту, запомнил объекты, не став донимать Федора лишними вопросами.

– До рассвета вы должны все осмотреть и вернуться в свои норы, – напоследок проинструктировал Чайка подопечных, – кстати, убежища у вас надежные или нужно искать новые?

– Мы сегодня ночевали на постоялом дворе, у торгового порта, – озадачил его ответом Урад, – вернее, это так называется. После начала блокады, в городе застряло много иноземных купцов со всеми слугами, которым разрешили жить до освобождения у самой стены настоящим табором. Там стоят палатки, хибары, даже сделано жилье из вытaщенных на берег лодок. Народу тьма. Ночью они там спят, а днем торгуют. После прорыва, мы смогли сойти за бродяг и найти приют в хибаре у одного еврея, когда убедились, что нам не уйти далеко от патруля. Он не отдал нас римлянам и не задавал вопросов, но взял за это хорошие деньги.

Урад приумолк на мгновение, усмехнулся и закончил отчет.

– Их мы «одолжили» у другого торговца, чуть раньше.

«Нужно раздобыть денег, чтобы не попасться по-глупому на грабеже, – решил Федор, вспомнив о предстоящем контакте с «резидентом» Гасдрубала в квартале менял, – не стоит из-за такой ерунды, как деньги, ставить под угрозу всю операцию».

– Значит, вам сегодня ночевать негде, – кивнул с пониманием Федор, – ну, а у Ксенбала я не спрашиваю. В военный порт возвращаться не стоит. Придется всем вместе еще раз использовать то убежище, где ночевали мы. Там было спокойно. Ну, а утром, как отдохнем, я решу, где разместить группы на долгий срок. Нам нужны надежные убежища.

Чайка показал на карте примерное расположение сарая и, вздохнув, добавил.

– После выполнения первого задания все собираемся здесь. Место тихое.

Лучше он пока ничего предложить не мог, но надеялся, что все пройдет гладко, а уж завтра он что-нибудь придумает. Пока же этот сарай не вызывал у него подозрений.

– Все, – закончил он совещание, глядя на угли почти погасшего костра, – расходимся.

Федор пока не стал посвящать всех в последнюю часть своего плана, которую считал главной, – найти и освободить Юлию с Бодастартом. Он не посвятил в нее даже Гасдрубала, но именно для достижения этой цели он и затеял игру со смертью.

Глава двенадцатая **«Новый поход»**

Ларин резко натянул поводья коня, едва не подняв его на дыбы, и, махнув рукой, указал своему сотнику на правый край сражения, где «костобоки»³, дрогнув под яростным натиском скифов, отступали.

– Инисмей, бери свою сотню и скачи туда, – крикнул Леха, задышавшейся от бешеной скачки и уставший от сражения, которое шло под стенами Ольвии уже много часов с самого рассвета, – мы должны разбить их сегодня, во что бы то ни стало.

Когда сотник, издав боевой клич, ускорил в указанном направлении вместе со своими людьми, доспехи которых блестели на солнце как рыба чешуя, внимание Ларина привлекло другое внезапное передвижение конных масс. Остановив коня, он даже развернул его, чтобы получше рассмотреть то, что происходило почти у него в тылу. А там, за конными массами скифов, растекшимися по склонам прибрежного холма, с которого открывался отличный вид на близлежащую равнину и побережье, начиналась внезапная атака амазонок Оритии. В пылу сражения отряд, примерно в тысячу конных воительниц, проскользнул за спинами собственной армии и нанес точечный удар по отрядам Арчоа, прикрывавшим на левом фланге небольшую балку, поросшую кустарником. Опрокинул их и сейчас устремился в прорыв.

– И зачем им туда? – не мог понять Ларин, внимательно вглядываясь в происходящее из седла, – когда все сарматы уже отступают, они собрались на верную смерть.

Однако, спустя несколько минут ему стал ясен план Оритии. Эта узкая балка другим концом выходила к самому побережью в том самом месте, где находились внешние пирсы Ольвии. После того, как войска Иллур, внезапным ударом опрокинув охранение сарматов у самого перекопа, неожиданно оказались здесь и с ходу нанесли второй удар по скоплению сарматской конницы, воинам Гатара пришлось временно отступить. Пока царь сарматов оправился от первого потрясения, – выставив заслоны у Крыма, он никак не ожидал столь быстрого появления скифов здесь, – воины Иллур захватили окрестности города, и освободили его жителей. Царь и его кровный брат получили доступ в спасенный город, дождавшийся помощи, но не стали отсиживаться за его крепкими стенами. Не для того пришли.

Требовалось нанести еще один мощный удар по войскам Гатара, которые лишь немного отошли вглубь побережья, но по-прежнему были очень сильны. Пока скифы восстанавливали порядок в окрестностях, с юга подошла армия Арчоа, в которой насчитывалось сейчас без малого пятнадцать тысяч всадников. За то время, что Ларин не

³ Скифский, а затем и сарматский всадник – катафрактарий, много сотен лет считался эталоном экипировки конного воина. Собственное тело и своих коней сарматы защищали чешуйчатыми панцирями, сделанными из распиленных на пластины лошадиных копыт. Позже пластины стали изготавливать из железа. Такая броня была практически непробиваема даже в ближнем бою, а мощное вооружение, – длинное копье и тяжелый меч, – превращало конного сармата в неуязвимого воина. Встречавшиеся с ними народы, часто называли таких всадников «костобокими» – костяными боками.

Справедливости ради, можно отметить, что на имя «Костобоки», кроме сарматов, претендуют еще кельты и фракийцы, а официальная историческая наука считает племя костобокос существовавшим в реальности и относит его к дакийскому племенному союзу.

видел своего бывшего начальника, Арчой навел полный порядок в землях непокорных бастарнов, и даже помог царю сломить сопротивление гетов, но ставка его находилась все там же, вблизи гор. Теперь, однако, ситуация изменилась. И, по приказу царя, Арчой оставил в своих землях небольшую армию и гарнизоны в укрепленных городах и поселках, сам же выступил к морю, для решающего сражения с сарматами.

За два дня, пролетевшие до решающего сражения, к Ольвии подошел флот скифов, часть которого вошла в гавань, под защиту стен. Но, несколько кораблей, поврежденных после внезапной атаки боспорских греков, были решено оставить пока на внешних пирсах. И в то самое утро, когда сарматы, не дожидаясь нападения, вновь появились в пределах Ольвии, Ларин лично отдал приказание Гиლისподису и его помощникам осмотреть корабли на предмет ремонта. Чем трудолюбивый грек с хорошо обученными помощниками и занимался с самого рассвета. Когда началось сражение, он решил не прерываться, успокоенный присутствием целой армии защитников, а также самого царя и его кровного брата, лично занимавшегося флотом.

Все утро, пока скифы ломали копья о костяные доспехи сарматов, – отряд «костобоков» принимал участие в сражении, – Гиლისподис ремонтировал корабли эскадры экс-адмирала Ларина, вновь переведенного на сушу для руководства конной армией, поскольку грандиозных морских сражений пока не предвиделось. Лехе сразу не понравилось это инфантильное поведение греческого мастера, однако, пока новая битва складывалась вполне удачно, у него не было особых опасений. В пылу сражения он даже позабыл о кораблях, гораздо интереснее было то, что происходило на плоских холмах, окружавших Ольвию. Здесь столкнулись две огромные конные армии, ни в чем не уступавшие друг другу и жаждавшие победить. Сарматы, потому что стремились пробить выход к морю и захватить этот богатый город, главную цитадель скифского флота, а скифы, понятное дело, стремились этого не допустить и прогнать со своих земель захватчиков.

Драка была жуткой. Экс-адмирал лично сломал три копья в сшибках с «костобочками» и даже погнул об эти древние доспехи из конских копыт свой меч. От его панциря, сделанного из металла, и сверкавшего на солнце шлема отскочило пять стрел, – доспех был кузнецами сделан на совесть. «Прогресс не остановишь, – бодро думал новоиспеченный командир конной армии, которому был поручен правый фланг в этом сражении, отбрасывая погнутый меч и принимая новый из рук своих многочисленных ординарцев, окружавших его в бою, – костяной доспех не плох, но железо свое возьмет. Природа природой, а кузнецов у нас больше, так что победа будет за нами»

Поначалу сарматы едва не добились победы. Одна лава накатывала за другой, центр войска, которым командовал сам Иллур, не прятавшийся от смерти, прогнулся так, что вот-вот должен был рассыпаться под мощным натиском сарматов. Стрелы, тысячами пускавшиеся отличными лучниками с обеих сторон закрывали солнце. Но скифы выстояли и начали побеждать. Сначала контратака на левом фланге, ослабила удар сарматов в центре, а затем Иллур и сам атаковал корпус Гатара, едва не пленив сарматского царя. Тот отступил, почтя за благо спасти свою жизнь, чтобы продолжить сражение.

Затем свое слово сказал экс-адмирал Ларин, нанося удар по правому флангу. В общем, к исходу дня сарматы медленно, но верно, вытеснялись скифскими ордами с прибрежных холмов все дальше в степь. Но, тут-то все и случилось. Амазонки, почти не принимавшие участия в сражении, чему Леха, надо сказать, был несказанно рад, все-таки вступили в дело. Да еще как.

Кто командовал отрядом, пробившим оборону Арчою, со своего места Ларин не видел, но это был мастер своего дела. Кинжальный удар рассек тонкую оборону скифов в этом месте и воительницы лавиной прорвались в тыл, очень быстро достигнув побережья.

– Чего же она хочет, – не понимал до конца Леха, гарцуя на своем скакуне, пока его воины атаковали правый фланг неприятеля под началом своих сотников, – неужели сжечь корабли? Резонно, только ведь все равно не выскочит обратно. Это же верная смерть.

Однако, то, что произошло вслед за этим, Ларина просто обескуражило. Амазонки

опрокинули несколько отрядов, попытавшихся им помешать, и прорвались так к самому морю. Ларин вообще позабыл про конное сражение, не отрывая глаз от внешних причалов Ольвии.

Греки, занятые ремонтом, неожиданно увидели своих врагов воочию, а не с высоких каменных стен, и это произвело на них должное впечатление. На берегу началась паника и суматоха. Забыв о деле, работники бросились врассыпную. Кто – то попытался убежать вдоль берега к таким близким воротам, кто-то бросился в море, но все было тщетно. Уничтожив небольшое охранение, – последний рубеж, защищавший корабелов, – воительницы ворвались на пристань. Но, прежде чем начать все крушить, они устроили настоящую охоту за людьми. Бинокля у Ларина не было, но он и так отлично видел, что они не просто убивали всех, кто метался вдоль пирсов, пытаясь увернуться от копыт сарматских коней, а хватали их и вязали веревками. Так они скрутили человек десять и лишь затем быстро подожгли все корабли, что стояли у пирсов. Дым пожарища затянул побережье, вызывая вопли радости у сражавшихся неподалеку от Ларина сарматов.

– Да что они творят, – не хотел верить своим глазам Леха, – в плен, что ли корабелов моих хотят захватить?

По всему выходило, так. Перекинув своих пленников через седла, эти неистовые бабы устроили суматоху у самых ворот города, проскакав мимо и побив из лука немало народа. Ларин продолжал следить за их передвижениями больше, чем за своими войсками, но дым пожарища мешал этому. Однако, к его изумлению, состоялось то, чего он вообще допустить не мог никак. Амазонкам удалось вырваться из окружения вместе с пленниками по самому краю левого фланга, вновь найдя брешь в построениях Арчоя, бойцы которого продолжали атаковать сарматов.

– Это как понимать? – в недоумении спрашивал себя Ларин, медленно осознавая происшедшее, – это что, они моего лучшего инженера умыкнули вместе с подмастерьями? А кто мне флот строить будет теперь? Ну, чертovy бабы, подождите у меня, я до вас доберусь.

Но, прежде чем ему представилась такая возможность, требовалось закончить сражение победой, а это далось нелегко. Бой длился до самого заката. Сарматы, словно живые мертвецы в костяных доспехах, после нескольких ощутимых кровопусканий, отступлений и, казалось бы, неминуемого разгрома вновь, оказывались на своих рубежах. На место одного убитого сармата тут же вставал другой.

Со скифами, надо сказать, происходили похожие метаморфозы. Леха Ларин со своими сотниками еще не раз ходил в атаку, трижды избегал неминуемой смерти, но Великая Богиня и богиня Табити⁴ хранили его для семьи. Сарматское копье, сбив с него шлем, лишь оцарапало голову, но не повредило крепкий череп морпеха и глаза остались на месте. Удар меча лишил его наплечника, раскроив пополам пластину из металла и заставив на мгновение усомниться в умении скифских кузнецов. А, прилетевшая неизвестно откуда стрела, лишь чиркнула по бедру, вонзившись в бок боевого коня. Леха выжил, а вот конь под ним был вскоре убит. А потом еще и еще один.

Про то, что творил сам Иллур, можно было слагать песни. Леха не сомневался, так оно и будет, но потом. А сейчас, он был рад уже тому, что с наступлением сумерек решительный удар скифов, которых повел в бой сам царь, смог переломить хребет сарматскому сопротивлению. Гатар, потеряв почти половину войска, с позором отступил от стен Ольвии. Разведчики, преследовавшие его основные силы до самой темноты, донесли, что царь сарматов ушел далеко в степи, в глубину своих земель, отступая к берегам Борисфена.

– Неужели, до самого Метрополя подался, – не переставал удивляться Леха, все еще не веривший своему счастью, – если так, то это настоящая победа! Прибрежные степи снова наши.

⁴ Женское божество – Великая Богиня или Мать Богов, – было особым объектом почитания у скифов. Табити, – божество семьи, домашнего очага. Считалось покровителем скифов.

Он сидел у костра на берегу моря в компании Иллур и Арчоя, которые держали военный совет, сразу же после того, как была одержана победа в этом кровопролитном сражении.

– Может и так, – невесело кивнул Иллур, залпом опрокидывая кубок вина в рот, – да только я не верю, что Гатар сдался. Он проиграл одно сражение, но вновь будет здесь, как только залижет раны.

Вождь скифов был изможден сражением, еле стоял на ногах, и был легко ранен в плечо, но старался не подавать вида, предаваясь пиршеству вместе со своими военачальниками. Впрочем, остальные члены совета сами были в таком же состоянии, Арчой вообще еле мог стоять, – сарматский меч полоснул его по бедру. И только хорошие доспехи не дали сарматам отрубить ему ногу. Раненый скиф, которому знахари уже осмотрели и обработали рану, сидел, морщась от боли. Несмотря на рану, он не мог позволить себе лечь, хотя знахари ему и советовали сделать это, – царь ждал объяснений.

Арчой явно проморгал контрудар амазонок, которым удалось сжечь пять еще пригодных для плавания триер. Но, не это беспокоило царя, примешивая к сладкому вкусу победы, горечь раздражения от случившегося. Как и подозревал экс-адмирал, целью амазонок Оритии были не столько корабли, сколько их строители, – греческий инженер с помощниками. Им действительно удалось пленить Гиლისподиса и двенадцать мастеров, без которых вся верфь Ольвии в одночасье осиротела. Строить корабли стало почти некому.

– Как ты мог пустить их! – вскричал в гнев Иллур, бросив раззолоченную чашу в огонь и, указывая на город, чьи стены, подсвечивались изнутри многочисленными кострами, выделяясь зубцами на фоне ночного мрака, – зачем мне этот город, если в нем не строят корабли?

Арчой, стиснув зубы от боли, поднялся, а потом упал ниц перед царем.

– Я виноват во всем, – пробормотал он, не отрывая голову от земли, – позволь мне искупить кровью свою вину.

Арчой вынул из ножен акиnak и протянул царю.

– Убей меня, я достоин смерти!

Глядя на умудренного опытом военачальника, который стоял перед ним на коленях, Иллур сжалился.

– Если я убью тебя, кто будет бить со мной сарматов? Ведь настоящая война только началась.

Он в раздумье прошелся мимо застывшего в раблепной позе Арчоя, на повязке которого проступила кровь. Тот не двигался, ожидая своей судьбы. Наконец, Иллур принял решение.

– Я знаю, как ты искупишь свою вину, – заявил он, останавливаясь.

Арчой осторожно приподнял голову, посмотрев снизу вверх на царя. Лежа наблюдал все это с противоположной стороны костра, поглядывая попеременно на обоих. К счастью, не его участку прорыва амазонок не случилось. Однако, решение вождя коснулось и его дальнейшей судьбы.

– На рассвете ты возьмешь свой корпус и отправишься вслед за Гатаром. Разыщешь наших пленников и отобьешь их. Без пленников не возвращайся.

Арчой воспринял наказание, как должное.

– Я найду их и верну в город, – пообещал он, вставая, – или погибну в бою. Я не знаю только одного, как выглядит этот... Гиლისподис.

– Мой брат отправится с тобой, – неожиданно добавил Иллур, – он отлично знает этого грека и всех его подмастерьев.

– Я? – Ларин чуть не подавился засахаренной сливой, но перчить царю не смог, лишь пробормотав, – но, если их увезут до самого Метрополя, нам что осадить его, невзирая на всю армию сарматов?

– Если понадобится, да, – не моргнув глазом, отрезал Иллур, – без флота Скифия больше не может существовать. Если пленников убьют, это будет большая потеря для меня,

и пока я найду новых инженеров, уйдет время. Поэтому Арчой возьмет с собой все свое войско, а ты возьмешь свое. У вас будет достаточно сил, чтобы отбить десяток пленников.

Иллур помолчал немного и добавил, в свою очередь, поглядывая на лица собеседников: серьезное у Арчоя и обескураженное неожиданным поворотом у Ларина.

– Но, говоря откровенно, мне нужен только один. И ты знаешь, о ком я говорю.

Последние слова относились уже только к Лехе.

– Торопитесь, – предупредил царь, закрывая ночной совет, – Гатар понимает, кто у него в плену, и наверняка уже решил, что делать с ними. У вас мало времени.

Адмирал вздохнул и проглотил сливу, запив ее вином, которое уже не казалось ему таким сладким. Что-то подсказывало ему, что этот поход не ограничиться парой дней скачки до берегов Борисфена и заведет его далеко. «Похоже, не избежать мне новой встречи с амазонками, – горько вздохнул Леха, всматриваясь в ночной мрак над морем, – это судьба. А от судьбы не уйдешь, сколько не бегай».

Глава тринадцатая «Водный мир»

Федор осторожно выглянул из-за края стены, убедившись, что караульные не смотрят в его сторону. Махнул рукой. Летис и остальные, один за другим, проскользнули вдоль стены, поднявшись по веревочной лестнице на крышу соседнего дома. Сделали они все это так быстро и неслышно, что командир диверсантов мог гордиться своими подопечными, – караульные на другой стороне улицы даже не шелохнулись.

Когда все его люди взобрались на крышу, Федор так же тихо последовал за ними, благо лестница была закреплена надежно. Сделали это заранее, едва стемнело, укрепив лестницу со стороны глухого переулка, чтобы не терять времени в момент атаки.

Расположившись у самой кромки крыши, Федор вновь посмотрел вниз. Теперь помещение, в котором находился вход в резервуар с водой, находился прямо под ними, буквально в нескольких метрах. Снаружи его охраняло четверо бойцов сената. Внутри, по данным разведки тоже могло находиться человек пять.

Столь малое число охранников удивило Федора, но факт оставался фактом. За последние дни его бойцы провели разведку всех обнаруженных подземных водохранилищ. Оказалось, что вход в каждое из них охраняет не более десяти-пятнадцати человек. Внутри никому пробраться не удалось, но Чайка предполагал, что вряд ли за наружной дверью прячется целая хилиархия, – больно уж помещение было маленькое. Правда, только снаружи. Что там внутри, до конца было не ясно. Днем охрана не уменьшалась, а ночью не усиливалась.

Понаблюдав пару дней за поведением солдат на выбранных для атаки объектах, Чайка решил, что ждать дальше нельзя. Либо это была ловушка, либо сенат действительно не допускал даже возможности атаки на свои резервуары. Сильных волнений в городе пока не происходило. За любое упоминание имени Ганнибала или его брата, стоявшего с армией под стенами Карфагена, людей казнили. Федор сам несколько раз наблюдал подобную картину. По городу в целях устрашения и поисков прорвавшихся разведчиков постоянно курсировали вооруженные патрули солдат сената или римских легионеров, но последние редко удалялись на большое расстояние от военного порта, где по непроверенным данным базировался сам Марцелл. В общем, пока что с помощью террора сенату удавалось держать народ в узде, а ситуацию под контролем. Тем более, что поиски выживших посланцев Гасдрубала ничего не дали, – большинство было убито во время прорыва, – а оставшиеся пока себя никак не проявили. Все было тихо. Поэтому, в конце концов, Федор стал склоняться к мысли, что сенат не верит в существование реальной угрозы для резервуаров, решив, что уничтожил всех шпионов.

Существовал только один выход, чтобы проверить это предположение. И Федор решился провести рискованную разведку боем сразу в трех резервуарах, расположенных в

самом центре города. Это должно было случиться буквально на третью ночь его пребывания в Карфагене.

– Пора напомнить о себе, – пробормотал Федор, разглядывая из-за края плоской крыши, на которой лежали сейчас все его бойцы, лениво перемещавшихся вдоль здания охранников, – а то Магон раньше времени решит, что я умер. Я не доставлю ему такого удовольствия, да и Юлию лишний раз волновать не стоит.

От мысли, что его жена и сын находятся в такой близости от него, Федор иногда впадал в возбуждение, которое все время требовало от него немедленно предпринять поиски римского убежища, в котором их содержат. Но это было не менее трудно, чем преодолеть стены Карфагена. Однако, Федор вынужден был ненадолго отложить эти поиски, поскольку сначала требовалось устроить царство хаоса в этом городе. Он был уверен, очень скоро его жена и ребенок будут спасены, сколько бы римлян не стояло между ними.

План нападения был прост до безумия: ночью перебить наружную охрану, прорваться внутрь и вывести из строя систему водоснабжения. Ни динамита, ни пороха у диверсантов Гасдрубала, понятное дело, не имелось. Поэтому просто взорвать резервуары Федор не мог. Поджигать хранилища воды тоже смысла не видел. И Чайка решил действовать по наитию. Судя по чертежам, все эти резервуары имели устройства слива воды в канализацию. Просто не могли не иметь. Добравшись до них, Федор планировал либо открыть их, спустив воду, либо вывести из строя навсегда. В идеале нужно было сделать и то и другое. В крайнем случае, оставались глиняные трубопроводы, которые далеко не везде были проложены под землей. Имелись и выходы на поверхность, о некоторых Федору было известно. Однако, начать он решил именно с резервуаров.

Вход в резервуар находился в одном из населенных кварталов и несколько перекрестков недалеко отсюда были освещены факелами даже ночью. Но, само невзрачное здание «коллектора», вероятно, чтобы не привлекать к себе внимания толпы, находилось на берегу сточной канавы, и было с двух сторон окружено глухими стенами соседних зданий. Одна из этих стен была задней стеной караульного помещения, в которой был расквартирован отряд из тридцати бойцов. Возможно, присутствие поблизости воинского подразделения, вселяло спокойствие в охранников, которым всегда могли прийти на помощь, но Федора это не остановило. Правда, в этот раз приходилось надеяться только на то, что все выйдет действительно тихо.

Атака сразу на все три хранилища должна была начаться с минуты на минуту. Никаких «ракетниц» или другого шума не предполагалось, все было решено с командирами отрядов заранее. Учитывая, что за прошедшие дни количество бойцов в каждой группе не увеличилось, – Федор еще не посещал «резидента», не брал денег, и не успел нанять в свои ряды новых сторонников Ганнибала, ограничившись лишь сменой убежища, – дерзость плана граничила с безумием. Но, Чайка решил начать эту партизанскую войну своими силами, больше надеясь на опыт своих диверсантов, чем на количество новобранцев. Да и секретность здесь играла не последнюю роль. «Вот когда дойдет до уличных столкновений, там и наwerbуем боевиков из недовольных, – успокаивал себя Федор, поглядывая в сторону трех своих помощников, – а такие обязательно найдутся. Ну, а если нам сейчас все удастся, то в помощниках отбоя не будет»

– Летис, – позвал друга Федор, – давай.

Услышав команду, огромный Летис, словно пружина разогнулся, встал во весь рост и, выбросив вперед сразу обе руки, метнул кинжалы в охранников. Два глухих стопа охранников сената, пораженных с такого расстояния в шею, были ему ответом. Остальные бойцы, вслед за Летисом, метнули каждый по кинжалу, выполняя приказ. Метать сразу с двух рук, как Летис, они не умели. Один промахнулся, и Федору пришлось заканчивать работу за него. Когда избежавший смерти пехотинец метнулся в сторону двери, чтобы за ней укрыться, Федор, не мешкая, швырнул нож, который вошел тому сзади в шею. Мастерство, оточенное за годы боев, никуда не исчезло. Пехотинец упал на колени, выронил щит на камни и сам уткнулся лицом в них.

– Быстрее вниз, – скомандовал Федор, оглядывая пустынную улицу, – мы должны успеть.

Скоро должна была произойти смена караула, и Федор надеялся, что изнутри еще не заметили, что менять больше некого. Окон в помещении не было, новая смена караула выходила в определенное время, и встреча с Чайкой и его бойцами должна была стать «приятной неожиданностью».

Спустившись с невысокого здания по веревкам вниз, как заправские альпинисты, – всем бойцам за время горных сражений с васконами такое приходилось проделывать не раз, – диверсанты, словно тени, переметнулись на другую сторону пустынной улицы. Там Федор и остальные бегло осмотрели мертвецов, оттащив их в сторону от чадившего у входа в «коллектор» единственного факела и спрятав под стеной, чтобы не бросались в глаза. Вокруг, к счастью, никого не было. Город спал, а увеселительных заведений в этом районе не имелось.

Очень кстати пришлось оружие охранников, среди которых Федор обнаружил свою любимую фалькату. Быстро взвесив ее на руке, он ощутил позабытую на время приятную тяжесть этого оружия. Летис тоже позаимствовал у мертвеца фалькату, не забыв вернуть в хозяйство и свои кинжалы, предварительно отерев с них кровь. Щиты брать не стали, предстоял бой в узком пространстве, где они могли только помешать диверсантам. Бойцы Чайки и без щитов стоили не мало.

Не успели Федор и остальные вооружиться, как поблизости скрипнула дверь, и послышались шаги, отдававшиеся гулким эхом в длинном коридоре. «Смена шагает, – напрягся Федор, в два прыжка оказавшись у входа с фалькатой в руке, он прижался к стене, – а проход-то глубокий, далеко ведет». Рядом с ним затих Летис, сжимая кинжал.

Все произошло, как он и надеялся. Два стражника в полной амуниции расслабленной походкой вышли наружу, и, сделав несколько шагов, остановились, озираясь по сторонам в поисках своих сослуживцев. Вслед за ними показался третий, дальше Федор ждать не стал.

– Ну, где эти лентяи? – еще не понимая, что случилось, спросил один из солдат, глядя в темноту, сгущавшуюся сразу за небольшим кругом света от факела, – сколько можно их ждать.

– Мы здесь, – крикнул из темноты Федор, и, когда все трое повернулись на звук незнакомого голоса, метнул нож.

Не дожидаясь, пока мертвец с ножом в шее, рухнет на землю, Федор бросился к открытому проходу. Летис метнул кинжал во второго воина, но, на этот раз, промахнулся. Тот успел развернуться и клинок лишь отскочил от нащечника шлема, едва не разорвав ему ухо. Кинжал Летиса все же смог слегка оцарапать бойцу щеку, но это пустяковое ранение только привело солдата в ярость. Впрочем, бросок Летиса все же позволил Чайке выиграть секунды. Пока пехотинец ощупывал окровавленную щеку и выхватывал меч, Федор в два прыжка оказался рядом и с лету рубанул его фалькатой. На этот раз промашки не вышло. Боец даже не успел вынуть меча из ножен, как лишился почти половины плеча, несмотря на кожаный нагрудник. А Чайка тем временем метнулся к третьему солдату, который, увидев, как обернулось дело, бросился бежать в сторону караульного помещения. Вопль «Нападение!!!» целых три секунды звучал над тихой улицей, пока его не догнала фальката, в страшной ярости брошенная Летисом вместо кинжала. Мощное оружие, набрав скорость, легко пробilo доспех со спины, словно бронебойный снаряд, и вышло из груди, заставив беглеца мгновенно умолкнуть, ткнувшись лбом в песок. Тот упал, со звоном ударившись шлемом о камни мостовой и выронив свое оружие. Под ним тут же образовалась темная лужа.

– Должен быть четвертый, – как бы сам себя попытался убедить Федор, проговорив эти слова шепотом.

– Да что тут у вас происходит? – словно в ответ на его слова послышалось из открытой двери, и наружу показалась четвертая голова в шлеме с плюмажем, но увидев Федора и два трупа своих товарищей, тут же попыталась скрыться назад и захлопнуть за собой узкую

дверь. Но, Чайка не позволил.

– Ты куда собрался? – будничным тоном поинтересовался он, ударом ноги возвращая дверь в раскрытое положение, – а ну, назад!

Но, солдат, позабыв про дверь, отбросил щит и уже прыгал через три ступеньки вниз по длинной лестнице, сжимая в руке только меч. Федор метнулся за ним и, размахнувшись, насколько позволяла высота коридора, рубанул фалькатой. Он метил в голову, но удар пришелся по спине. Меч соскользнул с медного задника шлема, закрывавшего шею, и вспорол кожаный нагрудник. Боец охнул, споткнулся, рухнул вниз головой. Пролетев еще несколько ступенек, его тело остановилось. Нагрудник быстро промок от крови.

Здесь в коридоре было темно. Зато впереди внизу, метрах в десяти, мерцал какой-то слабый огонек, видимо стол, на котором стояли свечи. Дальше один Чайка решил не соваться. Вместо этого он вернулся на поверхность, где столкнулся нос к носу с Летисом и остальными, которые собирались последовать за ним.

– Ну что, догнал? – деловито осведомился здоровяк.

– Догнал, – кивнул Федор.

– Это хорошо, – спокойно добавил Летис, – только, что делать будем? Этот парень, которого пробила моя фальката, все же успел перед смертью разбудить караул и сюда бежит по меньшей мере человек двадцать. Скоро они будут здесь.

Федор обернулся в указанном направлении и прислушался. Из-за стены казармы действительно доносился топот множества ног и звон амуниции. Сражаться с целым отрядом они были не готовы, но и отступить Федор не собирался.

– Отходим? – без особой надежды уточнил Летис, которому было все равно, – или как?

– Нет уж, – заявил Чайка, сдергивая с крепления факел и спускаясь по лестнице, – идем в низ. Мы пришли уничтожить этот резервуар и не уйдем отсюда, пока дело не будет закончено. Все за мной.

Летис глянул на единственную дверь, ведущую в этот странный домик, и повиновался. Остальные вслед за ним исчезли в дверном проеме. Последний солдат закрыл изнутри на засов массивную дверь, обитую металлическими пластинами. Едва он сделал это, как на площади, утонувшей во мраке, появились солдаты сената.

– Посмотрим, что они тут прячут, – пробормотал Федор, выходя с фалькатой и факелом из коридора на ровную площадку.

Как он и предполагал, перед ним открылось нечто вроде караульного помещения, где могли находиться одновременно не более дюжины солдат. Даже спейру здесь было не спрятать. Посреди четырехугольной комнаты, площадью примерно в пятнадцать квадратных метров, вытянулся длинный стол и пара лавок. У стен, в которых не было окон, виднелось еще несколько лавок пошире, видимо, на них караульные спали. На столе мерцало с десятков свечей в глиняных плошках. Вокруг них стояли миски с недоеденным мясом, хлебом и овощами. Несколько полупустых кувшинов с вином. По всему было видно, что здесь только что закончили трапезу.

– Ну вот, – произнес Федор, поводя факелом из стороны в сторону, и замечая еще одну полукруглую дверь в соседнее помещение, – как я и подозревал, сенаторы не слишком верили в нападение. Солдат здесь, похоже, больше нет.

– Зато снаружи есть, – спокойно заметил на это Летис, услышав глухие удары в дверь наверху.

– Это точно, – не стал спорить Федор, – дверь, к счастью прочная. На некоторое время хватит, а мы пока тут осмотримся. Думаю, найдем какой-нибудь выход.

Пройдя с факелом сквозь караульное помещение, Федор с натугой приоткрыл вторую дверь, которая была не заперта. Она оказалась почти полностью из металла и была очень тяжелой. В царившей за ней темноте угадывалось большое пространство, откуда на него пахло сыростью.

– Мы на верном пути, – подбодрил себя Федор.

Больше не ожидая внезапного нападения, но, все же держа фалькату наготове, он

первым шагнул дальше в узкий коридор, нагнув голову. Коридор тянулся метров пять и вел дальше вниз. Шагая по широким ступеням на полу, Чайка проник через него в следующее помещение, открывшееся внезапно и, посветив себе факелом, обнаружил большой бассейн со сводчатым потолком.

– Ого! – чуть не присвистнул от удовольствия Федор, зачерпывая воду ладонью и убедившись в том, что она пресная, – да здесь купаться можно. Летис, не желаешь?

– Нет, – отмахнулся здоровяк, еле протиснувшийся вслед за своим другом, и проворчал, – я желаю поскорее разнести здесь все и вернуться на поверхность. Что-то я не очень люблю общаться с подземными духами.

– Не бойся, от духов я тебя сумею защитить, – усмехнулся Федор, продолжая разглядывать резервуар, вдоль стен которого шла каменная дорожка шириной примерно в метр. На дальнем конце двадцати метрового бассейна, ширина которого составляла на первый взгляд не более четырех метров, Чайка разглядел несколько сводчатых арок, за которыми опять же зияла чернота. У каждой из этих арок имелось какое-то запорное устройство издавна напоминавшее гигантские шестеренки.

– Отлично, – кивнул Летис, поигрывая фалькатой, блеснувшей в отсветах факела, – а что ты скажешь о солдатах сената, который скоро сломают дверь и будут здесь?

– Не беспокойся о них, – отмахнулся Федор, довольный результатами первого осмотра, – ты лучше прикажи остальным войти сюда и закрыть вторую дверь. Даже если бойцы сената сломают наружную, с ней они провозятся еще дольше. А мы пока тут поговорим с духами.

Летис развернулся, чтобы передать эти команды двум бойцам, что замыкали немногочисленный отряд.

– Да, и пусть возьмут свечи со стола, сколько смогут унести, – добавил еще распоряжение Федор, водивший факелом из стороны в сторону, – никак не пойму как они тут освещали этот зал, когда все строили. Должны же быть здесь хоть какие-то источники света.

Здоровяк исчез, вернувшись назад, а Чайка прошелся вдоль каменного хранилища с факелом, который освещал только небольшое пространство вокруг него. Но и этого было достаточно, чтобы с течением времени понять, – резервуар был не таким уж большим. Для почти миллионного города с разветвленной системой питьевых колодцев и фонтанов воды здесь было не слишком много. Конечно, это хранилище было не единственным. Но, все же, Чайка ожидал увидеть гораздо больше воды, сконцентрированной в одном месте. «Неужели мы нарвались на самый маленький резервуар, – озадачился командир диверсантов, – вот ё-мое. Надеюсь, остальным повезло больше».

Сделав еще несколько шагов, он вдруг увидел то, что его сильно обрадовало. Из стены торчал факел, закрепленный на специальном кронштейне. Метрах в пяти виднелся еще один. Федор посмотрел на свой факел, который начинал чадить и немедленно поджег оба. Когда те разгорелись, он заметил еще три на другой стороне бассейна. Вернувшись назад, поджег и их. Когда появился Летис и два бойца, со скрипом закрывшие дверь, Федор как раз заканчивал поджигать последние, отчего в мрачном помещении, стало светло как днем.

– Я так понимаю, – заявил Летис, щурясь от яркого света, – свечи мы принесли зря.

– Пожалуй, – кивнул Федор, медленно продвигаясь вдоль влажной каменной стены, – я тут нашел, чем подсветить помещение. Хотя, не надо выкидывать все свечи, кто знает, что там впереди.

Двое бойцов, уже высыпавшие содержимое своих карманов на камни, чертыхнувшись, подобрали несколько свечей.

– Идем вперед, – приказал Федор, – посмотрим, что там за сооружения.

Неожиданно Чайка поймал себя на мысли, что неверно оценил емкость этого бассейна. В ширину он, конечно, был не очень велик, но попытавшись рассмотреть дно, Чайка его не увидел. Это был какой-то Байкал в миниатюре. Резервуар был явно сделан в разломе скальной породы и напоминал скорее надстроенную расщелину, чем полностью рукотворное

произведение архитектуры. В глубину тут было метров десять не меньше.

– Интересно, что тут еще припасли для нас местные инженеры, – пробормотал Федор, слегка удивленный этим строением. Простое на вид, оно явно несло в себе следы точного расчета.

Обогнув бассейн, Чайка остановился напротив одного из арочных проемов, перекрытых узкой и длинной перегородкой, приводимой в действие системой блоков, сквозь которые была пропущена веревка, намотанная на внушительных размеров барабан. Эта конструкция повторялась пять раз.

– Уже кое-что, – довольно промурлыкал себе Федор, неторопливо расхаживая от одной «запруды» к другой, осматривая механизмы шлюзов и то, что находится за ними. От каждой «запруды» в толщу камня вел прорубленный тоннель и он был пустым. Сразу за последней, крайней, конструкцией имелся проем, но уже без всяких загоронок. От него начиналась еще одна лестница в пустоту. «Что-то мне эта симметрия начинает напоминать, – подумал Чайка, интуиция которого подсказывал ему впереди новые открытия, – кажется, стоит посмотреть, что там еще сотворили для нас гномы подземелья».

– Ну, что ты там нашел? – поинтересовался Летис, который, изнывая от вынужденного безделья, вдруг достал откуда-то из-за пазухи кусок мяса с хлебом и стал есть.

– Ты что, позаимствовал это у стражников? – ухмыльнулся Федор, озадаченный поведением друга, – как ты можешь в такой момент есть?

– А что, – не понял его Летис, не переставая жевать, – мертвым еда ни к чему, а я уже сильно проголодался, пока мы ждали наступления ночи. Неизвестно еще, сколько тут торчать по твоей милости, пока выберемся.

В этот момент до них донесся приглушенный треск, а вскоре послышались и глухие удары уже в металлическую дверь.

– Первый рубеж пал, – спокойно констатировал Федор, и, посмотрев на друга, добавил, – Не волнуйся, слишком долго мы здесь не задержимся. Это не входит в мои планы.

– Отлично, – кивнул Летис, прожевав последний кусок мяса, и покрепче сжимая фалькату, – тогда показывай дорогу наверх. А то мне в этом мокром подземелье как-то не по себе. Того и гляди гости нагрянут.

– Подожди еще немного, – охладил его пыл Чайка, – и скоро ты все увидишь. А лучше иди-ка сюда и помоги мне повернуть этот барабан.

Он вместе с Летисом вернулся к дальней конструкции.

– Я возьмусь за рычаги справа, а ты слева и повернем его вот сюда, – приладив факел и фалькату к стене, стал рассказывать Чайка порядок действий, который показался ему верным, – колесо должно повернуться и потянуть за собой заслонку вверх. Как только она приподнимется, вода из бассейна польется в трубу.

– И что будет дальше? – не понял Летис, – куда она потечет?

– Не знаю, – пожал плечами Федор, – устроим потоп где-нибудь в центре города или просто в канализацию сольем весь запас, какая разница? Самое главное, что она уйдет отсюда и запас иссякнет. Давай быстрее, здоровяк, а то нам могут помешать незваные гости.

Летис перестал умничать, бросил фалькату, и схватился за деревянные рычаги огромного колеса. Они с Феодором поднажали, но колесо едва скрипнуло, почти не сдвинувшись с места.

– Навались! – подзадорил друга Чайка, и приказал двум оставшимся бойцам, – а вы что расслабляетесь? Беритесь за второе колесо и делайте как мы!

Поднапрягшись, Федор и Летис, сдвинули, наконец, колесо и заслонка немного приподнялась вверх. Тотчас они услышали мощное бурление где-то глубоко внизу, а на поверхность бассейна поднялось несколько огромных пузырей воздуха. Бросив колесо, Федор перегнулся через заслонку и посветил вниз факелом. Там бурлил поток воды, уходя в неведомом направлении.

– Пошло дело, – радостно крикнул Федор, – а ну, здоровяк, давай еще приподнимем эту заслонку. Пусть быстрее выливается.

Выдохнув, они вновь поднатужились, сделав целый оборот барабана. Заслонка поднялась вверх так высоко, что почти уперлась в каменный свод. Внизу теперь ревел настоящий водопад.

– Ну, хватит, – решил Федор, заметив, что и у его бойцов дело спорилось, вторая заслонка была открыта также высоко, – надо остальные открывать. А эту... хорошо бы вообще сломать, чтобы ее закрыть не смогли никогда.

И он с надеждой посмотрел на Летиса.

Тот понял друга буквально. Сначала он отломал от барабана несколько деревянных рычагов. Затем с помощью верной фалькаты проделал в деревянной заслонке дыры. Брусья заслонки были хорошо подогнаны, и даже скреплены узкими металлическими пластинами для надежности, но Летис со своей гигантской силой все же ухитрился оторвать пару пластин и расковырять в пазах отверстия, в которые вогнал обломки рычагов. Заслонка была надежно заблокирована.

– Просто мастер! – похвалил друга Федор, наблюдавший за работой, которую Летис выполнял самозабвенно, крушить он любил, – Чтобы я без тебя делал.

Вскоре диверсанты открыли и разломали, таким образом, все шлюзы. Вода в бассейне стремительно убывала, обнажив уже почти три метра каменной стены. «Эх, был бы динамит, – поймал себя на мысли порядком уставший Федор, – не надо было бы так корячиться».

– Что теперь? – спросил Летис, уставший не меньше.

– Гасим здесь свет. Берем каждый по факелу, – приказал Федор, – и в боковой туннель.

– Еще дальше? – озадачился Летис.

– Я же сказал, духов беру на себя, – хлопнул его по плечу Чайка, – за мной. Я вас выведу на поверхность. Назад все равно пути нет.

И первым скрылся в узком тоннеле. Летис все же бросил взгляд назад, откуда доносились методичные удары, – дверь вот-вот должна была рухнуть, – и, вздохнув, сдернул ближний факел со стены. Остальные бойцы разбежались по краям бассейна и «обесточив» его, устремились за своим командиром.

А Федор уже скакал по ступенькам коридора и был почти уверен в том, что увидит, когда тот кончится. Он ожидал увидеть там точно такой же бассейн и... круто ошибся. Этот бассейн был втрое шире, чем первый. Настоящее подземное озеро, у которого также не представлялось возможным определить дно. Он и края-то с одним факелом не смог рассмотреть, а увидел их только после того, как рядом оказались все остальные бойцы отряда, подсветив эти подземные чертоги. Такое количество воды в знойном Карфагенском климате было настоящим золотым запасом. Но, неизвестно по каким причинам никакой отсекающей двери между резервуарами в тоннеле вообще не было. Видимо никто не мог подумать, что вход сюда когда-нибудь отыщет враг. Чайка с опозданием удивился даже тому, что первая дверь оказалась открыта. Как-то слишком просто все. Либо сенаторы, в самом деле, были так уверены в собственной недосыгаемости, либо местные охранители просто расслабились. Хотя могло быть и то, и другое. В любом случае Чайка уже понял, что так рвались они сюда не зря. Первый удар в сердце обороны Карфагена уже был нанесен, хотя последствий его себе никто еще не представлял.

– Хорошая работенка, – натужно рассмеялся Федор, поворачивая очередной барабан на пару с Летисом, когда он пробежался в дальний конец этого озера и пристроил факел, – я-то думал, нам придется громить глиняные трубы, а не упражняться в гимнастике.

– Ну да – согласился крепыш, – давненько я так не разминался. Это даже веселее, чем убивать солдат сената.

Полную иллюминацию они теперь устраивать не стали, хотя на этот раз им предстояло открыть целых десять заслонок, чтобы слить это подземное море. Ограничились «подсветкой» только тех мест, где работали. Диверсанты как ненормальные носились от одной заслонки к другой и висели на барабанах, напрягая последние силы. Вся эта круговерть так измучила Чайку, что вновь навела на мысль, о безотлагательном изобретении

взрывчатой смеси. «Стоило бы отыскать какого-нибудь ученого грека и заставить его придумать порох, – думал Федор, напрягая мускулы, – если удастся, то столько сил и времени сэкономит. И не сосчитаешь! Этому изобретению просто цены не будет, да и желающих его купить хватит. Дело верное».

За своей монотонной работой, они едва не забыли об опасности. А воины сената все же сломали дверь в первый резервуар и, не найдя никого, бросились в погоню по единственно возможному пути.

Когда Федор с Летисом, кряхтя от натуги, провернули и заклинили восьмой барабан, взявшись за девятый, а двое других диверсантов попытались открыть последний, в дальнем конце подземного озера с низким сводчатым потолком показались яркие огни.

– А вот и погоня, – как-то отстраненно заметил Федор, резко отпуская барабан и выпрямляясь.

– Что делать? – промычал Летис, который все еще пытался в одиночку дотянуть заслонку до нужного уровня.

– Для начала брось свой барабан, – посоветовал Федор, сдергивая факел со стены и перехватывая фалькату покрепче, – все равно уже остальное не успеем. Но и того, что мы сделали, хватит, чтобы это озеро заметно обмелело.

Летис подчинился, отпустил барабан и, подхватив с мокрых камней свое оружие, стал высматривать приближавшихся врагов. Первые трое бойцов, заметно опередив группу из десятка человек, уже бежали по узкому краю бассейна, преодолев половину пути. Первый бежал с мечом и факелом в руке, второй был лучником и даже выпустил сходу стрелу в сторону бойцов Чайки, собравшихся у входа в тоннель. Это было не сложно, все четверо стояли с факелами, и представляли собой отличную мишень. Лучник, однако, промахнулся. Стрела ударилась о стену над головой Летиса, расплющилась и отскочила в воду.

– Ну, я тебе сейчас покажу, – взревел здоровяк, делая шаг навстречу.

Федор лихорадочно соображал, как поступить. Они зашли уже слишком далеко, два резервуара повредили, задание, можно сказать выполнили. Дело оставалось за малым, спасти свои жизни. Никакого подробного плана подземелья, или как выбраться из этого подземелья у него не было, поэтому приходилось полагаться на интуицию. Тем более, что расстояние между ними и преследователями стремительно сокращалось. И Чайка решился на единственно возможный вариант.

– Летис и Татин, – приказал Федор, обращаясь к своим бойцам, – бросьте факелы в воду и постарайтесь задержать здесь преследователей некоторое время. Они сами вам посветят. Место узкое, у вас должно получиться.

– Хорошо, – кивнул Летис и заговорил тоном, не предвещавшим ничего хорошего бойцам сената, – уходите, мы вас скоро догоним. У меня уже руки чешутся познакомиться с ними поближе.

После того, как новая стрела ударилась в камень над его головой, Летис швырнул факел в озеро и тот, зашипев, как разозленная змея, мгновенно потух. Татин сделал то же самое. Теперь источники света оставались в руках только у Федора и второго бойца.

– Убейте человек пять, а потом бегите за нами. Я разведу дорогу, найду выход и буду ждать вас там, – пообещал Федор, бросив взгляд на сенатского воина, который уже добежал почти до того места, где стояли диверсанты.

– Бегите! – крикнул Летис.

Чайка не стал дожидаться исхода схватки, но, все произошло так быстро, что он успел заметить, как Летис, перехватив фалькату, нанес разящий удар и отрубил руку с факелом своему поединнику. Раздался дикий крик, факел погас, а сам несчастный с громким всплеском рухнул в воду и, похоже, захлебнулся. Метнув кинжал, Летис убил и лучника, завладев луком, который отбросил своему помощнику. Пока Федор исчезал с оставшимся бойцом в проходе, он видел, как Татин мгновенно приладил стрелу из колчана, к тетиве и выпустил ее в нападавших. Раздался крик и новый всплеск.

«Лук, это удача, – промелькнуло в голове у Чайки, который тяжело дыша, отмерял

ногами все новые метры по каменному полу тоннеля, ведущего в неизвестность, – теперь они продержаться дольше».

А еще он вдруг подумал, что его подопечные дрались, словно разъяренные спартанцы, защищая узкий проход в Фермопилах. Если они будут защищать этот тоннель с таким же упорством, то шансы на успех еще велики. Главное, чтобы дальше повезло.

Этот тоннель оказался гораздо длиннее, чем первые два. Пробежав метров тридцать, Федор, наконец, увидел выход. Но, что его более всего озадачило, в конце тоннеля он увидел свет. Там колебалось пламя от такого же факела, какой он сам держал в руке. «Этого нам только не хватало, – напрягся Федор, сжимая крепче рукоять фалькаты, – чтобы нас зажали с двух сторон».

Но отступать было поздно. Он хотел было потушить свой факел и раствориться во тьме, но решил, что те, кто находился впереди, осведомлены о здешних тоннелях больше, чем он и знают, что отступать тут некуда. Тогда он решил положиться на судьбу и продолжил свой бег. К его изумлению те, кто стоял у выхода из тоннеля, ничуть не испугались приближения огней, даже напротив.

– Я здесь! – раздался приветственный крик, – идите быстрее!

«Бегу», – мысленно ответил Федор, и, поднимая фалькату для удара, выскочил на широкое пространство. Но, занесенная для удара рука, проделала лишь половину положенного расстояния, заставив лезвие замереть в воздухе. В ярком свете факела перед Чайкой появились не солдаты сената, а два каких-то бородатых «приказчика», одетые, впрочем, в достаточно дорогие зеленые хитоны, расшитые по краям золотыми нитями. Увидев выскочивших из тоннеля вооруженных «дервишей», они отпрянули назад, прижавшись к стене. Тот, что был повыше, от страха выронил факел из руки, который упал в воду очередного резервуара и погас. Оружия при них не было.

– Кто такие? – сразу перешел к делу Федор, приставляя остро отточенный конец фалькаты к горлу своего первого собеседника, – и что здесь делаете? Только быстро, я очень устал и у меня мало времени.

Его помощник таким же способом обезопасил второго. «Приказчик» онемел от страха, и чтобы подтвердить свою решимость Чайка слегка поднажал на фалькату. По горлу «немного» стекла тонкая струйка крови.

– Я... Я... Исмал, – прохрипел, наконец, тот, – инженер.

Он покосился в сторону спутника.

– Это мой помощник. Мы осматривали резервуары по приказу сенатора Ганнона... он опасается, что на них может быть совершено... нападение.

– Инженер, который отвечает за резервуары, – проговорил Федор, невольно усмехнувшись, – вот это удача! Ну как, проверил, все работает?

Тот не понимая радости Федора, осторожно кивнул.

– Это хорошо, – согласился Чайка, немного отводя лезвие от горла Исмала, – а сенатор был прав, нападение действительно может состояться. Вернее, оно уже состоялось. А здесь вы что делали, так далеко от выхода?

Федор чуть повел факелом и сам же ответил на вопрос.

– Понятно, здесь третий резервуар, последний. Примерно такой же, как первый. Так вы, значит, его осмотрели и обратно собирались. Ждали охранников, вероятно?

– Мы решили с него только начать обход, чтобы потом вернуться назад. Открыли все двери и взялись за работу, – проблеял Исмал, уразумев в чьих руках он находился, – а два оставшихся мы еще не успели осмотреть. Мы хотели провести там много времени, а наш факел быстро стал гаснуть, вот и ждали солдат с той стороны хранилища. Послали верхом человека, чтобы они шли нам навстречу с факелами.

– Верхом? – переспросил Федор, в недоумении посмотрев на своего спутника.

– Так быстрее. Здесь недалеко есть выход на поверхность, – закивал Исмал, изменившись в лице, – я могу показать, если вы нас не убьете. Я уважаю воинов Ганнибала, а сенаторам служу только потому, что они меня заставили.

– Ладно, может быть, я пощажу тебя, – заявил Федор, опуская острие, – только сначала ты покажешь нам, как выбраться отсюда. И еще...

Он махнул клинком перед лицом Исмала, заставив его вновь вжаться в стену.

– Как быстро опустошить этот резервуар?

– Поднять заслонки, – ответил инженер, – и вода уйдет в сливной канал.

– Ну, про заслонки я уже догадался, – кивнул Федор, – а куда ведет этот канал?

– Из двух первых резервуаров, если подавать воду медленно, можно долго питать одиннадцать источников воды в центре города, источники у Форума, а также особняки трех сенаторов.

– А если подавать ее быстро? – уточнил Чайка, поглядывая назад и невольно прислушиваясь.

– Если открыть заслонки полностью, то будет потоп, – ошеломленно пожал плечами Исмал, – Вода вырвется из всех колодцев и труб, затопив часть улиц и домов. Для города это будет бедствие, потерять столько воды.

– Я знаю, – спокойно ответил Федор, и посмотрел на последний целехонький резервуар, – А этот... куда пойдет вода? Жаль, времени нет уничтожить его, как те, что у меня за спиной.

– Этот питает бани, в которых моются солдаты, – совершенно поникшим голосом сообщил Исмал, – бани находятся прямо над нами.

– Бани? Отлично! – просиял Федор, – а ну, инженеры, оба за работу. Открывайте заслонки. Устроим этим ублюдкам последнюю помойку за счет государства!

Оба тщедушных работника, не посмев возражать, как могли стали тянуть колесо. Федор сначала с недоверием смотрел на их усилия, решив, что вряд ли получится что-нибудь путное. Летис в одиночку не мог провернуть это колесо. Но, у инженеров получалось это на удивление легко. Буквально за десять минут, они открыли три заслонки из пяти. Оказалось, что диверсанты не использовали один «переключатель», который регулировал усилия на натяжном барабане, не зная о нем. «Да, знание, сила, – вынужден был признать Чайка, – Просто ученики Архимеда все это строили. А мы столько времени зря потеряли. Надо будет взять этого парня с собой, да потолковать по душам в тихом месте. Полезный кадр мне попался».

Пока инженеры открывали заслонки, дойдя уже до четвертой, Федор осмотрелся. В устройстве берегов этого резервуара имелись различия. Позади десяти метровой площадки, на которую выходил тоннель, сразу же начинался еще один. А в конце вытянутого резервуара больше не было заметно никаких ходов. «Значит, это и есть путь наверх, – догадался Федор, – надо быстрее отсюда сваливать, пока они не наладили обратное сообщение по верху. А то нам полный финиш настанет».

В этот момент в проходе послышался топот подкованных башмаков и в круг света вбежал запыхавшийся и окровавленный Летис, бешено вращая глазами. Следом, едва не ударившись ему в спину, когда здоровяк резко остановился, показался Татин, все еще державший в руке лук. За его спиной виднелся почти пустой колчан. Инженеры, увидев этих солдат, вновь бросили свое занятие, остановив заслонку на полпути. Но, Чайка решил, что итак хватит. Вода весело шумела, уходя в «коллектор» местных бань, где скоро должен был состояться настоящий потоп. Федор даже представил, как разбушевавшаяся вода смывает пришедших расслабиться солдат сената и легионеров.

– Живы? – коротко бросил Федор, приближаясь к Летису, – ранены?

– Пока живы, – отмахнулся здоровяк, растирая кровь по панцирю, – это меня запачкали те, кто стремился догнать нас. Их изрядно поубавилось, но все же еще много. Скоро будут здесь.

Услышав, что стало с их охраной, инженеры от страха едва не свалились в бассейн.

– Это выход? – уточнил Федор, схватив Исмала за хитон, и указав острием фалькаты в сторону второго тоннеля. Тот кивнул.

– Идем, – приказал он всем, и пояснил вновь прибывшим, – здесь есть второй выход.

Надеюсь, нас там не ждут, но время терять нельзя. А это наши новые помощники-инженеры. Они пойдут в центре группы. Выберемся, все объясню.

Освещая путь факелом, Федор первым устремился по лестнице, что круто забирала вверх. И это его обрадовало. По всему выходило, что они больше не плутали по мокрым подземельям, а стремились к выходу на поверхность, чтобы вновь увидеть солнечный свет. Наконец, перед ними возникла такая же металлическая дверь, что была открыта в первом «бункере». Здесь же дверь была закрыта. Из-за нее, как показалось Федору, раздавались пока вполне мирные звуки попойки охранников.

Федор поневоле остановился, притянул к себе за хитон главного инженера и, приставив к его горлу фалькату, тихо уточнил:

– Почему закрыто?

– Так положено, – еле выдавил тот из себя, – надо постучать и сказать, что это я. Тогда откроют.

– Давай, – подтолкнул его вперед Федор, приставляя острие к спине несчастного инженера, – только без фокусов.

Исмал, сглотнув слюну, громко ударил три раза в дверь.

– Это ты, Исмал? – раздалось оттуда.

– Я, – подтвердил инженер, – откройте.

– А чего назад вернулся, – удивился охранник, не спешивший выполнять просьбу, словно что-то заподозрив, – мы же послали гонца, как ты просил.

Федор невольно обернулся назад, ожидая, что с минуты на минуту пожалуют гости из подземелья.

– Так надо, – просто ответил инженер, – забыл кое-что из чертежей в хранилище.

Инженеров здесь все же уважали, поэтому после такого исчерпывающего объяснения, Федор, наконец, услышал скрип засова и в темноту коридора, – факел он уже погасил, – проник луч света. Чайка не стал терять время. Оттолкнув Исмала назад, он первым предстал перед охранником, сразу заметив, что за его спиной, метрах в пяти, за длинным столом пьют вино еще шестеро. Помещение, как две капли воды, походило на то, что они уже видели, пробираясь сюда. «А паники здесь еще нет, – удовлетворенно подумал Чайка, выхватывая кинжал, – Похоже, успели».

– Не ждал? – просто спросил Чайка, заметив изумление в глазах пехотинца, который был в кожаном панцире, но не стал даже брать в руки щит или меч, впуская обратно мирных инженеров, – а зря, устав караульной службы надо чтить.

И резким движением всадил кинжал ему в живот. Кинжал оказался крепким, вспорол кожаный панцирь направленным ударом. Федор знал, куда бить и где у доспехов слабые места. Этот охранник еще не успел осознать, что мертв, а Федор отскочил под его прикрытием в сторону, освобождая проход остальным. Метнулся к столу.

Надо отдать должное охранникам, среагировали те мгновенно. Двое ближних схватились за мечи, а третий за лук, лежавший тут же на лавке. Федор едва успел увернуться, нырнув в угол к пустым лежанкам, как стрела прошила воздух, впившись в чье-то тело. Затем, не прошло и пары секунд, вторая стрела просвистела в том же направлении. Лучник сажил как из пулемета. Изогнув шею, Чайка заметил, как истекает кровью, и корчиться в судорогах Исмал, которому стрела пробила горло, а рядом с ним со стрелой в груди лежит его мертвый помощник. «Твою маман, – пришел ярость Чайка, вскакивая на ноги, – таких «языков» потерял».

Два брошенных из тоннеля кинжала утихомирили лучника и одного мечника. Татин, вырвавшись на простор, смог сразить еще одного оставшимися стрелами. Федор, метнувшись к столу, скрестил клинок с четвертым, отесняя его к дальнему выходу. А Летис, не мудрствуя лукаво, просто перевернул огромный стол со всем, что на нем было, и сшиб с ног двух оставшихся охранников, придавив их сверху. Пока они выбирались из-под стола, диверсанты закололи их отточенными движениями. И только Федору понадобилось чуть больше времени, чтобы расправиться со своим поединщиком. Больно уж шустрый попался.

Отбив несколько ударов, Чайка поразил его сначала в ногу, потом в руку, а потом добил издевательским ударом в горло, когда тот раскрылся. Нападение было столь стремительным, что никто из охранников не успел полностью вооружиться.

– Здесь все, – констатировал Чайка, вытирая окровавленный клинок об одежду своей жертвы, – идем наверх.

Ему послышался какой-то шум снизу, заставлявший торопиться. Время работало против них. Но, Федор все же на мгновение задержался взглядом на телах убитых инженеров, вздохнул, и поскакал по ступенькам наверх.

Откинув засов, он осторожно приоткрыл дверь, которая выходила на глухую улицу. Снаружи занимался рассвет, но длинная ночь еще не полностью отступила, воздух был серым. Рядом с дверью Федор не заметил никого, кроме трех бойцов сената, мирно болтавших о своих делах. С ними расправились быстро. Пара кинжальных бросков, один удар фалькатой и все.

– В переулок, – приказал Федор, выдергивая свой кинжал привычным движением из тела жертвы, – пока здесь не стало слишком жарко.

Диверсанты, отбросив в сторону фалькаты, чтобы не привлекать внимания прохожих, быстрым шагом покинули улицу. Летис еще внизу сорвал с мертвого инженера хитон и с трудом натянул на себя, чтобы скрыть кровь на своем. Едва сдерживаясь, чтобы не побежать, они прошли целый квартал и оказались на людном перекрестке. Здесь, несмотря на ранний час, царила невообразимая суматоха.

Однако, быстро осмотревшись, Федор не стал приставать к прохожим с вопросами. Ему и так было все ясно. Из обычного колодца на другой стороне улицы бил в небо трехметровый фонтан воды, отчего на перекрестке образовалось уже настоящее озеро. Еще один поток воды струился по соседнему переулку. «Началось», – констатировал Федор, растворяясь в толпе обезумевших горожан вместе со своими спутниками.

Глава четырнадцатая

«Погоня за пленниками»

Проскакав еще метров двести, Леха заметил в густой высокой траве четверых всадников, быстро уходивших по склону холма, и опознал в них собственных разведчиков. Они тоже его заметили, свернули с прежнего курса и вскоре встретились с Лариным в ложбинке, поросшей со всех сторон молодыми деревцами, откуда их никто не мог заметить.

– Ну, что? – коротко спросил Леха, не слезая с коня, – догнали войско?

– Догнали, – подтвердил командир разведчиков, входивших в личную армию Ларина, постоянно следовавшую за ним в этой войне, – мы приблизились насколько, что видели все и даже слышали разговоры.

Он сглотнул слюну, от быстрой скачки во рту у скифа пересохло.

– Нам даже удалось захватить пленника и допросить его.

– И где он? – поинтересовался Леха, с деланным удивлением осматривая доспехи скифов и взмыленных коней, – где вы его потеряли?

– Теперь он уже беседует с богами, – не моргнув глазом, ответил старший, поправив колчан со стрелами за спиной, – не тащить же его с собой, нас могли заметить и преследовать. Но мы успели поговорить с ним.

– Ясно, – одобрил действия своих разведчиков Ларин, сам ведь когда-то был одним из них, – что же он вам поведал?

– Сарматы разделились по приказу Гатара, – продолжил доклад всадник, лошадь которого фыркнула и тряхнула гривой, – Теперь впереди нас идет два отряда, точнее, две армии. Один, под предводительством царя, движется прежней дорогой. А другой...

Ларину на мгновение показалось, что командир разведчиков подбирает слова, чтобы не задеть чувств своего хозяина.

– А вторая армия состоит из амазонок и уходит в сторону Еректа. Все пленники

находятся там.

– Кто командует отрядом? – медленно проговорил Ларин, не особо желая услышать ответ.

Но услышал именно то, чего боялся.

– Исилея, хозяйка Еректа.

– Вот это номер, – окончательно пал духом бравый адмирал, поднимая глаза на своих разведчиков, которые были отлично осведомлены о его приключениях с амазонками, хотя и помалкивали в присутствии хозяина, – значит, все-таки, Исилея.

– Сама Орития и часть амазонок остались с царем Гатаром, – подтвердил скиф.

– Раз так, то ждать больше нечего, – решился Леха, словно рассуждая сам с собою, и окончательно запутал разведчиков, постановив, – так тому и быть.

И лишь чуть позже добавил:

– Возвращаемся к стойбищу Арчоя.

Вместе с разведчиками и сотней своей охраны во главе с Уркуном, он проделал обратный путь до места дислокации основных сил. Это было недалеко. Скифы уже второй день шли по стопам сарматов, но те уходили не напрямую к Днепру, или Борисфену, как его называли греки, а сильно забирали в другую сторону, еще дальше на запад. Ларин никак не мог понять, почему они делают такой крюк, но, судя по тому, что он узнал только что, все встало на свои места.

– Силы сарматов разделись, – спрыгнув с коня, сообщил он Арчою, сидевшему у костровища, на котором жарилось мясо. И, пристроившись рядом, рассказал остальное.

Плотно перекусив, военачальники поднялись. За это время оба лишь насыщались, особенно не обмениваясь мыслями. Обоим итак было все ясно.

– Надо атаковать, – высказался, наконец, Ларин, вытирая руки о штаны.

– И чем скорее, тем лучше, – согласился мудрый Арчой, – Иллур нас уже давно ждет обратно.

– Сегодня же, – пообещал Леха, вспомнив вдруг лицо Исилеи, красивое и властное, – как только настигнем, сразу же нападем. С ходу.

При этом он с силой сжал рукоять меча.

– Только, Ал-лэк-сей, – протянул в задумчивости Арчой, почесав бороду, – нам тоже придется разделиться. Один из нас должен атаковать армию с пленниками, а другой прикрывать его. Если оставить Гатара без присмотра, то он легко может зайти к нам в тыл и отрезать от моря. Возможно, это ловушка.

– Не думаю, – отмахнулся Леха, – просто решили подальше увезти пленников, вот и разделись. Гатар же идет обратно к своей столице.

– Сейчас идет, – кивнул Арчой, продолжая теревить свою бороду, – а ночью может развернуться и с рассветом быть уже под Ольвией. Кони скачут быстро.

– Ну, хорошо, – согласился Леха, не в силах больше спорить, – тогда ты оставайся следить за армией Гатара, я же поскачу за амазонками. Вызволю пленников и вернусь.

– Это моя ошибка, – напомнил Арчой.

– Ничего, – отмахнулся Леха, – в этот раз я тебе помогу, а, если что, и отвечу за тебя.

Видя, что Ларина не переубедить, Арчой согласился.

– Пусть боги будут на твоей стороне, – напутствовал он Ларина.

– Они всегда на моей стороне, – ухмыльнулся бравый адмирал, потеряв след от копья на своих доспехах.

Сражение с амазонками состоялось тем же вечером. Скифы преследовали и догнали арьергард армии сарматов в очень удобном для нападения месте, на переправе через небольшую речку. Едва завидев фигуры, затянутые в кожу доспехов, хорошо различимые в вечернем свете солнца, Ларин приказал:

– Атаковать, немедленно!

Небольшая армия, которой командовал адмирал, насчитывала почти пять тысяч

человек. Вполне достаточно, чтобы захватить несколько городов или даже небольшую область. Например, Ерект, со всеми окрестностями. Амазонок, по данным разведки, было не более трех тысяч. Армия Гатара насчитывала в несколько раз больше солдат, и почему царь сарматов решил отдать всех пленников Исилее, Ларину было не ясно. Он, однако, не слишком над этим задумывался, имевшихся сил амазонкам хватало для защиты пленников. И он был уверен, что сарматов нужно атаковать как можно быстрее, до тех пор, пока они не ушли слишком далеко вглубь своей территории. Впрочем, это Ларина тоже не пугало. Амазонки уже давно находились на своей территории, а Леха готов был преследовать Исилею хоть до самого Еректа, если понадобится.

Головной отряд скифов, растекшись лавой, спустился с поросшего лесом холма, – местность уже начинала меняться, деревьев становилось все больше, – и набросился на колонну амазонок, которые, похоже, не подозревали, что их преследуют. Осыпав воительниц, еще находившихся в воде, градом стрел, скифы на полном скаку врубились в порядки сарматов и опрокинули их строй прямо в реку. Но, амазонки тоже не зря считались воинственными. Потеряв после внезапной атаки человек пятьдесят, они выбрались на берег и здесь развернувшись, встретили врагов лицом к лицу.

На скифов посыпались ответные стрелы, – амазонки били в упор из своих длинных луков, – которые значительно проредили порядки наступавших. На другой берег выбралось гораздо меньше солдат, чем усакало в первую атаку. А те, кто выбрался, столкнулись с ожесточенным сопротивлением воительниц. Амазонки с распущенными волосами, которые ветер вырывал из-под шлемов, вращающие длинными мечами на фоне закатного солнца, выглядели впечатляюще. Леха против воли вновь залюбовался своими врагами, даже, несмотря на то, что от этих длинных мечей гибли его лучшие воины. Не каждый день идешь в атаку против сотен вооруженных женщин.

– Хорошо дерутся, чертовки! – пробормотал Леха, глядя, как его солдаты с большим трудом выбили амазонок с берега, отвоевав себе сначала лишь небольшой плацдарм.

Ларин, подобно монгольскому хану будущего, наблюдал за сражением с вершины холма на другом берегу.

– Да, бой-бабы, – это опасно, – резюмировал он результаты первой атаки, стоившей ему немалых потерь, – хорошо, что в других армиях таких бойцов не держат.

Утешало только то, что арьергард амазонок полег весь. Попытавшись продолжить преследование скифы натолкнулись на основной отряд, но были отброшены назад и вернулись к берегу.

– Пусть ждут, пока переправятся основные силы, – ответил адмирал посыльному, прискакавшему с докладом с другого берега, – похоже, с этими чертовками слишком быстро не выйдет. Придется растянуть удовольствие.

Преследование затянулось. Когда его армия переправилась на другой берег, разведчики доложили, что войска хозяйки Еректа не задерживаясь уходит в глубь сарматских земель не оставив даже заградительного отряда.

– Не может быть, – подумал вслух Леха, – не настолько же они глупы, чтобы решить, будто я перестану их преследовать. Что-то тут не чисто, может Арчой прав?

Но отставать от амазонок он не собирался. Леха уже почуял вкус крови, как собака вцепившаяся в раненного медведя, и не собирался отказываться от своей добычи. Тем более, что Иллур ждал его только с победой, а Ларин даже за Арчой, можно сказать, поручился. И теперь все зависело только от него самого.

Никаких вестей о том, что их кто-то окружает и ли заходит в тыл пока не поступало. Однако, уже не так далеко было и до Еректа. Поэтому, Леха отдал приказ немедленно устремиться в погоню, догнать и атаковать армию Исилеи. Пленников, по словам разведчиков, везли в голове колонны, на виду у начальства.

В погоне и новой атаке участвовали пятьсот человек. Следующая стычка состоялась в ложбине, по которой проходила дорога, медленно, но верно, уходившая в лес. Места для наступления широким фронтом здесь было мало, но скифы все же попытались. За поворотом

их встретили лучники градом стрел. Те, кто доскакал, в ярости обрушили на амазонок удары своих копий, а затем в ход пошли мечи.

На этот раз амазонок было больше, они перегородили всю ложбину, а дополнительные отряды лучников, спешившись, засели на верху холмов с обеих сторон. Драка, между тем, была жестокой, но недолгой. Остановив скифов на некоторое время и ослабив удар, уничтожив при этом почти две трети отряда, амазонки вновь оттянулись назад и, отбиваясь от наседавших скифов, стали уходить дальше в лес. К вечеру преследование пришлось прекратить, разведчики потеряли сарматов из вида.

– Он словно со мной играет, – решил Леха, узнав об этом. Он сидел у костра со своими сотниками и ел мясо, пребывая в плохом состоянии духа. – Не ввязывается в большое сражение, а словно хочет заманить подальше. Арчой, видно, прав. Да что толку? Пленников все равно нужно отбить.

Он прекратил жевать, обвел взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, своих сотников и приказал:

– С рассветом вы должны разыскать их. Завтра мы устроим этим амазонкам настоящую битву.

А поднявшись, добавил:

– Последнюю. И освободим пленников.

А про себя подумал «Устал я за ними гоняться, пора и обратно к морю. Иллур заждался. А царь ждать не любит».

Когда первые лучи солнца поднялись над верхушками сосен, – открытые степи уже давно остались позади, – скифы были уже давно в седле. Вся армия устремилась в погоню. Ларин отдал приказ сначала выследить сарматских воительниц и немедленно доложить. На этот раз атаковать он решил сам.

К его удивлению сарматы нашлись быстро. Их лагерь стоял на другом берегу небольшой реки, и, воительницы, хорошо отдохнув ночью, только собирались покидать его. Узнав об этом, Ларин пришел в ярость.

– Так они даже не стремились уйти подальше? – только и смог вымолвить изумленный адмирал, и добавил, обращаясь уже только к одному ему известному собеседнику, – значит, хочешь показать, что не боишься меня? Что ты все еще тут хозяйка, в своем чертовом Еректе.

Он выхватил акинак, сжав его рукоять, искусно украшенную золотым орнаментом, и дернул поводья коня.

– Можно по лесу обойти лагерь и ударить в голову колонны? – в раздражении спросил он у разведчика, гарцевавшего на коне перед ним.

– Будет сложно подойти незамеченными, – ответил разведчик, – лагерь охраняется разъездами со всех сторон.

– Ничего, мы попытаемся, – отмахнулся адмирал, – показывай дорогу.

А обернувшись назад, крикнул.

– Инисмей, бери своих людей. Со мной пойдет три сотни всадников. Уркун, остальные под твоей командой ударят прямо по дороге. Начинай прямо сейчас. И пусть твой удар будет таким сильным, что они позабудут обо всем.

Уркун, быстро кивнул, подтвердив приказ. А Леха, увлекая за собой большой отряд всадников, растворился в лесу. Разведчики вывели их сначала на берег ручья, который впадал в небольшую речку, пробрались вдоль него примерно с полкилометра и лишь затем оказались у брода. Здесь Ларин переправился на другой берег, стараясь не поднимать лишнего шума и озираясь по сторонам. Все прошло тихо, ни одна ветка не шелохнулась, но Леха отдавал себе отчет, что на этой земле у всех деревьев есть глаза и уши. Вряд ли ему удастся полностью скрыть передвижение трех сотен всадников, скорее бравый адмирал надеялся на атаку Уркуна, которая отвлечет на себя все внимание. И она не заставила себя долго ждать.

Где-то далеко справа послышался топот копыт множества коней, а вслед за этим крики

и звон оружия.

– Началось, – выдохнул Ларин, поднимая коня по заросшему деревьями склону, – не теперь держись, любовь моя. Скоро я приду к тебе на свидание.

Они благополучно поднялись по склону и, никем не замеченные углубились в лес, двигаясь вдоль дороги. Когда звуки сражения остались далеко позади, разведчики, наконец, свернули направо, взяв курс на лагерь. По прикидкам Ларина, они уже должны были обойти его и теперь приближались к тому месту, где могли повстречать сарматских воительниц, спешно покидавших свое стойбище. Леха очень надеялся, что Исилия, узнав о нападении, первой покинет его вместе с пленниками и жаждал быть на дороге еще до того, как она там окажется.

Но, встреча с прекрасными воительницами состоялась гораздо быстрее, чем ожидал скифский военачальник. Едва они преодолели последний холм, за которым начиналась та самая ложбина с дорогой, как увидели внизу, буквально метрах в двадцати отряд спешившихся амазонок. Их было человек тридцать, все с луками в руках. Судя по всему, это было охранение, прятавшееся в лесу на случай прорыва или внезапной атаки скифов.

Увидев своих врагов, амазонки среагировали мгновенно. В Ларина и его бойцов тут же полетели стрелы. Несколько человек рухнуло с коней, одна стрела просвистела над головой адмирала, еще две впились в ствол соседней сосны.

– В атаку! – заорал Ларин, прикрываясь щитом от новой волны стрел, и пуская коня вскачь, – за мной!

Проскакав положенные двадцать метров, он собрал на своем щите целый ежик стрел, но был еще жив. Леха с размаху рубанул мечом по голове ближнюю амазонку, почти раскроив той шлем, затем воткнул клинок в грудь другой, только что ссадившей с коня борогатого скифа своей стрелой и еще не успевшей зарядить лук. Выронив его, мертвая красавица рухнула на траву, рядом со своим конем.

Шеренга скифов с копьями, скакавшая вслед за ним, быстро проредила прекрасных лучниц. На глазах адмирала его воины проткнули копьями человек десять, стальных же быстро зарубили мечами. Амазонки сражались до последнего, но погибли почти все. Лишь трем удалось вскочить на коней и ускакать вниз, поднимая тревогу.

– Вперед, за ними! – вновь завопил Ларин, – никто не должен уйти из этого лагеря.

Больше всего Ларин боялся сейчас не сарматских стрел или копий, а того, что Исилия уже покинула лагерь вместе с пленниками, оставив его в дураках. Чем ближе он находился от нее, тем больше ему казалось, что прекрасная амазонка затеяла все это лишь с одной целью, заменить его к себе. Только вот зачем? «Неужели, хочет отомстить, – лихорадочно думал Леха, погоняя коня, и вспоминая давний разговор, когда после ночи любви Исилия предлагала ему перейти на свою сторону, – но, ведь это не я ее предал. Это сарматы напали на нас. А она что же, любовь от войны не отличает. Или простить не хочет, что отказался стать сарматом. Эх, бабы, бабы, вас не поймешь».

В душе его волновала встреча с бывшей полюбовницей, но он также понимал, что вряд ли она теперь будет с ним миловаться. Даже предай он своих, вряд ли сарматы приняли бы его, после того, что он сделал с их войском в недавнем сражении. Но Ларин и не думал предавать Иллур, слишком многое у него в жизни изменилось за последнее время. Особенно, после посещения Крыма. Нет, не та уже была ситуация и эта встреча несла кому-то из них верную смерть.

Впрочем, об одном он зря беспокоился. Исилия никуда не торопилась и, похоже, не думала прятаться. Едва отряд скифов выскочил из леса на дорогу и направился к лагерю, раскинувшись в какой-то сотне метров, адмирал тотчас увидел ее. Прекрасная амазонка сидела на коне в доспехах, но без шлема, и ветер развеивал ее длинные волосы. Длинный меч, срубивший не одну голову, свисал сбоку седла. Вокруг нее находилось много других воительниц, окруживших ее кольцом, но не слишком много, чтобы остановить Леху. Основная драка шла на дальнем краю лагеря, там он ясно различил черные доспехи амазонок, плотными рядами перегородившие всю ложбину от края до края. Их там было

целое море, а скифов отсюда он различить даже не смог. Видно, люди Уркуна пока не смогли опрокинуть этот заслон и дрались еще где-то на подступах.

«Значит, вся армия здесь, – решил Ларин, – вот и отлично, покончим со всеми проблемами разом. Не люблю долго тянуть».

Приближаясь к тому месту, где находилась Исилия, словно не замечавшая атаки скифов в тылу и раздававшая приказания своим воительницам, Ларин заметил Гиლისподиса, которого держали две крепкие на вид амазонки в десятке метров от коня своей начальницы. Там же находилось еще несколько пленных греков из Ольвии. «Значит, жив еще, – выдохнул Ларин, – держись Гиლისподис, недолго тебе мучиться осталось».

Исилия «заметила» атаку отряда Лехи Ларина, только тогда, когда мертвые амазонки начали падать со своих коней метрах в тридцати от нее, а стрелы засвистели над ее головой.

– Не убейте пленников! – предупредил адмирал ординарца, скакавшего рядом, гарцуя на коне посреди свалки, – они нам живые нужны.

Лишь тогда Исилия посмотрела в ту сторону и увидела дерущихся скифов, во главе которых бился бравый адмирал, скосивший уже не одну красивую голову на своем пути.

– Я иду, любовь моя! – крикнул Ларин, схлестнувшись с очередной воительницей, которая своим длинным мечом едва не расколола его щит, отрубив от него почти треть, – подожди немного. Управлюсь только с твоими подружками.

Пригнувшись под очередным ударом, грозившим лишить головы его самого, Ларин все-таки достал и эту амазонку, вонзив ей свой меч прямо в бок. Согнувшись пополам, девушка рухнула вниз, истекая кровью, и заставив Леху, лишний раз поморщиться от мысли, что он вынужден убивать женщин. Но, такую судьбу они выбрали себе сами, решив стать на путь войны. И конец здесь тоже был предreshен. Если ты запросто можешь отправить на встречу с богами множество мужчин, то жди, что рано или поздно, кто-то из них оплатит тебе тем же.

Бой, однако, еще не был закончен. Скифы лихим наскоком истребили половину охранения Исилии, которая по-прежнему оставалась на месте, словно дразнила Ларина своим пренебрежением к опасности. Разделавшись с очередной амазонкой, поразившей его в плечо, Леха вышиб ее из седла точным ударом клинка и вдруг услышал за своей спиной топот сотен копыт, от которого задрожала земля.

«Уркун, что ли, решил в обход ударить?», – с непониманием развернул Ларин голову, и увидел, как целая лавина воительниц в черных доспехах вдруг выскочила из-за холма, перекрывая ему путь к отступлению. Их было даже на первый взгляд не меньше пятисот, против от силы двух сотен, оставшихся от авангарда, пришедшего сюда вместе с адмиралом.

– Твою мать, засада, – выругался Ларин, гарцуя на коне, и высматривая пути для возможного отступления, но их не было, – Арчой был прав.

Амазонки надежно отрезали его от леса позади, перекрыв также дорогу.

– А ты подготовила мне подарок, любимая! – взъярился Леха, бросая коня в сторону Исилии, до которой было уже рукой подать, – ну, я сейчас до тебя доберусь!

Он проскакал не более трех метров, прежде чем ему на встречу устремилось сразу три конные амазонки. Одну он сшиб своим яростным ударом клинка, от удара меча второй в щепки разлетелся его собственный щит, а длинный меч третьей нашел его голову. Измочаленный шлем слетел с нее и, со звоном в ушах, Леха рухнул на землю, потеряв сознание. Когда пришел в себя, руки у него были уже связаны. Во рту Ларин ощутил вкус какой-то грязной тряпки. Над ним склонилось несколько воительниц, быстро опутывая ноги тонкими веревками. Леха попытался дернуться, то тщетно.

– Свяжите его покрепче и в обоз, – услышал он над собой знакомый голос, – Орития была права. Это оказалось слишком легко.

Ларин опять попытался дернуться, но его сознание потушил новый удар по голове.

Глава пятнадцатая «Меняла Шагар»

Меняла по имени Шагар, по лицу которого было нетрудно определить его национальную принадлежность, жил на широкую ногу. Особняк менялы помещался буквально в паре сотен метров от монетного двора Карфагена, на взлете холма Бирсы. Из окон дома открывался прекрасный вид на центр города и гавань, а также на море, где были видны корабли Гасдрубала, блокировавшие все подходы к гавани. Здесь повсюду сновали патрули. Поэтому, несмотря на осаду, пока было спокойно. Никому и в голову не могло прийти, что именно здесь обосновался резидент Гасдрубала, на встречу к которому прибыл командир диверсантов.

Прибыл один и не сразу, а спустя несколько дней. Да и то, только после того, как осуществил первый удачный налет на охраняемые объекты. В глубине души Федор и не хотел обращаться к нему за помощью до тех пор, пока у него не будет о чем отрапортовать своему командующему, который ждал от него вестей за тремя линиями неприступных стен. Сегодня утром такой повод, наконец, появился.

Сообщив, что пришел обменять крупную сумму, Федор был препровожден слугами Шагара, больше походившими на охранников с плохо скрытыми в складках одежды кинжалами, в комнату с единственным узким окном и единственным входом. «Разумные предосторожности, – одобрил Федор, присев на лавку у небольшого стола и осматривая толстую раму с решетками, после того, как слуги вышли, встав снаружи, – отсюда ни в окно не выпрыгнешь, ни сквозь дверь не сбежишь».

Так он просидел минут десять, но ничего не происходило. То ли меняла был занят с другим клиентом, то ли вообще отсутствовал. Чайке ничего не оставалось, как сидеть и ждать. Когда он заскучал и уже начал беспокоиться, а не сдал ли его этот меняла властям и не спешит ли уже сюда отряд пехотинцев, чтобы его арестовать, как что-то едва заметно шелохнулось в двух шагах.

– Это ты меня искал? – раздался у него за спиной скрипучий голос, от которого Чайка даже вздрогнул, – так неслышно в комнате появился этот человек, проникший сюда через потайную дверь.

Федор обернулся и, прежде чем ответить, осмотрел невысокого седовласого старика еврейской наружности. В простом черном балахоне тот был похож скорее на монаха средневековья, чем на менялу из Карфагена. Впрочем, менялы здесь не имели униформы, а одевались, кто как хотел. У богатых, как известно, свои причуды. А от монаха этого лысеющего дедушку с острым носом отличала толстая золотая цепь с брошью в виде птицы. Чайка мог поклясться, что похожую вещицу уже когда-то видел.

– Что за деньги ты хотел показать мне? – проскрипел меняла, усаживаясь на пустую лавку у стола, и с недоверием разглядывая посетителя, не походившего на богатого клиента, которых Шагар чуял за версту, – сколько? Показывай. Времени мало.

– Так, несколько монет, – не выдержал Федор, решив его немного подразнить.

Брови Шагара поползли вверх. Но, прежде чем тот успел позвать слуг и выпроводить бесцеремонного гостя, столь наглым образом оторвавшего от дел уважаемого человека, Федор вытащил из-за пазухи горсть монет и высыпал их на стол.

– Вот, что я хотел тебе показать, – проговорил он, когда монеты перестали скакать по столу, – это все, конечно, мелочь. Но, вот эта монета...

Чайка ткнул пальцем в «золотого слона», на краю которого красовались три ровных зазубрины, а у самого хобота виднелась одна аккуратно просверленная дырочка.

– ...должна тебе понравиться, – закончил Чайка, – она многого стоит.

– Пожалуй, – резко сменил гнев на милость Шагар, схватив монету своими скрюченными пальцами и рассмотрев поближе, а потом, одарив пронзительным взглядом собеседника, – пройдем в другую комнату. Выпьем немного вина. Там и поговорим обо всем.

– Это можно, – согласился Федор, убирая заветную монету вместе с остальными обратно в кошелек, – а то здесь слишком людно. Да и вида никакого, а я люблю простор.

Новая комната оказалась еще меньше, но в ней было одно существенное отличие от

первой, – окно без решетки, выходившее на город. Панорама открывалась отличная, все было как на ладони, и Федор оценил выбор места по достоинству. Для тех разговоров, что они вели, лучшего места не придумать. Их никто не видел, а они видели все, что нужно и могли спокойно разговаривать, обсуждая планы предстоящей кампании. Вино, к его удивлению, тоже было. И неплохое. Чего не сказать о закуске.

Отпив из чаши вина, которое он сам себе и налил за неимением слуг, Федор обратился в слух.

– Вот и о старом Шагаре вспомнили, – пробормотал меняла, открывая окно, сквозь которое в закрытое помещение ворвались звуки города.

– Пришел час, – подтвердил Федор, – теперь нам нужны все верные люди. Гасдрубал сказал, что я могу держать связь с ним через тебя. Кое-что я уже предпринял и теперь у меня есть, что ему сообщить.

– Я слышал, – подтвердил Шагар, усаживаясь напротив, – Карфаген уже начал бурлить.

– И это только начало, – пообещал Федор.

Одновременный налет всего на три резервуара прошел как под копирку, – везде успех, – и оказался очень эффективным. Были выведены из строя множество источников в густонаселенных районах Карфагена, на некоторое время затопивших пять площадей, считая рыночный Форум, и множество мелких улиц. Кроме того, была полуразрушена городская баня, в которой как раз мылись солдаты. Многих просто вынесло на улицу, а кое-кто утонул, захлебнувшись.

Торговля в этот день была почти парализована. В довершение всего, схлынувший в сточные канавы поток, снес или подтопил множество теснившихся у Форума лавок, лишив многих торговцев средств к существованию. На этот побочный эффект Федор не рассчитывал, – он не хотел разорять мелких купцов, – но, ничего было уже не изменить. Первая же диверсия ударила в самое сердце Карфагена, поразив многих. Отрезанный от внешнего мира город теперь начинало лихорадить изнутри. Отряды Федора не досчитались всего двух человек, а в его группе вообще все были целы, если не считать нескольких царапин.

Когда, в тот же вечер, Федор, сменив свою окровавленную одежду на синий хитон приказчика средней руки, направлялся в квартал неподалеку от Бирсы и Форума через центр Карфагена, вода уже спала. Ушла сквозь камни мостовой в песок, ненадолго осчастливив своими парами местных жителей, никогда в жизни не видевших такого количества пресной воды одновременно. Пока в стихийно возникших озерах держалась вода, дети и взрослые купались прямо на улицах, ничуть не смущаясь, что вода быстро смешалась с грязью и нечистотами. Впрочем, их «радость» вскоре сменилась глухим унынием, грозившим перейти в отчаяние, поскольку сенат немедленно ограничил выдачу воды. Уже после полудня, когда весть о случившемся разнеслась по городу с быстротой молнии, у всех действующих источников были выставлены караулы из вооруженных пехотинцев сената и вместе с ними появились длинные очереди за водой. Кое-где Чайка даже заметил в качестве охранников римлян, а на двух постах опознал и спартанцев Эндимиона, который теперь отвечал за оборону взятого в кольцо города. Обозленные резкой нехваткой воды горожане буравили солдат недовольными взглядами, а кое-где даже вступали в перепалки, но до открытых столкновений пока не доходило. Все же некоторый запас воды оставался, и сенаторы немедленно пустили его в дело, чтобы успокоить чернь.

«Это хорошо, – размышлял Федор, спокойно обходя патрули, которым было сейчас не до диверсантов, справиться бы с тем, что они уже натворили, – если в дело пустили «НЗ», значит все идет по плану. Резервы у сената не безграничны и до массовых беспорядков осталось недолго».

Некоторое время Федор и меняла молчали. Наконец, Шагар обернулся к Чайке, словно хотел что-то спросить, но Федор опередил старика.

– Надо, чтобы пошли слухи, что это сделал именно я, – удивил его странным заявлением Федор, – и мое имя стало известно сенаторам.

Шагар, который только пару минут назад узнал, кто именно прибыл к нему в качестве связного, был ошеломлен.

– Это неразумно, – попытался переубедить он Федора, – твое имя итак слишком известно. Если власти узнают, что ты находишься в стенах Карфагена, они утратят обаяние, чтобы схватить тебя и казнить принародно, в назидание другим. Эндимион устроит за тобой настоящую охоту.

– Этого я и хочу, пусть понервничают, – как ни в чем не бывало, заявил командующий западным крылом фронта, временно переквалифицировавшийся в диверсанты.

– Ты либо сумасшедший, который хочет, чтобы его быстрее казнили, – произнес после недолгого молчания Шагар, смотревший на собеседника с прищуром, – либо знаешь что-то, чего не знаю я. А это почти невозможно.

Он вновь замолчал, пытаясь вынудить Чайку на откровенность, но тот лишь подлил масла в огонь.

– Вот именно, почти... Но, хватит об этом, – заявил Федор, немного нагибаясь вперед, чтобы достать рассыпчатое печенье, всего несколькими дольками которого угостил его радушный хозяин, – Скажи мне лучше, есть ли у тебя на примете надежные люди, которых можно взять в дело. Я собираюсь осуществить еще несколько тайных... операций, которые должны быстро привести к массовым беспорядкам. Но, у меня для этого слишком мало верных людей, а здесь нужен размах и без помощников не обойтись.

Проклятое печенье все время разламывалось, никак не желая идти к Федору в руки. Наконец, он подцепил маленький кусочек и отправил его в рот. Вкус оказался «не фонтан». Чайка запил все это сладким вином и лишь после этого вернулся к разговору.

– Сколько тебе нужно людей? – уточнил меняла.

– Человек пятьдесят, если говорить только о вождях, – спокойно ответил Федор, – а исполнителей, способных противостоять в уличных столкновениях солдатам, нужно хотя бы несколько сотен. Карфаген большой.

Шагар молчал почти минуту, прежде чем ответить.

– Ты задумал поднять восстание, Чайка?

Теперь настал черед Федора молчать, обдумывая свои слова. Конечно, сам Гасдрубал дал ему этого человека, значит, Шагару можно было доверять. Однако, во все подробности высокой политики этот старик либо не был посвящен, либо был, но предпочитал хранить молчание о своих знаниях. «Черт его разберет, – думал Федор, изучая через окно панораму великого города, который вскоре должен был стать ареной для уличных боев, – стоит ли ему рассказывать о своих планах. Если сорвется быстрый мятеж еще полдела, после раскатаем. Но, вот если Юлию с Бодастартом куда-нибудь переправят еще до того, как я успею разыскать их, это конец».

Однако, он пришел к выводу, что придется доверить старику свои планы. Продаст, так продаст, от судьбы не уйдешь. А в одиночку такое дело, что он задумал, не поднять. Поэтому Федор кивнул в ответ на вопрос.

– Да, восстание будет. Оно должно случиться как можно раньше, чтобы подготовить новый штурм.

– А когда будет новый штурм? – вновь уточнил скользкий старик.

– Видимо, не раньше, чем я подниму восстание в городе, – спокойно ответил Федор, словно речь шла о сущей безделице, – и, лучше всего, если восстание случится одновременно с новым штурмом. Главное, чтобы нам никто не помешал.

Федор нагнулся вперед, словно боялся, что их услышат, и быстро спросил, словно продолжая тему:

– Кстати, как ведут себя римляне, и где прячется Марцелл?

– Они хозяйничают в военном порту, где стоят их корабли, по городу маршируют редко. Наши сенаторы держат их на расстоянии, понимая «любовь» народа Карфагена к

ним, – ответил Шагар, взглядом указав на военный порт через окно, – но, Марцелл живет не там.

– А где? – не смог сдержать любопытства Федор, – где он прячется?

– Зачем тебе Марцелл? – прищурился больше обычного старик, – у тебя что, к нему, личные счета?

Федор не знал, осведомлен ли Шагар насчет его жены и ребенка, но предпочел замять этот вопрос. Пусть думает, что хочет. Но Чайка уже корил себя за то, что позволил себе быть таким несдержанным.

– Я просто ненавижу римлян, – ответил он, сжав зубы.

– Мы все их не любим, – вдруг перешел на другой тон Шагар, превратившись на мгновение из менялы в назидательного учителя, – но, чтобы изгнать отсюда Марцелла и его солдат, нужно сначала довести до конца дело, которое ты задумал.

Вновь став «обычным менялой», он добавил.

– Впрочем, извини меня за мои слова. Уверен, Гасдрубал не прислал бы сюда плохого стратега. Марцелл обитает не в порту. Он живет в особняке Ганнибала, который отдал ему сенатор Магон, чтобы унижить нашего вождя. Там же, говорят, он держит и своих пленников.

Чайка молчал, переваривая информацию. Особняк семьи Барка был ему хорошо известен. Приходилось бывать. Даже если он будет набит до отказа легионерами, можно было найти способ попытаться проникнуть внутрь, чтобы освободить Юлию и сына. В конце концов, всегда оставался вооруженный штурм особняка, но этот вариант Федор оставил для самой безвыходной ситуации, если провалиться все остальное. «Ну, что же, Марцелл, – подумал он, – теперь, я хотя бы знаю, где ты прячешь мою семью. Берегись, скоро я захочу ее навестить».

– Говорят, скоро прибудет римский флот, чтобы помочь освободить Карфаген от блокады, – как бы невзначай заметил Шагар, но Федор от этих слов даже вздрогнул.

– Флот? – вскинулся он, – когда?

– Никто не знает, – пожал плечами седовласый меняла, переводя свой стеклянный взгляд с собеседника на море, – по городу ходят слухи, что Тарент уже пал и Ганнибал пленен, а, может быть, и казнен.

– Вранье! – отмахнулся Федор, как будто сам только что вернулся из Тарента, – он жив.

– Может быть, – кивнул Шагар, – но, слухи распускают намеренно, чтобы поддержать тех, кто обороняет город и стоит за сенат. А таких здесь еще немало. Армия Эндимиона пока надежно защищает город и, возможно, сенат действительно ждет подхода подкреплений.

– Армию Эндимиона мы почти разбили еще на подступах к Карфагену, – заявил Федор, – я лично в этом участвовал. То, что от нее осталось, едва в состоянии удерживать стены. Но, стоит нам организовать волнения внутри городских стен, как сопротивление будет сломлено.

Федор даже встал и от возбуждения стал мерить небольшую комнатку шагами.

– Никто не устоит перед натиском нашей армии, ни спартанцы Эндимиона, ни солдаты сената, ни римские легионеры. Поэтому я выполняю свое предназначение и заставлю Карфаген вспыхнуть изнутри, чего бы мне это не стоило.

Он внезапно остановился и, окатив купца яростным взглядом, отчего тот почти прилип к своей лавке, заявил:

– Ганнибал жив! И никто не смеет утверждать обратное. Я немедленно приступаю к подготовке восстания.

Немного успокоившись, он вновь сел на свое место и, перешел к делу.

– Итак, мне нужны новые надежные убежища, в которых я смогу просуществовать дней десять, прежде чем их придется сменить.

Впечатленный его речами Шагар, достал из специальной шкатулки карту города, – вычерченную подробнейшим образом, – и указал одно за другим несколько таких мест.

– Вот это, дом, где живут кожевники. Здесь можно организовать первое убежище. Там у меня есть несколько верных людей, они примут вас под видом работников.

– Это рядом с Форумом, – одобрил Чайка, присмотревшись к линиям на карте, – хорошо. Людное место.

– Да, – подтвердил Шагар, – там всегда много народа, а из цеховых помещений есть достаточно выходов, в том числе потайных. Рядом рынок с бойкой торговлей. При случае легче всего затеряться в толпе и не вызывают вопросов постоянные посетители.

Шагар ненадолго оторвался от карты, посмотрев на Чайку.

– Конечно, там плохо пахнет. Но, ведь, ты же хочешь где-то встречаться со своими новыми солдатами?

– Да, там удобно будет принимать гостей, – согласился Федор, – ради освобождения Карфагена неприятные запахи мы переживем. Где там можно разговаривать, не привлекая внимания остальных?

– Мой человек покажет. Там много цехов, некоторые используются редко, там и можно устраивать собрания.

– Подойдет, – согласился Федор, – где еще я мгу разместить своих людей?

– Вот здесь, здесь и здесь, – Шагар опять склонился над картой, водя по ней тощим пальцем, словно указкой.

Вторая секретная точка находилась на складах у порта, буквально в квартале от того места, что облюбовал себе Федор в первую же ночь, после проникновения за стены. «Значит, нух меня не подвел, – похвалил себя Чайка, – место там подходящее».

Еще одна – у небольшого канала, по которому можно быстро добраться до гавани. Следующая база, в отличии от предыдущих, располагалась на удалении от центральных районов, почти на самом краю Мегары, за парком и огородами.

– Что там за место? – уточнил Федор.

– Особняк одного купца, – просто ответил Шагар, – он мне должен, поэтому оказывает кое-какие услуги.

Было еще несколько конспиративных «квартир», где Чайка мог, в крайнем случае, прятать своих людей, предъявив соответствующий пароль, которым была все та же монета.

– На что мы будем питаться, как с деньгами на новых бойцов и подкуп нужных людей? – деловито осведомился начальник западного крыла фронта.

Услышав о деньгах, Шагар немного поморщился, затем встал и вышел из комнаты. Вернувшись, он бросил на стол увесистый кошель, развязав который Чайка обнаружил столько золотых монет, что можно было купить целую квинкерему. На подрывную деятельность против сената Баркиды денег не жалели.

– Это на первое время, – пояснил Шагар, – если не хватит, сообщи. А насчет питания и воды не беспокойся, на местах есть нужные люди, они все организуют.

Услышав это, Федор ощутил себя уже не диверсантом, а настоящим революционером-подпольщиком. Он и не подозревал насколько разветвленная сеть «нужных людей» и «секретных точек» существует в Карфагене. Впрочем, судя по всему, никто из них был не в состоянии поднять восстание и организовать массовые выступления в городе. Только подготовку. А Федор мог. Для того здесь и появился.

Не прошло и десяти дней, как Федор находился в Карфагене, а ситуация уже сильно изменилась. Обосновавшись на новых местах, Чайка развернул бурную вербовочную деятельность по всему городу, не жалея на это денег, сил и времени. Поначалу осторожно, но затем со всевозрастающей дерзостью, он набирал новых солдат из народа, подмастерьев, разорившихся купцов и всех недовольных существующей властью. А таких оказалось немало. К растущему на глазах сопротивлению примыкали даже купцы с хорошим достатком, которых притесняли сенаторы. Они тайно становились добровольными «спонсорами» боевых отрядов. Средств на боевые действия вскоре стало так много, что революция показалась Чайке прибыльным делом. Он даже перестал заходить к Шагару за деньгами, лишь отправлял ему вести о том, как набирают обороты дела.

За первую неделю он сумел «поставить под ружье» почти две сотни человек, из

которых его лично смогли увидеть лишь пятеро, ставшие командирами боевых отрядов, а остальные лишь слышали, что сопротивление сенату, римлянам и войскам Эндимиона возглавляет легендарный военачальник Ганнибала сам Федор Чайка. Как ни хотел Шагар этого делать, но он все же выполнил просьбу Чайки, –пустил слух о том, кто именно возглавляет бойцов, не дающих сенату спокойно жить. А Федор, выждав необходимое время после первого налета на резервуары с водой, постарался, чтобы его слова не остались пустыми угрозами.

Вскоре он перешел от подготовки к действиям, и осуществил налет на зернохранилище, примыкавшее к торговому порту, где находился большой запас зерна для солдат. В этом первом бою, – а Федор без преувеличения мог назвать это столкновение боем, –участвовало почти восемьдесят вооруженных повстанцев, ведомых Ксенбалом.

Они смогли разоружить мощную охрану и поджечь два амбара из восьми, пока не подоспело подкрепление из римских легионеров. Драка была жестокой, и половина повстанцев погибла, – римляне свое дело знали, но и Чайка добился своей цели. Пожар разгорелся не шуточный, два амбара выгорели полностью, а третий на половину, уничтожив все хранившееся там зерно. Огонь перекинулся на соседнюю улицу, где стояли казармы тех же римлян, и, пока его успели потушить, сожрал половину строений.

– Молодцы, – похвалил своих «налетчиков» Федор, после этого события, – теперь римлянам придется урезать рацион и подыскать себе новые казармы. Вряд ли это добавит им решимости стоять до победы.

Следующий удар Чайка нанес по самому порту. Торговому. Он с большим удовольствием, конечно, уничтожил бы военные корабли римлян и сената, но, они прятались за высокими стенами военной гавани Карфагена, которая была неприступна. Поэтому Чайка изготовил несколько горшков с зажигательной смесью, – нашлись умельцы в Карфагене, – и заслал их под видом купцов в гавань. Пятерым удалось пробраться вместе с искусно спрятанным «товаром» в торговый порт и поджечь несколько кораблей. В этом деле нужны были опытные бойцы, поэтому пришлось не только руководство, но и исполнение поручить Ураду с помощниками. Впрочем, и «добровольцы» пригодились. Около двадцати бойцов, отвлекая внимание на себя, устроили драку на набережной с патрулем сената, в которой смоли уничтожить не меньше дюжины солдат. А бойцы Урада тем временем запалили подряд три торговых зерновоза. Разбушевавшийся пожар превратил в обугленные останки еще пять купеческих кораблей и, через них, смог добраться даже до римских бирем, пришвартованных в этой части. Именно они и были главной целью. Сгорело четыре биремы охранения, но за этот успех пришлось заплатить жизнями диверсантов. Пробиваясь из окружения, Урад был убит римлянами, как и все его люди.

Получив известие об этом, Федор не знал радоваться ему или скорбеть. Значительная часть порта выгорела, вместе с римскими кораблями, – это был успех, – но смерть боевых товарищей его огорчила. Однако, Чайка не первый день был на войне и видел многое, поэтому репрессии сената, следовавшие вслед за этим, его не остановили. Магон, судя по всему, поверивший в то, что за всеми событиями стоит сам Федор Чайка, проявил недюжинную изобретательность, чтобы его найти и казнить. Вокруг Федора появилось много провокаторов. Многих он раскрыл и казнил, – обостренное чутье его почти не подводило. Несколько раз он чудом уходил с «явочной квартиры» незадолго до налета карателей, которыми были в основном спартанцы Эндимиона. Но вскоре возникал в другом месте и продолжал плести свои сети, опутавшие большую часть Карфагена.

Люди Чайки проникли уже почти везде. Они служили в составе бойцов сената, несли караульную службу на стенах, охраняли конюшни, где размещалась наступательная мощь армии Карфагена, – слоны. После того, как в городе начались эти потрясения, и распространились слухи о том, что Ганнибал жив и скоро будет здесь, многие поверили в скорую победу армии Гасдрубала, и соглашались служить Чайке, даже не требуя денег. Спустя месяц Федор, менявший место пребывания почти каждый день, уже знал сколько и где базируется солдат на стенах и в казармах, сколько охраняет башни с воротами, но ни на

шаг не приблизился к своей главной цели. Ни Марцелл, ни Магон были для него пока недостижимы. Его тайная армия росла с каждым днем, и все же для решительного выступления людей у него было мало.

Гасдрубал, между тем, сообщил ему через Шагара, что доволен его действиями и начал подготовку к штурму. Для завершения своих действий, Чайке отводилось примерно семь дней.

За это время Федор нанес еще несколько ударов по резервуарам воды, вернее по системе трубопроводов, которые их связывали. Сами входы в подземные хранилища, после первого налета, охранялись теперь так хорошо, что Федор даже начал переживать за сенат. «Что они делают, – усмехнулся он, когда ему доложили, сколько людей охраняет эти объекты, – ведь Магону скоро будет некого послать на стены».

Разрушив несколько трубопроводов, он лишил город примерно четверти оставшихся запасов, которая ушла в землю. Воды осталось совсем мало, но Чайка ее пощадил. Если уничтожить оставшиеся резервуары, но начнется тотальная жажда, а за ней и голод. В жарком климате вода была гораздо ценнее еды. Конечно, общая паника достигнет предела, но Федор итак был доволен результатами. Народ открыто возмущался сенаторами, которые не могли его защитить даже в закрытом городе. Беднота простаивала в очередях полдня, чтобы получить свою порцию воды, но у сенаторов воды было вдоволь. И у римлян тоже. Федор постарался, чтобы простые люди об этом знали. Его пропаганда работала не хуже сенатской, обещавшей за его голову столько золота, что можно было купить целый особняк и корабль в придачу.

За оставшееся время он провел ряд мелких нападений на «присутственные места» в разных районах Карфагена, каждое из которых сопровождалось столкновением недовольного народа, умело подстрекаемого людьми Чайки, с солдатами сената, а несколько раз и со спартанцами Эндимиона. Но, чтобы не делал Чайка, район особняков знати, где жили сенаторы, он пока специально не трогал, усыпляя их бдительность и заставляя чувствовать себя в относительной безопасности.

Эндимион, как сообщали Чайке его шпионы, был в ярости. Он рассылал карательные отряды по всему городу. Его солдаты перевернули весь Карфаген, но смогли поймать лишь несколько десятков простых боевиков, казнив которых на рыночной площади, при большом стечении народа, объявили во всеуслышание, что Федор Чайка найден и обезглавлен.

Федора эта информация лишь позабавила, но, он увидел в этом знак, – пора было переходить к главному. Ждать дальше нельзя. Ведь все его прежние действия были направлены лишь на то, чтобы отвлечь внимание от операции, которую он давно задумал, – налет на особняк Баркидов, где томилась в плену его семья. «Официальным» же поводом был, конечно, сам Марк Клавдий Марцелл. После активизации повстанцев была опасность, что Марцелл попытается перепрятать пленников, но из города ему все равно было не сбежать. Федор, однако, решил не тянуть с налетом. Он слабо верил, что в один прекрасный момент здесь появится огромный римский флот, прорвет окружение и освободит Марцелла, но, мало ли что может произойти на войне. Главное было не дать ему ускользнуть.

Чтобы нанести удар по особняку Барка, помпезному зданию, находившемуся в старом городе и выстроенному на холме, неподалеку от военной гавани Карфагена, нужно было иметь недюжинную смекалку, не говоря уже о людях. Все последние дни Федор проводил над картой, рассматривая подступы к «главному объекту» и размышляя, как лучше проникнуть внутрь.

Он отлично помнил это здание. Несколько лет назад, бывал в нем вместе с послом Ганнибала к сенату, его братом по имени Магон. Было это в те далекие времена, когда он еще ходил в друзьях сенатора с таким же именем. В тот раз брат Ганнибала едва выжил, – удар ножом на темной улице едва не стоил ему жизни, а расследование, которое возглавил сам сенатор Магон, так ни к чему и не привело. Теперь, по прошествии лет, Федор почти не сомневался, что заказал убийцам брата Ганнибала тот же самый человек, что и расследовал потом это убийство. Чего не сделаешь ради власти. К счастью, брат великого тирана выжил и

сейчас находился вдали от двух основных театров военных действий, – Италии и Карфагена, – командуя группировкой войск Ганнибала в Испании.

Тогда, покидая столицу, Федор несколько раз посещал по делам службы этот роскошный особняк. Это было не менее помпезное здание, чем вилла сенатора, окруженное высокой оградой. У массивных ворот обычно находилось так много солдат, словно это был штаб армии, а не просто жилой дом. «Впрочем, – припомнил Федор нынешний дворец Ганнибала в Таренте и обстановку царившую в нем, – дом, где живет Ганнибал, никогда не похож на обычное жилище, это всегда штаб какой-нибудь армии. Он все же военный вождь, не зря же армия его так любит».

До ранения Магон Барка принимал его в просторном кабинете, высокий потолок которого подпирали мраморные колонны. Федор, за последние месяцы привыкший к военному быту и лишениям, с ностальгией вспомнил, что в тот день посередине кабинета стоял шикарный стол с вином и закусками. Отогнав ненужные воспоминания, Федор постарался припомнить факты, – итак, особняк Баркидов был выстроен на холме, а с имевшегося огромного балкона открывался хороший вид на военную гавань. Здание окружено высокой оградой, за ней есть лишь одни главные ворота, от них к зданию ведет широкая мраморная лестница, украшенная статуями богов. В общем, несмотря на свою нарядность, дом хорошо подготовлен к обороне, подступы просматриваются.

– Надо бы разведать, насчет заднего входа, – подумал вслух Чайка, находившийся в одиночестве в потайных комнатах особняка на границе Мегары, предоставленного одним из сочувствующих купцов, – наверняка можно пробраться как-то сзади. Хотя и там, наверняка, тоже есть охрана.

Следующие пару дней шпионы Федора вели пристальное наблюдение за особняком Баркидов. Подкупив поваров и нескольких слуг, а кое-кого припугнув, удалось выяснить, что, кроме главного, в дом есть даже два невзрачных входа. Первый, «грузовой», в который могла заехать повозка, находился в конце боковой галереи, – через него в дом доставляли еду и необходимые припасы. Легионеры, которых здесь насчитывалось не меньше двух сотен, проверяли всех входящих и даже выходящих. Никто не мог проникнуть в дом без специального пропуска и пароля, который менялся ежедневно. Второй выход находился на заднем дворе особняка за оградой, в которой имелась небольшая калитка. Вход был также небольшим, одна дверь, обитая металлом, и вел в подвал здания. Чертеж подвала Федор так и не смог достать самостоятельно, а просить помощи у Шагара, то есть у Гасдрубала, он не осмелился. Слишком много вопросов могло возникнуть у одного из хозяев особняка.

«Вот вытащу Юлию, убью ее папашу, – прикидывал он, колдуя над картой из кожи, – потом пусть хоть казнят. Надеюсь, Ганнибал простит мне уничтожение своего имущества, если такое неожиданно случится».

Оба входа были теперь известны, но не до конца устраивали Федора. Не ясно было, как, даже в случае невероятной удачи, пройдя сквозь них, пробраться к пленникам. Но, была еще и канализационная труба, выходящая за ограду в сточную канву. Ее никто не охранял, поскольку она находилась за пределами особняка. А к местным канализационным трубам за последнее время диверсант Федор Чайка проникся некоторым уважением. Канализация Карфагена, чудо своего времени, была довольно широкой. В отдельные трубы можно было и на коне въехать. Правда, здесь все было гораздо скромнее.

Узнав о трубе, Федор сам посетил окрестности особняка Баркидов в обличье оборванного нищего, и убедился в том, что идея сработает. «Труба довольно широкая, – подытожил он свои получасовые наблюдения, – сюда и Летис пройдет». Почти сразу за канавой, которая играла роль оборонительного рва при возможно штурме, начиналась двухметровая металлическая ограда, литые прутья которой на концах напоминали копья. За оградой, несмотря на то, что это был задний двор, регулярно сновали римские патрули группами не меньше восьми человек. Снаружи, вдоль канавы, тоже иногда прогуливались легионеры. И все же, эта возможность проникнуть в дом, представлялась Чайке наиболее реальной. Прошмыгнуть между сменами патрулей внутрь было легче, чем пробиваться в

лобовой атаке сквозь один из возможных проходов. Впрочем, ради осуществления задуманного Чайка был готов пустить в дело все свои накопившиеся резервы, даже поставив под угрозу восстание.

Пленников, скорее всего, держали там, где располагался сам Марцелл, – в центральной части здания. Там находились покои Баркидов, их кабинеты для приема посетителей. «Вряд ли Марцелл станет жить в подвале, – рассудил Федор, – имея такие апартаменты. Он, конечно, ожидает нападения, но не слишком боится смерти, чтобы прятаться от нее в подвале. Думаю, он живет наверху».

Допрошенные слуги подтверждали, что видели несколько раз Юлию и мальчика, которых никогда не выпускали дальше верхних этажей. А труба канализации выходила в район кухни, находившейся на втором этаже, между подвалом и апартаментами. Именно там служили завербованные Чайкой люди, которым волей неволей приходилось ему помогать. В конце концов, Федор решил воспользоваться для проникновения именно этим входом. Однако такое решение неумолимо подводило его к мысли, – идти внутрь здания, напичканного легионерами, придется лишь с несколькими бойцами. Без лишнего шума много народа сквозь нее не протащить. Оставался последний вопрос, – как, в случае успеха, уйти от преследования вместе с пленниками. Пока что это Федору тоже было не до конца понятно.

Он решил рассредоточить у места выхода, – а вокруг замка был разбит небольшой парк, отсекавший его от ближайших улиц, – отряд из своих сторонников, которые должны были задержать преследователей. А для надежности, Федор раздобыл несколько лошадей, чтобы как можно быстрее покинуть место боя и спрятаться в городе, где он приготовил для беглецов надежное место, о котором никто не знал, даже Шагар. Там можно было отсидеться даже до тех пор, пока армия Гасдрубала не возьмет город, хотя до этого было не так уж и далеко.

– Мало проникнуть, надо еще перебить пару сотен охранников и вытащить пленников наружу, – сам себя ставил в тупик Федор, обдумывая пути отхода, – как бы это сделать? Пожалуй, без отвлекающего лобового удара все же не обойтись. Они же знают, что я способен на дерзость. Вот пусть и думают, что я собрался напасть с главного входа. Это даст мне немного времени. Ну а там, – помогайте боги! Решено.

К заходу солнца все бойцы, которых Чайка задействовал в операции по освобождению заложников, уже были рассредоточены в близлежащих кварталах. Без всякого сигнала, в определенное время они должны были выдвинуться на исходную и следовать письменным указаниям, которые Федор раздал командирам групп, каждый из которых выполнял только свою задачу и понятия не имел, сколько еще народа участвует в этом нападении. Ни один из командиров не знал другого. Федор слишком долго готовился к этому дню, чтобы его сорвал какой-нибудь неучтенный провокатор.

Когда пружина уже начала раскручиваться, Федор все еще находился в своем убежище, где он ждал Ксенбала. Оставалось одно небольшое дельце, о котором Федор в суматохе почти позабыл, – на рассвете должен был начаться штурм города. Гасдрубал надеялся, что этот штурм станет победным и ждал от Федора решительных действий. Сам же Чайка ни о чем, кроме собственного штурма думать уже не мог. Однако, война есть война, а он слишком долго был военачальником, чтобы из-за собственных чувств совсем позабыть о том, кому он служит. Поэтому Чайка принял соломоново решение.

– Ксенбал, – коротко объявил Федор свою волю заместителю, когда тот появился в назначенный час, вызванный секретным посланием, – если я не вернусь до рассвета, ты возглавишь восстание. Время уже назначено, это произойдет сегодня. Наши люди находятся на местах и ждут только сигнала. Как его подать, ты узнаешь отсюда, вскрыв его на рассвете.

С этими словами он протянул Ксенбалу небольшой свиток.

Ксенбал был единственным из начальников сопротивления, который действительно пользовался полным доверием Чайки. Он, молча, выслушал приказ и поклонился, не спрашивая, куда направляется Федор в такой час в полном вооружении, которое легко

угадывалось под его обычным хитоном. На этот раз Чайка даже надел усеченную кирасу, специально сделанную по его заказу подпольными оружейниками.

– Я буду ждать до рассвета, – подтвердил Ксенбал, – и все сделаю, как надо.

– Мы все давно ждали этого дня, – подбодрил его Федор, вкладывавший в свои слова совсем не тот смысл, который видел в них Ксенбал, – и вот он пришел. Так пусть же боги помогут нам.

Сказав это, он вышел на улицу, растаяв в быстро сгущавшихся сумерках.

Глава шестнадцатая **«Жертва»**

Когда Ларин пришел в себя и попытался открыть глаза, один из которых был немного заплывшим, – следы теплого отношения амазонок во время захвата, – то обнаружил над собой низкую крышу сарая. Она была так рядом, что Леха сначала решил, что повредился головой серьезно. Крыши, обычно делали гораздо выше от земли, а тут вряд ли можно было встать не то что во весь рост, а и в половину не разогнуться.

«Где это я? – как-то отстраненно подумал адмирал ушибленным мозгом, голова просто раскалывалась и мысли в ней ворочались очень медленно, – сарай какой-то».

Полежав так немного, он опять закрыл глаза и отключился, не заметив, был ли кто-нибудь еще рядом.

В следующий раз, когда адмирал пришел в себя, ему было уже лучше. Мысли ворочались гораздо быстрее, отчего Леха попытался припомнить, как он вообще здесь оказался. Припомнил. Память не отшибло. Да и заплывший глаз быстро напомнил ему, что профессию он себе выбрал в этой второй жизни отнюдь не мирную. Определившись со своим прошлым, Леха даже попытался оглядеться по сторонам, чтобы прикинуть свое ближайшее будущее.

Получилось это с трудом, поскольку руки и ноги у него были связаны, причем не только сами по себе, но и между собой. «Вот сволочь, – вспомнил Леха свою бывшую полюбовницу, благодаря которой здесь очутился, – хорошо еще гирю не прицепила или руки с ногами за спиной не связала. Так хоть чуток пошевелиться можно, и то ладно».

Закончив изучение крыши, он пришел к выводу, что с головой у него почти все в порядке, если не считать дикой боли. Крыша на самом деле находилась не выше полутора метров от земли. То ли это был хлев для свиней, то ли специальный острог для пленников, чтобы они ощущали себя не лучше животных, то ли все вместе.

От наблюдений низкого потолка Ларина вдруг оторвало шевеление, которое он уловил где-то с боку и, повернувшись, с большим удивлением увидел небритое и опухшее от побоев лицо Гиლისподиса. Грек уже давно смотрел на него, не решаясь заговорить. Позади пленного инженера копошился еще кто-то.

– Вот это номер, – расхохотался Ларин, и смех колокольным звоном прокатился по его голове, заставив дернуться от боли, – столько я за тобой гнался, друг Гиლისподис, а тут на тебе, вместе в одной тюрьме оказались. Вот судьба-злодейка, да?

Грек криво усмехнулся и кивнул, обнажив челюсть, в которой не хватало сразу нескольких зубов.

– Я смотрю и тебе досталось, – заметил Леха, устраиваясь так, чтобы было удобнее разговаривать, – вот, чертовы бабы, да? Что они с тобой сделали?

Ларина, наконец, осознавшего в какую ситуацию он попал, потянуло на разговор. Нужно было как-то снимать стресс, возможно, последний в жизни.

– Били, – коротко ответил инженер, – но, немного. Остальных сильнее. Видимо, они знают, кто я такой, потому и щадят.

– Ничего себе, немного, – опять усмехнулся Леха, – у тебя же вся рожа синяя. Ну да ладно, кто это там с тобой, остальные?

Гиლისподис, одетый только в рваную тунику, обернулся назад и кивнул. В отличие от

Ларина у него были связаны только руки, поэтому он мог устроиться поудобнее на подстилке из соломы. Леха же валялся вообще на сырой земле.

– Это мои подмастерья, – пояснил грек, который теперь слегка шепелявил, – семь человек.

– А почему семь, – насторожился Леха, – было же больше.

– Остальных убили, – переходя на шепот, сообщил грек, – когда вы напали, несколько человек попыталось бежать. Их закололи у меня на глазах.

– Бывает, – кивнул Ларин, – это война, а они, – жестокие стервы. Ну, ты это уже заметил.

Леха не стал сообщать Гиалисподису, что Иллур вряд ли огорчиться, узнав, что погибло несколько подмастерьев. Главное, чтоб выжил сам инженер. Но, и этого Леха ему пока сообщать не стал. Чего зря обнадеживать, неизвестно еще чем закончиться вся эта история. Ведь, судя по всему, Исилия шутить с ним не намерена. От любви до ненависти один шаг. Так, кажется, говорили в его прошлой жизни. «Так что, если хочешь жить, брат Леха, – попытался подбодрить себя пленный адмирал, ворочаясь на боку, который кололи всякие щепки и веточки, – смотри по сторонам и думай, как выбраться. Кто знает, сколько тебе времени осталось на твою разухабистую жизнь».

Он еще раз осмотрелся по сторонам. В этом хлеву, как его называл для ясности адмирал, царил полумрак, и в самом деле воняло каким-то навозом. Из нескольких щелей на крыше и в стенах пробивались жидкие солнечные лучи. Все помещение в длину было не больше десяти метров. Некое подобие двери, по размерам больше похожее на вход для собак, находилось в дальнем конце, за подмастерьями Гиалисподиса. Понятное дело, что никаких ручек ли засовов изнутри на ней не имелось. Ларин прислушался. Снаружи доносились привычные для кочевой жизни звуки: ржание коней, топот копыт и даже долетали обрывки разговоров сарматских воинов. Вернее, воительниц, Леха уже научился даже на слух различать разницу.

– Где мы, ты не знаешь? – начал бороться за жизнь Леха, закончив осмотр.

– Точно не знаю, – ответил инженер, – но, насколько я понял, нас везут в какой-то город. И до него уже недалеко. Мне сказал об этом один из подмастерьев, который понимает наречие этих женщин.

– А что случилось с теми, кто был со мной? – задал Леха вопрос, в надежде услышать, что Инисмею и остальным удалось-таки вырваться из окружения.

Гиалисподис смерил его озадаченным взглядом, словно сомневаясь, стоит ли говорить, но все-таки сказал.

– Они все погибли.

– Инисмей тоже? – не унимался Леха.

– Он попытался освободить вас, увидев, что амазонки захватили вас в плен, – осторожно рассказывал Гиалисподис, видевший все это своими глазами, – но их предводительница убила его собственным мечом.

– Сама? – Леха откинулся на жесткой земле, стиснув зубы, и скрипя ими в бессильной злобе – ну, погоди у меня, царица Еректа.

Словно в ответ на его слова, снаружи послышался стук копыт нескольких коней, затем звуки снимаемого засова, и лаз в дальнем углу открылся. Сквозь него, легко нагнувшись, внутрь походной тюрьмы проникла Исилия в доспехах. Воительница была без шлема, стан перетянут ремнями, на боку виднелись ножны с длинным кинжалом. Свой смертоносный меч она оставила снаружи. Здесь ей было некого бояться.

Щедро раздавая пинки башмаками тем, кто валялся у нее на пути, хозяйка Еректа, слегка пригнувшись, пробралась вдоль стены к тому месту, где лежал Ларин, и остановилась напротив него, вперив в морпеха пристальный взгляд.

Леха молчал. Желая позлить амазонку, он тоже поднял на нее свои глаза, один из которых еще носил на себе следы ласк, и так же пристально уставился на нее, изучая. Только что соскочившая с коня и разгоряченная быстрой ездой, Исилия была хороша. Она застыла

напротив него с распущенными волосами, наклонившись и скрестив руки на груди, словно статуя божества войны. Очень красивого божества, но очень грозного. Ее глаза метали холодные молнии. И, сколько не вглядывался в них Ларин, былой страсти и любви в этих глазах уже не было. Только лед обиды.

– Соскучилась, родная? – прервал, наконец, затянувшуюся тишину Леха, чуть приподнимая голову, – а я тебя ждал. Где ты была так долго?

– Добивала твоих солдат, – сообщила как бы невзначай Исилия, тряхнув волосами, – чтобы не помешали нам поговорить с тобой в последний раз.

– Ты так торопишься уехать? – усмехнулся Ларин, чуть наклоняя голову, – зря, у меня сейчас много времени.

Они говорили на понятном лишь им и одному из подмастерьев Гиლისподиса языке, остальные их не понимали. Да Лехе было уже все равно. Он кожей чувствовал холодную ненависть, сковавшую панцирем льда сердце воинственной красавицы. Исилия молчала, но, по ее лицу было видно, – тем, кто посмел ее отвергнуть, долго не жить.

Наконец, она вновь заговорила и губы ее слегка дрожали.

– Ты мог бы стать моим мужчиной навсегда, но ты выбрал себе другой путь.

– Прости, дорогая, но я не хочу стать предателем, – ответил ей Ларин, тоже становясь серьезным, – ничего не поделаешь, ты хороша, но у нас с тобой дорожки разные.

– Твой путь окончен, – заявила Исилия, внезапно чуть не срываясь на крик, – Завтра на рассвете вас всех принесут в жертву.

– Как, – неожиданно для себя задал глупый вопрос Леха, – ты казнишь даже наших греков?

– Они мне были нужны, только чтобы заманить тебя в ловушку, – горько усмехнулась Исилия, – и у меня это вышло очень легко. А теперь вы мне больше не нужны. Ни ты, ни они.

Леха был скорее озадачен, чем испуган, услышав такие признания. Он и не подозревал, на что может быть способна обиженная отказом женщина. Но, это был еще не конец.

– Я съем твоё сердце, – успокоившись, сообщила ему Исилия, любовно поглаживая ножны кинжала, – завтра, на рассвете. Когда мы принесем вас в жертву богам во имя нашей скорой победы.

Тряхнув волосами, она развернулась и гибкой кошкой вскользнула наружу. Минут пять в темнице царила тишина, Леха переваривал услышанное. А, когда, наконец, к нему вернулся дар речи, он посмотрел на Гиლისподиса и кратко перевел речь прекрасной воительницы.

– Слышь, Гиლისподис, – нам хана!

Грек, не понял ни слова из разговора бывших любовников, но по тону Исилии итак было видно, что она не комплименты пришла рассыпать. И все же ему не до конца было ясно, что хотел сказать Ларин. Чтобы у инженера не осталось сомнений, Леха пояснил.

– Завтра утром нас всех принесут в жертву. И меня, и тебя, и всех остальных.

На этот раз надолго замолчал сам инженер.

– Но, зачем же они так долго везли нас сюда? – не выдержал он, – столько мучили и били?

Ларин посмотрел на него с сочувствием и, сдержавшись, произнес:

– Лучше тебе не знать, инженер. Спокойнее умирать будет.

На грека было жалко смотреть. Остальным Леха не стал ничего переводить, и так слышали. Вместо этого он опять откинулся на сырую землю и, слушая нечленораздельные причитания инженера, стал размышлять. После оглашения приговора, он вдруг снова стал спокойным. «А чего переживать, – размышлял Ларин, разглядывая доски настила, – все равно казнят. Эта подруга слово держит. Обещала, значит сделает. Да еще сердце мое на закуску съест. А сердце отдавать, ой как не хочется. Да и вообще помирать не хочется, мне обратно в Крым надо, ждут там меня. В общем, выбираться надо. Времени у нас до рассвета, сейчас еще вечер. Думай, Леха, думай!».

Минут двадцать Леха размышлял, затем встал на четвереньки и подполз к одной из

небольших щелей между бревнами. Прильнул глазами и попытался хоть что-нибудь рассмотреть. Не много, но увидел. Держали их, то ли на краю деревни, то ли на каком-то хуторе. Но, вокруг был явно не город, – Ларин рассмотрел пару хибар и много деревьев с той стороны двора. На фоне светлого еще неба туда-сюда сновали воительницы, кто пешком, кто на конях.

«Значит, до Еректа еще не доехали, – вспомнил Леха, все, что знал о своем местоположении, – знать бы только, где она в жертву нас собралась приносить там, или прямо здесь, на опушке?».

Пораскинув мозгами, Ларин решил не тянуть. Если Исиля решила покончить с ним, то вполне может сделать это, не дожидаясь возвращения в Ерект. Там ведь ни Гатара, ни Оритии сейчас не было, значит, все это становилось только ее «личным делом». А она, как ни крути, полновластная хозяйка в этих местах. Да и последний разговор у них уже состоялся.

«Врет она, – вдруг со злобой подумал Леха, вспомнив о том, что сказала Исиля, едва появившись на пороге, – Должен же был кто-то остаться от моей армии. Ну, утечь она еще вместе с пленными могла, но солдат у меня больше было. Врет. Значит, надо бежать и к своим пробиваться. Они где-то тут, поблизости. Наверняка меня ищут по окрестным лесам и дорогам. Нам бы только развязаться».

– Эй, Гиლისподис, кончай ныть! – прошипел Леха, отворачиваясь от щели, – скажи лучше, у тебя есть какой-нибудь ножик неучтенный или гвоздь? От веревок надо освободиться и бежать.

– Отсюда не убежишь, – простонал Гиლისподис, уже готовившийся к встрече с богами.

– Это мы еще посмотрим, – сплюнул Леха и стал ползать по сараю, осматривая пол и стены. Вдруг где, какой гвоздь попадется. Остальные пленники, сжавшись в кучу смотрели на него, как на сумасшедшего. Но, Леха не обращал на этих безвольных смертников никакого внимания, хотя понимал, если убежит, – придется тащить с собой, как минимум, Гиლისподиса. Что значительно затрудняло побег. Грек особыми спортивными талантами не блистал, ни чета своим олимпийским собратьям, бегать не умел и в седле держался плохо. Да еще и не верил, что это вообще возможно, – убежать из такой тюрьмы. Но, Ларин был парень упертый, и не из таких мест бежал. «Там не сгинул и сейчас сбегу, – решил Ларин, – все равно, сбегу».

Понятное дело, на металлические гвозди он и не надеялся, но ему и деревянного было достаточно. Было бы чем узелок поддеть, остальное дело техники. «Русским морпехам, – думал Леха, продолжая поиски, – вообще оружие можно не выдавать, они голыми руками кого хочешь, удавят».

Пропахав на животе вдоль всей стены до самого входа, Ларин нашел-таки, что искал. Почти у самого лаза, исполнявшего роль двери, из косяка торчало пара деревянных гвоздей, которыми этот косяк и скрепляли. На полу Леха ничего не нашел, солома да голая земля. Ни одной подходящей палки. Будь у него больше времени, можно, конечно, было бы инженера с подмастерьями заставить подкоп организовать. Да только времени не было совсем, и Леха такую идею даже не рассматривал.

Кормить их никто не собирался, – зачем зря продукты переводить, все равно завтра всех казнят, – поэтому никто и не заходил к пленникам с досмотром. Леха надеялся, что успеет выдрать гвоздь. Главное, чтобы никому в голову не взбрело посетить их именно сейчас.

Увидев, что слегка обтесанная палка, которую он называл гвоздем, чуток торчит из бревна, Ларин ухватился за нее пальцами и попытался вытянуть. Бревно было не слишком массивным, требовалось только поднажать, как ему казалось. Однако, пальцами не вышло, слишком руки были стянуты у запястий. Только заноз насажал. Тогда Ларин, сплюнул от злости, ухватился за нее зубами и тянул до тех пор, пока со скрежетом не выдрал этот деревянный гвоздь. Так сильно сжал, что чуть не перекусил его у самого основания.

Гиლისподис, смотревший на действия своего начальника широко открытыми глазами,

решил, что кровный брат Иллур окончательно спятил. Но, Ларин только усмехнулся, подмигнув ничего не понимающему инженеру.

– Не бойсь, Гиалисподис! Где наша не пропадала.

А затем, на его глазах буквально за пять минут освободился от пут. Сложнее всего было развязать узлы, опутавшие руки, но тут опять помогли зубы. Они у Ларина были крепкие. Отец, в прошлой жизни сладкого не ел, и металлические гвозди на спор из стола зубами вынимал, не говоря уже о пробках от пивных бутылок. И Лехе все свои способности передал по наследству. Поэтому, главной трудностью было достать этот гвоздь, а остальное, – дело техники. Ларин взял его в зубы, воткнул в первый узел, поковырялся и тот ослаб. Затем также поступил со вторым и третьим. Узлы крепкие были, но простые. Ларин только посмеивался над амазонками, когда развязывал, – «не морячки, ясен перец».

Вслед за руками, он избавил ноги от пут. А, освободившись сам, Леха принялся за своих товарищей по несчастью. «Бежать, так всем, – решил brave адмирал, – они ведь сюда из-за меня попали».

Гиалисподис принял освобождение от пут даже с некоторой опаской.

– Но, ведь они же все вооружены, – пробормотал он, оглядывая свои потертые веревкой запястья, – они нас убьют!

– А если ты тут до рассвета останешься, – напомнил ему Леха, вновь прильнувший к расщелине, через которую увидел лишь быстро темнеющее небо, – они тебя по любому убьют.

Остальные греки посматривали в нерешительности то на командира кочевников, так ловко избавившегося от крепких веревок, то на потерявшего волю Гиалисподиса, который был у них до сих пор начальником.

– Я не побегу, – замотал головой инженер, обхватив себя за плечи руками, – не побегу.

Такого Ларин не ожидал. Он развернулся и в недоумении уставился на великого корабеля, чувствуя, как в нем закипает кровь. Темнота быстро сгущалась, и они видели друг друга уже в полумраке.

– Что ты сказал? – проговорил Ларин, делая шаг навстречу, и едва не переходя на крик, – я тебе «не побегу»! Я за тобой сволоч, три дня гнался и сам в плен попал, так что ты у меня побежишь, как миленький. Я тебя на себе понесу до Ольвии, если понадобится, а там уж пусть Иллур сам тебя казнит за трусость.

И такое на Леху вдруг накатило чувство, что он, не раздумывая, залепил Гиалисподису в ухо с ноги. Грек охнул и отлетел почти на два метра, укатившись к дальней стене.

– Живой? – спокойно поинтересовался Ларин, приблизившись.

Грек кивнул и сел, потирая ухо.

– Побежишь? – уточнил Леха, на всякий случай.

Тот опять молча кивнул.

– Вот так-то лучше, – похвалил Леха, и обратился уже ко всем, – действовать придется быстро, кто его знает, что там снаружи. Так, руки-ноги свободны, осталось придумать, как дверь выдавить. До рассвета время еще есть, разберемся.

Но, в этот момент снаружи послышалась возня. Кто-то снимал засов и готовился войти внутрь.

– Ну, вот и время пришло, – прошептал Ларин, напрягаясь, – я первый. Гиалисподис и остальные за мной. А там, как выйдет. Веселее, греки, на волю идем. За нее и помирать не страшно.

Глава семнадцатая «Особняк Баркидов»

Федор передвигался по ночному Карфагену, словно черная кошка, – неслышно и невидимо, – сказывался опыт последних недель. Он и раньше неплохо знал город, но теперь изучил его досконально, вынужденный жить на нелегальном положении и управлять

повстанцами.

Пройдя пару кварталов, он заметил на углу семерых человек, один из которых выделялся своим громадным ростом. Приблизившись к ним, Федор подал условленный знак, и отряд присоединился к нему.

– А я уже думал ты не придешь, – сообщил ему Летис, едва поспевавший за Чайкой, несмотря на свои длинные ноги, – давно тебя ждем.

– Зря опасался, – успокоил его Чайка, – не прийти я просто не мог.

Так они прошли еще три квартала по пустынным улицам, то и дело, сливаясь со стенами или растворяясь в подворотнях, когда поблизости начинали сверкать факелы бойцов Эндимиона. Наконец, они дошли до старого города и вскоре были уже на краю парка.

– Куда мы идем на этот раз? – поинтересовался Летис, запахиваясь в короткий плащ. Под ним скрывался целый арсенал холодного оружия, которому позавидовал бы даже «ниндзя» из будущего. Федор приказал ему хорошенько вооружиться для жаркого дела.

– Мы идем убивать Марцелла, – коротко бросил Федор, пропадая в тени деревьев.

– Кого? – не поверил своим ушам Летис, но ответить было уже некому.

Он догнал Чайку только на выходе из парка. Тот стоял за деревом и рассматривал особняк Баркидов, в котором было достаточно света, чтобы заметить и людей, спящих за окнами на верхних этажах и рыжие панцири легионеров, толпившихся во дворе. Канавка тонула во мраке, но это только радовало Федора. К месту выхода трубы он мог бы пробраться и с закрытыми глазами.

– Ты коней приготовил? – спросил Федор, услышав дыхание друга за спиной.

– Конечно, вон за тем холмом в ложбинке дожидаются, – ответил Летис, ничего не понимая, – конюх, – верный человек, с ним еще двое наших. Только, зачем нам кони, если мы убьем Марцелла? Или ты его хочешь украсть, а потом казнить?

– У тебя слишком фантазия разыгралась, – успокоил его Федор, – просто иди за мной и убивай всех римлян, которые встанут у нас на пути.

Когда семь диверсантов, все кто остался от первой «заброски», не считая Ксенбала, неслышными тенями обступили Чайку, он, наконец, объявил им о цели этой вылазки.

– Мы находимся у особняка, в котором прячется от нашего возмездия римский полководец Марцелл. Он также держит у себя двух ценных пленников, – женщину и ребенка.

Услышав о каких пленниках идет речь, Летис едва не раскрыл рот, чтобы уточнить, но Федор не дал ему и слова сказать.

– Сейчас мы проникнем в этот особняк через канализационную трубу и попробуем убить Марцелла, а затем освободить пленников. Если все выйдет, как я задумал, возвращаемся тем же путем назад и уходим через парк. Если нет...

Федор на секунду умолк.

– Если нет, то пробиваемся, как получится, и каждый может спасти свою жизнь.

Перед тем, как шагнуть из темноты к освещенному зданию, он добавил, как бы невзначай.

– Там много легионеров. Но наши друзья помогут отвлечь их ненадолго. Этого времени нам должно хватить.

Восемь черных фигур, неслышно заскользили между деревьев в сторону канавы. Федор рассчитал все верно, римский караул с факелами прошел мимо ограды пять минут назад. Чайка подождал, пока эти мерцающие точки уплывут подальше от нужного места, и первым беспрепятственно проскользнул в канаву. Перебравшись на другую сторону через вонючую жижу по колено в грязи, он прижался спиной к траве и прислушался. Чуть правее, метрах в трех, уловил журчание вытекавших из трубы нечистот.

«Ну, вот мы и на месте», – подумал он, но не спешил нырять в трубу, а лежал недвижимо, словно чего-то ждал.

Вскоре рядом с ним замерли все остальные, благополучно миновав канаву.

– Чего ждем? – подтолкнул его локтем сопевший рядом Летис, – скоро караул пойдет

назад. Где тут твоя труба?

Но Федор молчал, продолжая напряженно вслушиваться. Некоторое время до него доносился лишь хохот римских легионеров, находившихся сразу за решеткой ограды. Наконец, он услышал отдаленные крики и звон оружия. Это большой отряд повстанцев атаковал главные ворота. Тотчас и здесь, на заднем дворе, возникла суматоха. Послышались команды центурионов. То, чего он ждал так долго, началось.

– Вот теперь, пора! – выдохнул Чайка, распрямляясь, словно сжатая пружина, – за мной.

Он безошибочно привел группу к трубе и, осмотревшись по сторонам, пропустил вперед человека, который нес факел. В этом тоннеле, как ни крути, нужен был свет. Боец забрался в трубу, лишь на полметра возвышавшуюся над водой, исчезнув в ней. Следом туда втянулся Федор, потом Летис и остальные. Пока все это происходило, шум за оградой усилился, окрики начальников стали громче, но это сыграло только на руку диверсантам. Их проникновения в канализацию никто не заметил.

– Зажигай, – тихо проговорил Федор, когда все были уже в трубе, где даже Летис мог стоять, лишь слегка подогнув колени. Чайка рассчитывал на то, что они углубились уже достаточно, чтобы никто из караульных не заметил огня внутри.

Боец чиркнул огнивом, и просмоленная пакля воспламенилась, осветив покатые глиняные стены, обросшие слизью, в которой копошились мелкие червяки. Но, Федору было наплевать на всю эту пакость, он чувствовал себя уже в двух шагах от победы.

– Вперед, – приказал он факелоносцу, и добавил, посмотрев на остальных, – этот проход должен вывести нас в район кухни, оттуда мы попадаем на второй этаж и пробиваемся выше. Ищем пленников и Марцелла. Ну, а дальше, по обстоятельствам.

Метров тридцать они шли по прямой, выдирая ноги из скользкой жижи. Затем труба свернула направо, став чуть уже, а вскоре Чайка вообще был вынужден остановиться. Перед ним находилось разветвление. Одна труба шла налево, другая направо. «Черт побери, – озадачился Федор, лихорадочно размышляя, – да тут целая система, этого мне еще не хватало». Сердце бешено колотилось в груди. Он понимал, что цена ошибки слишком высока, – чуть-чуть замешкались и все, времени может не хватить. С другой стороны, он точно не знал, где находится Юлия и Бодастарт. Приходилось опять полагаться на интуицию. И он шагнул в правый тоннель.

Воняло здесь так, хоть надевай противогазы. Летис тихо ругался, то и дело, затыкая себе рот. Остальные тоже были не в восторге от выбранного способа проникновения, но молчали. Чтобы убить врага, на войне все способы хороши. А здесь им сообщили имя врага, за которое, в случае удачи, их всех могли так щедро наградить, что золота хватит до конца жизни. Сначала, правда, нужно было добраться до носителя этого имени.

Вскоре Федору стали слышаться голоса, говорившие по-латыни. Они доносились откуда-то сверху. Оттуда же в главную трубу через небольшие отверстия то и дело проливалась пахучая жидкость, которую было ни с чем не спутать. Когда очередная струя зацепила плечо Летиса, тот не выдержал и выругался.

– Федор, давай быстрее выбираться отсюда, а то мы, похоже, крадемся под самым римским сортиром. Если эти уроды узнают, что помочились мне на голову, я сгорю от стыда или перережу им глотки.

– Потерпи, – сообщил злобным шепотом Федор, сам едва не попавший под «обстрел», – скоро тебе представится возможность это сделать.

Через несколько метров труба вдруг стала подниматься вверх и сузилась почти вдвое. Продвигаться вверх, цепляясь за скользкие стены, по которым все время что-то стекало, стало так трудно, что Федору и остальным пришлось использовать кинжалы. По дороге Чайка видел несколько совсем узких труб, соединявшихся с главной. «Хорошо еще, что Ганнибал не догадался приказать установить здесь отсечные решетки, – подбадривал себя Федор, карабкаясь наверх, и стараясь дышать через раз, – а то я попал бы в глупое положение. Хорошую металлическую решетку в такой трубе даже Летис не разорвет».

Наконец, карабкавшийся первым боец с факелом, замер и подождав Федора, указал рукой вперед. Труба заканчивалась в трех метрах выше резким расширением, за которым тоже слышались голоса и явно работали люди. Время от времени, кто-то из них подходил к самому краю и выливал нечистоты, которые проскальзывали между ног диверсантов, раскорячившихся в трубе, обдавая их брызгами. Когда очередная порция помоев прошумела вниз, Федора обдало запахом рыбы.

– Кухня, – пробормотал он, – нам пора выходить. Гаси факел.

Первый диверсант осторожно положил факел на дно трубы и спустил его вместе с очередной порцией нечистот. Зашипев, обугленная головешка исчезла в темноте. А боец авангарда, тем временем преодолел последние метры трубы и, перевалившись через край, оказался снаружи. Федор последовал за ним с большим удовольствием. Он уже был полностью согласен с Летисом, – лучше смерть в бою с сотней легионеров, чем еще пять минут здесь.

Когда он выполз из трубы, то ожидал увидеть освещенное помещение и поваров в накрахмаленных передниках. Однако, действительность выглядела иначе, чем ее рисовало воображение. Здесь было мрачно. Отовсюду валил пар, и было так жарко от нагретых печей, что Чайка поначалу решил, будто попал в преисподнюю. Вместо чертей здесь имелись повара, которые управлялись с работой в обычных коричневых туниках, позабыв о накрахмаленных передниках. Из-за клубившегося пара диверсантов даже не сразу заметили: человек шесть поваров крутилось на кухне между печами с огромными кастрюлями, колдуя над приготовлением ужина для римских солдат.

– Тихо, – предупредил Федор, вынимая нож и хватая за тунику одного из молодых поварят, когда тот от испуга выронил кастрюлю с очистками, и та громко ударилась о каменный пол, – мы быстро пройдем, и нас никто не заметит.

Парень сразу же кивнул, ощутив холодную сталь у своего кадыка. Однако, не все повара были так сговорчивы. Один из них попытался крикнуть, позвав на помощь охранников, но крик застрял у него в горле. Бросок кинжала и одним поваром на кухне у римлян стало меньше. Остальные тут же затихли за своими плитами, быстро поняв, что этих измазанные грязью люди, появлявшиеся один за другим из канализации, шутить не намерены.

– Свяжите всех, кроме вот этого, – приказал Федор бойцам, выделив среди поваров своего «агента», – и сделайте так, чтобы они больше не шумели.

Услышав такие слова, повара решили, что их сейчас убьют. Но их только быстро спеленали нашедшейся в углу бельевой веревкой по рукам и ногам, бросив в темный угол и заткнув рты тряпками. Только одного, особенно нервного, Летис приголубил ударом кулака по голове, выключив сознание.

– Так надежнее, – пожал плечами здоровяк.

А Федор его и не осуждал.

– Где покои Марцелла? – спросил на латыни, озираясь по сторонам, Чайка у единственного повара, которому временно подарил свободу, – только быстро.

– Отсюда надо пройти по коридору до лестницы и по ней наверх, – пробормотал испуганный римлянин, – подняться на один этаж. Но... где дальше я не знаю, нас туда не пускают.

– Хорошо, – кивнул Федор, поигрывая лезвием кинжала, – пленники где, женщина и ребенок?

Повар посмотрел на него с изумлением, граничившим с обмороком, но нашел силы ответить.

– Наверное, там же. Нас туда не пускают. Наше место на кухне. Но... на лестнице много солдат...

– Это не твоя забота, – прервал его Федор, вытаскивая второй кинжал, и приказал Летису, – утихомирь и этого, некогда связывать.

Летис ударом кулака, не мешкая, отправил повара «отдыхать».

– А теперь настало время повеселиться, – выдохнул Чайка, – Марцелл живет выше этажом. Пора его навестить, идем на лестницу и наверх. Всех, кто встанет на пути, убивать.

Диверсанты бодрым шагом, словно только этого и ждали, направились вслед за ним, сжимая в каждой руке по кинжалу. Мечей у них с собой не было, слишком большое оружие, чтобы тащить с собой. Для начала им хватит и кинжалов, а все что нужно, они добудут себе в бою, – так решил Федор, отправляясь на это «дело».

В узком коридоре, что вел из кухни к лестнице, было уже не так жарко, но, к счастью пустынно. Зато уже в нескольких метрах впереди, где должна была находиться лестница, слышались римские голоса. Легионеры о чем-то жарко спорили, но даже сквозь их гомон Федор отчетливо слышал крики и звон оружия, доносившиеся снаружи. «Хорошо дерутся», – будто сами собой текли спокойные мысли в его голове. Добравшись сюда, Федор вдруг стал абсолютно спокойным. Решалась его судьба, и в этот миг он точно знал, что ему делать.

– Эй, Домиций! – донеслось до Чайки, который был уже буквально в полуметре от проема, выходящего на лестницу, – Марцелл хочет знать, что там изменилось с этими мятежниками. Жив ли кто-нибудь из них. Сходи к начальнику караула и узнай, живо!

– Бегу! – отозвался невидимый Домиций!

Федор поднял руку, и все диверсанты за его спиной замерли. Кода топот от подкованных башмаков Домиция пропал внизу, Федор выдохнул и шагнул на лестницу. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить обстановку. Лестница была сделана, пожалуй, со слишком большим шиком для лестницы, ведущей к заднему выходу. Она вся была выложена белым мрамором и огорожена коваными перилами, украшенными позолотой. Ганнибал себе ни в чем не отказывал. Но, не это волновало сейчас Федора, а наличие на ней солдат врага. Внизу, два пролета лестницы были свободны от легионеров, основная масса которых скопилась у парадного входа, заблокировав его от нападавших. Зато наверху, где виднелся широкий, почти парадный, вход с лестницы на этаж, у открытых дверей стояло четверо римлян в полном вооружении, при щитах и мечах. Пятый, центурион, был без щита. Он стоял, сложив руки на груди.

Ни слова не говоря, Федор шагнул на мраморные ступени и стал подниматься вверх. Несколько секунд римский центурион ничего не подозревал, разглядывая появившихся с кухни чумазых людей от которых воняло как из клоаки Максима и, лишь когда они приблизились на расстояние двух метров, начал что-то подозревать. Ни у одного из них не было в руках ни кастрюль, ни половников, зато каждый как-то странно держал свои руки, чуть отведенными за спину.

– Вы откуда? – спросил центурион, нахмурясь и, опуская руку на меч, – что-то я вас на кухне, раньше не видел.

– Мы новые повара, – просто ответил Федор, делая еще шаг навстречу и выбрасывая руку с ножом вперед, – готовим угощение Марцеллу.

Ответа он не услышал, кинжал вонзился в горло центуриону, рассекая тому кадык. Истекая кровью, мертвый римлянин стал заваливаться на Федора, и тот отскочил в сторону, выхватив его меч из ножен. Над ухом привычно просвистело еще два клинка, – Летис отработал сразу с двух рук, – и в дверном проеме просветлело. Сразу трое римских легионеров одновременно рухнули на белые мраморные ступени, залив их кровью. Зато остальные двое успели среагировать и, прикрывшись щитами, отразили пущенные в них кинжалы. Пока клинки со звоном падали на мрамор, Федору, хватило времени нанести ближнему солдату удар по ноге мечом центуриона. Тот взвыл от боли, рухнул на колени, и словно нарочно подставил ему свою шею под удар. Чайка, не задумываясь, рубанул гладием, и голова легионера покатилась вниз по ступеням.

Оставшийся в одиночестве римский солдат, увидев, как быстро эти чумазые «повара» разделались с его товарищами, отступил назад и поднял крик.

– На помощь! – орал легионер, отступая в коридор, – нападение!

Чайка бросился за ним, догнал в три прыжка, ловким движением выбил щит, затем меч и вонзил свой клинок ему в брюхо, распоров кожаный панцирь. Римлянин упал, но было уже

поздно. Федор бросил взгляд по сторонам: он стоял в центре круглой площадки, на которую выходило сразу три почти неосвещенных коридора и лестница. По левому проходу на крик своего товарища бежали римские legionеры, человек пять, снизу тоже кто-то поднимался. Но, в двух остальных было пока тихо и темно.

– Двоим прикрывать нас сзади, остальные быстро, сюда! – приказал Федор и бросился бежать по центральному коридору, который вел в ту сторону, где, должен был находиться кабинет Ганнибала и его покои. Там Федор и надеялся отыскать хозяина дома вместе с пленниками.

В коридор выходило несколько дверей, но охраны у них не было выставлено, что озадачило Федора. Он все же толкнул одну дверь, – за ней находилась какая-то кладовка, за следующей оказалась узкая спальня, но в ней Чайка увидел не Юлию с Бадастартом, а двоих людей, очень схожих видом с поварами. «Прислуга, – решил Чайка, – а чему еще быть рядом с кухней и задним входом». В ярости Федор захлопнул дверь и, не обращая внимания на звон оружия сзади, побежал дальше, благо коридор не заканчивался, а сворачивал налево.

Там он обнаружил еще одно расширение, где коридор опять раздваивался. Левый рукав со множеством дверей вел в центр здания, там виднелись люди в рыжих панцирях и с факелами, а правый в сторону стены. Там никого не было. Зато в конце этого короткого отрезка пути Чайка заметил, высокое окно и не удержался, чтобы не бросить взгляд на свалку, которая происходила снаружи. Подбежав к окну, он увидел слева от себя парадную лестницу, освещенную десятками факелов, и строй римских legionеров, которые, сомкнув ряды, сдерживали натиск вооруженной толпы, стоявшей из разношерстных бойцов. С первого взгляда Федор понял, что римлянам приходится туго, не смотря на выучку. Им никак не удавалось вытеснить нападавших обратно за внешнюю ограду.

– Отлично, – сказал Федор, отворачиваясь от окна, – основные силы связаны. Минут десять у меня еще есть.

И бросился бежать обратно по главному коридору, увлекая за собой остальных. Он был даже готов пока не трогать Марцелла, если тот вдруг сам решил возглавить отпор нападавшим, лишь бы найти Юлию.

– Что там? – коротко спросил он на бегу у Летиса, кивнув назад.

– Пока отбились, – выдохнул здоровяк, еле поспевая за командиром, – один из наших бойцов убит. Но, римляне о нас уже знают.

Федор больше ничего не спросил. Он бежал вперед по коридору, бешено вращая глазами, до тех пор, пока не выскочил на освещенное место, где горело множество факелов. Едва оказавшись там, он тут же узнал его. Это был верхний этаж парадной лестницы, по которой он уже когда-то поднимался. Здесь лестница заканчивалась, и начинались «присутственные места», – кабинеты, гостиные и спальни.

– Мы у цели, – решил Федор, но тут же понял, насколько трудно будет сделать последний шаг. Буквально метрах в двадцати ниже он увидел спины римских legionеров, – последнюю шеренгу, что защищала главный вход от нападения бойцов Чайки. А чуть выше стояла шеренга бойцов, состоявшая сплошь из командиров. Здесь было целых три центуриона и несколько опционных, наблюдавших за сражением сверху, – целый походный штаб, – чтобы тут же доложить командующему о последних событиях. Глянув поверх их красных плюмажей, Федор едва не взревел от счастья и предвкушения скорой мести. По коридору, упиравшемуся в раззолоченные двери гостиной, к нему навстречу шагал и сам командующий, – Марк Клавдий Марцелл в сопровождении четырех солдат с факелами. Его отполированная кираса блестела как на солнце. За ним виднелось несколько копейщиков, а за их спинами Чайка увидел бледную Юлию в длинном бордовом платье, тянувшую за руку Бодастарту. Замыкало колонну еще человек десять копейщиков.

– А вот и я! – взревел Федор, и, вскинув руку, словно кричал гончим псам «фас!», указал своим бойцам на главную цель, – Марцелл!

Все диверсанты, сгрудившиеся за его спиной, уже оценили ситуацию, поняв, что наступил главный момент. Не сговариваясь, они рассыпались по лестнице и рванулись

вперед, как и сам Федор. Шеренгу римских командиров они словно не заметили, – легионеры, конечно, увидели опасность, но ничего не успели сделать, нападение было внезапным и стремительным. Начав со своего излюбленного приема, метания кинжалов, – три трупа, – диверсанты схватились врукопашную. Чайка успел рубануть одного из опционов по шее, прежде, чем тот выхватил оружие. Остальные попытались оказать сопротивление, но хватило их ненадолго. В завязавшейся драке диверсанты действовали не только своими кинжалами, но и захваченными римскими мечами. Один из выживших центурионов на глазах Федора всадил меч в бок его бойцу, отправив на встречу с Баал-Хаммоном. Другой римлянин осыпал своего противника градом ударов. Пока Чайка атаковал очередного опциона, пытавшегося преградить ему путь наверх, он заметил, как Летис в ярости вращая мечом, обезоружил сразу двух центурионов. Затем гигант схватил их за ремни и перекинул через перила лестницы вниз. Оба рухнули на мраморные ступени следующего этажа, сломав себе шеи.

Покончив со своим противником, Федор встретился глазами с Марцеллом, их разделяло не более десяти метров. Мгновение тот смотрел с непониманием на странного простолюдина и его спутников, которые как котят раскидали его лучших воинов, а затем лицо римского военачальника искривила гримаса ярости.

– Убить их! – взревел Марцелл, вскинув руку, – убить эту тварь!

– Вижу, ты узнал меня! – прокричал ему Федор и, поднимая руку с последним кинжалом, завопил что было сил, – Юлия, я пришел за тобой!

Брошенный клинок рассек воздух у самой головы сенатора, но один из охранников закрыл Марцелла собой, отдав за него жизнь. Юлия, услышав знакомый голос, встрепелулась, вскинула голову. Едва увидев Чайку, он тут же бросилась к нему, но двое солдат схватили ее за руки, удержав на месте и едва не сбив с ног. Третий копеечник перехватил поперек тела Бодастарта, который отчаянно визжал и вырывался, тоже заметив отца. Остальные выбежали вперед, образовав шеренгу перед Марцеллом, который в этот раз не спешил биться с Чайкой один на один.

– Да ты стал трусом, – крикнул ему Федор, – прятешься за своих солдат. Но я все равно сейчас убью тебя, за то, что ты посмел поднять руку на мою семью.

Сжав покрепче меч, Федор шагнул вперед, но тут же присел, едва увернувшись от пущенного в него копья. Остальным диверсантам повезло меньше, – двоих римляне убили своими дротиками. Летис и Чайка с тремя оставшимися бойцами бесстрашно атаковали шеренгу копеечников и смогли даже развалить их строй, но за ней тут же образовалась новая. Боле того, из соседнего коридора, выходявшего на лестницу, хлынул поток римских легионеров, отсекая их от Марцелла и оттесняя обратно вниз. Федор в ярости размахивал мечом, убивая одного за другим, но полоса рыжих панцирей между ним и Юлией с Бодастартом, которых по приказу Марцелла силой волокли назад, только росла.

– Федор, – крикнул ему едва ли не в самое ухо Летис, в промежутках между ударами меча, указав вниз на ступени мраморной лестницы, откуда к ним приближалось, развернув строй, еще несколько шеренг легионеров, – их не спасти сейчас! А если мы с тобой погибнем, то и вообще не спасти. Надо уходить.

Чайка с болью смотревший, как ускользает от него шанс выволить семью, тем не менее, смог взять себя в руки. Им почти удалось. Не хватило каких-то десяти метров. Но, Летис прав, еще мгновение, и они сами погибнут, поглощенные это массой рыжих муравьев, которые лезли изо всех щелей. А если удастся спастись, то он обязательно настигнет Марцелла, где бы тот ни находился. Город в кольце, Гасдрубал в эти минуты должен был начать последний штурм.

– Никуда он не денется, – сплюнул на ступени Федор, проводя взглядом своего римского родственника, который вместе с его семьей и десятком охранников исчез за массивными дверями, не став дожидаться развязки, – Ты прав. Бежим назад, к трубе.

С размаху рубанув сразу двоих ближних легионеров, он оттолкнул от себя мертвые тела, и бросился обратно в темный коридор, путь в который вот-вот должны были отрезать

солдаты врага. Летис и еще один боец, заколов своего противника, устремились следом.

Здесь, к его удивлению, путь был еще свободен. Видно, римляне с заднего входа в суматохе потеряли их, Федор с бойцами передвигался очень быстро. Преследователи отставали от них буквально не двадцать шагов. Впрочем, как выяснилось, свободной дорога была недолго. Пробежав до следующей развилки, они заметили человек десять легионеров, двигавшихся им навстречу по коридору. К счастью бежали они без факелов, а сквозь темноту за их спинами Чайка разглядел спасительный выход на другую лестницу, откуда было рукой подать до кухни. Идею выпрыгнуть в окно он отменил сразу. Окна здесь были узкие, рамы крепкие, да еще высоко.

– Пробиваемся, – тихо приказал Федор, и они устремились навстречу римлянам, сжимая оружие. У него в руке был меч и один кинжал, который Чайка успел выдернуть из мертвого легионера. У Летиса также. Чем был вооружен последний боец, Федор не видел.

– Эй, – крикнул им, трусивший впереди опцион, приняв за своих, – вы видели здесь мятежников, которые пробрались через черный ход?

– Впервые слышу, – ответил Чайка по латыни, стремительно сближаясь с ним.

А когда расстояние позволило, он сделал яростный выпад и насадил опциона на меч, который с чавканьем погрузился в живот, пробив кожаный панцирь.

Бой в тесном пространстве и темноте был жестоким и скоротечным. Удар, толчок, пригнуться, уйти в сторону, еще удар в живот, кровь брызнула на лицо, римский меч просвистел над головой, удар плечом, толчок ногой, рывок вперед и вот она, свобода. Стоны и предсмертные хрипы рядом, а потом, позади.

Оглянувшись назад, Федор увидел лишь силуэт Летиса, пробившего себе вслед за ним дорогу сквозь строй римских солдат. Третьего диверсанта он больше не видел. Не оборачиваясь, опьяненные кровью они выскочили на лестницу, где опять, словно во сне состоялась еще одна молниеносная схватка, стоившая жизни четверым легионерам из примерно десятка, что там находился. Не обращая внимания на крики и проклятия, что неслись им вслед, друзья сиганули через перила вниз, приземлившись на следующий пролет. А оттуда успели втиснуться в узкую дверь, что вела на кухню, прежде чем поднимавшиеся по лестнице легионеры сумели ее перекрыть.

Ворвавшись в полумрак кухни, Федор скорее почувствовал, чем увидел в углу еще двух римлян, которые пытались развязать веревки на поварах. Он не пожалел для них последний кинжал, а Летис свой меч. Еще мгновение и они были у входа в «подземный мир».

– Давай, – подтолкнул окровавленный Федор своего друга, замешкавшегося на мгновение при виде это вонючей трубы, – еще немного дерма и мы на свободе.

Когда вконец измученный Чайка в сопровождении единственного выжившего друга, чудом миновав несколько патрулей, добрался до особняка в Мегаре, и ввалился в потайную комнату, открыв дверь имевшимся только у него ключом, Ксенбал все еще сидел за столом, разглядывая свиток.

– Это уже не нужно, – выдохнул Федор, выхватывая у него папирус грязными руками и сминая его пальцами, – я все сделаю сам.

Распахнув окно, он посмотрел на рассветное небо, на котором появилась отчетливая алая полоса. Затем ее вдруг перечеркнула яркая огненная линия, потом еще одна, следом вспыхнул огненный шар на одной из башен, освещая все вокруг. До ушей раздавленного горем Чайки донесся далекий шум начинавшегося сражения.

– Гасдрубал пошел на приступ, – сообщил Федор, отвернувшись от окна, – и мы должны помочь, ему. Все люди готовы, пора выступать.

Ксенбал скользнул взглядом по его окровавленному наряду, ухмыльнулся и, молча, кивнул.

Глава восемнадцатая

«Побег»

По приказу Ларина все греки отошли в дальний угол и сели на землю, приняв свой прежний вид опутанных веревками пленников. Только он один притаился у дверей, вжавшись в стену. Оружия у него не было, но Ларин и без него был опасен.

В полумрак протиснулась воительница в доспехах, освещая себе путь факелом. Ее кинжал висел на боку, меча при ней не было. Едва амазонка сделала пару шагов, как звериным чутьем ощутила опасность, но среагировать на нее не успела. Адмирал не стал ждать, войдет ли кто-нибудь еще сюда, а просто нанес удар ребром ладони в горло. Амазонка захрипела, схватившись за него. Ее лицо посинело, факел выпал из рук, мгновенно подпалив солому, на которой сидели пленные греки. Леха, не теряя ни секунды, выдернул кинжал из ножен воительницы и воткнул его в сердце своей охраннице.

– Эх, сколько еще баб мне придется сегодня убить, – с сожалением произнес Леха, выдергивая окровавленное лезвие назад и опуская мертвую красотку на землю. Но, увидев разгоравшийся костер, прошипел, – а ну, быстро наружу. Добываем коней, и тикать, или в лес. Как повезет.

Он еще не знал, как ему действовать, но решил полностью положиться на судьбу. Леха уже не управлял событиями, он лишь знал, что медлить нельзя. Подождав, все-таки мгновение, он не услышал новых шагов. Видно, эта воительница решила в одиночестве заглянуть к пленникам. Адмирал не стал догадываться, зачем ей это понадобилось, а просто, пригнувшись, выскочил наружу.

Здесь было темно, но Ларин мгновенно оценил обстановку. У входа стоял конь с притороченным длинным мечом. Больше никого. Пять воительниц сидело у костра метрах в десяти от тюрьмы, поедая мясо кабана. Никаких факелов вдоль амбара укреплено не было, поэтому костер оставался единственным близким источником света. «Неужели эти пятеро и есть вся моя охрана, – удивился Леха, приближаясь к коню, чтобы сдернуть меч, – низко же ты, Исилая, меня ценишь».

Но, посмотрев в другую сторону, он заметил множество костров под сенью леса. Костры почти окружали их тюрьму, но в одном направлении их было поменьше. Туда Леха и решил бежать. Амбар стоял чуть в стороне от дороги, и примыкал к единственному дому, больше походившему на землянку. Значит, их действительно держали на каком-то хуторе по пути в Ерект.

Когда он сдернул меч, амазонки оторвались от еды и что-то крикнули ему, приняв за свою подругу. Но, тут же почуяли неладное, увидев свет, вырывавшийся из открытой двери амбара и пленников, выбегавших наружу в исподнем.

– Туда, – крикнул Леха, вынимая меч из ножен, и указав остальным направление для побега, – бегите туда, я вас прикрою. И догоню.

Едва увидев амазона, Гиисподис замер, как вкопанный, но Ларин дал ему хорошего пинка. Этого хватило, чтобы привести инженера в чувство.

– Бегом! – рявкнул он, перехватывая кинжал в свободную руку.

Увидев блеснувшее лезвие, грек припустил, как ошпаренный. Остальные пленники устремились туда, где можно было хоть как-то затеряться среди деревьев. Там Ларин увидел черную полосу леса, свободную от костров. Это хоть немного обнадеживало. Но, прежде пришлось разобраться с охраной.

Первую амазонку, что была ближе всех, он убил с лета, метнув кинжал. Высоченная девица, неслась на него, размахивая мечом, но, получив кинжал в грудь, рухнула замертво в паре метров. Ларин быстро вскочил на коня, – так у него было хоть какое-то преимущество.

Дернув поводья, он пустил сарматского коня в атаку и сам напал на амазона, наступавших на него развернутым строем. Длинным мечом воевать было удобно, это он оценил сразу, с размаху лишив головы вторую амазонку и серьезно ранив третью. С разрубленным плечом она упала под копыта коню, испустив сдавленный стон. На двух оставшихся пришлось потратить чуть больше времени.

Одна воительница едва не лишила его ноги, всадив свой меч в брюхо коня, буквально в сантиметре от его лодыжки, продырявив шаровары. Леха был одет в свои мягкие скифские

сапоги и шаровары, чему был несказанно рад. Доспехи с него сняли в беспамятстве, но белье и, главное, обувь, оставили.

Ответным ударом по шлему Ларин оглушил эту неистовую бабу, а на вторую бросил раненного коня, сшибив ту с ног. Увидев распластанное на земле тело, доспехи на котором поблескивали пряжками ремней в отсветах костра, Леха перехватил и метнул в нее свой меч, как копье, пригвоздив к земле навсегда. Оказавшись рядом, он еще раз осмотрел мертвую амазонку и, на всякий случай, добил оглушенную. Лишний шум ему был не нужен, а так он выигрывал хоть пару минут. Драку, вроде бы еще не заметили. Во всяком случае, никто сюда не спешил, чтобы преградить ему путь. Амбар находился чуть на отшибе, да и темнота свое дело сделала.

Ларин понимал, что это ненадолго. Пока везет, нужно торопиться. Он собрал все имевшиеся кинжалы, сдернул с плеча мертвой воительницы лук, подхватил колчан, и бросился вдогон грекам. Отмахав метров сто по пересеченной местности, он их догнал. Недалеко ушли. Гиалисподис вообще еле ковылял.

– Веселей, инженер, – подбодрил его Леха, хлопнув по плечу, и осматривая ближние костры, где спокойно отдыхали амазонки, – скоро дома будем. А сейчас вон туда прорываемся. Дотянем до леса, считай живы.

И первым устремился в узкий проход между двумя кострами, который вел напрямик в лес. Греки бежали за ним. Гиалисподиса приходилось тащить и пинать, чтобы он поддерживал хотя бы среднюю скорость. «Вот навязались на мою голову, – ругался Ларин, пробираясь от дерева к дереву, – может, бросить их к черту? Один выберусь».

Но тут же прогонял эти мысли. Без Гиалисподиса ему было лучше в Ольвии не появляться. Да и жалко было мужика, как ни крути, он ведь сюда из-за Лехиных амурных дел и угодил.

Беглецы смогли благополучно миновать несколько стоянок незамеченными, но у самого последнего костра их все же увидели. Поднялся крик. Засвистели стрелы над головой. Началась настоящая погоня. Одна из стрел порвала рукав рубахи беглого адмирала, пригвоздив ее к дереву. Леха в ярости выдрал лоскут и бросился дальше, но, услышав позади стон, остановился.

Лицом в землю лежал мертвый грек, со стрелой в спине. Леха перевернул его и с облегчением увидел, что это не Гиалисподис. Тот нелепо скакал по кочкам чуть в стороне, но, хвала богам, хоть не стоял на месте в ступоре. В такой темноте Ларин боялся, что все его подопечные разбегутся, кто куда и сгинут, передавленные конями амазонок. Нужно было их хоть немного притормозить. Леха выдохнул, натянул трофейный лук, приладил стрелу и, одну за другой, выпустил весь запас, проредив вскочивших на коней амазонок. На тех, кто бежал, он стрел не тратил. Бегать и сам умел, а от коня далеко не убежишь.

Лехе удалось немного охладить пыл преследователей, – шесть коней теперь остались без хозяек. Не теряя больше времени он, отбросил пустой колчан с луком на траву и припустил дальше в лес. Почти на самой границе полной темноты, он догнал Гиалисподиса и остальных. Но в этой группе бежали не все, четверо подмастерьев в суматохе забрали чуть левее и вновь приблизились к кострам, где наскочили на отряд пеших амазонок.

Когда Ларин слышал душераздирающий вопль, ему стало ясно, с этой группой можно попрощаться. Подгоняя оставшихся беглецов, чтобы они стремились все дальше в лес, сам он на минуту остановился. Даже издали он смог уловить движения теней с мечами, которые иногда мелькали на фоне отдаленных языков пламени. Амазонки на этот раз никого не стали брать в плен. Ларину показалось, что он присутствует на забое животных, – так методично работали мечами амазонки, как заправские мясники.

«На какое-то время хватит, если они решат, что это весь отряд, – подумал он, снова переходя на бег, и придерживая заброшенный за спину длинный трофейный меч, – эти ребята, светлая им память, сослужили нам хорошую службу сами того не зная».

Впрочем, Ларин отлично понимал, когда весть о побеге дойдет до самой хозяйки Еректа, – у ее армии не будет более важного задания, чем отыскать оставшихся беглецов.

Сарматы находились в собственных лесах и поэтому, помочь беглецам могло только чудо. Чтобы оторваться от преследования, Ларин гнал своих подопечных до тех пор, пока они могли идти.

Вскоре они услышали шум, и вышли на пологий берег лесной реки.

– Я больше не могу, – взмолился Гиლისподис, падая на камни, – оставьте меня здесь.

– Ладно, отдохнем маленько, а я подумаю, – согласился Леха, – но, не расслабляться. Скоро дальше пойдем. Время сейчас работает против нас.

Получив разрешение, остальные тоже рухнули на камни без сил. Леха же, немного отдышавшись, прошелся по берегу реки, прислушиваясь и принимаясь ко всему. Погони пока не было, но он кожей чувствовал, Исилия уже знает. Нужно было бежать, как можно дальше, не останавливаясь. Ночь, как назло, выдалась лунной и безветренной. На небе уже выпали сотни звезд. Идиллический пейзаж дополняла река, блестящей лентой змеившаяся впереди. Река была не слишком широкой, вполне можно было ее преодолеть, но Ларину вдруг пришла в голову другая идея.

Морские плавания научили его немного ориентироваться по звездам, хотя в его обязанности это не входило, и, сверившись с ними, адмирал выбрал курс для дальнейшего продвижения. И этот курс почти совпадал с течением реки.

– Эй, подмастерья, – растормошил он, чуть не заснувших от усталости греков, не привыкшим к ночным марш-броскам по пересеченной местности, – а ну-ка отыщите длинное бревно или поваленное дерево.

– Мы будем разводить костер? – с надеждой простонал инженер.

– Нет, если не хочешь, чтобы на этом костре готовили еду из твоей туши, – не выдержал Леха, – просто дальше мы поплывем. Нам как раз по течению надо продвигаться. Не знаю, куда течет эта река, но куда-нибудь вынесет.

– Все лучше, чем идти, – нехотя согласился Гиლისподис.

– Давай, давай, – поторопил Леха еле двигавшихся греков, – проплывем десяток стадий, там и отдохнем до рассвета.

Вскоре нашлось не слишком большое дерево, с обломанными ветками, выброшенное на берег течением. Леха и подмастерья перенесли его в воду, а затем, уцепившись за ветки, поплыли по течению вниз. От постоянного напряжения у Ларина обострилось чувство юмора.

– Держись, мореманы! – шутил Леха в полголоса незнакомыми для греков словами, – сейчас рафтинг начнется.

К счастью никаких порогов на этой реке не обнаружилось. Течение было умеренно сильным и, когда дерево вытянуло на середину реки, его с приличной скоростью понесло вниз. Не считая Лехи, на стволе висело четверо. Все были уставшими, а тут еще вода оказалась прохладной, так что, вскоре всех пробиравало до костей.

– Может быть, уже пора причаливать? – молил Гиლისподис, – у меня скоро руки окоченеют.

– Еще немного, – оттягивал момент Ларин, всматриваясь то, в поросшие лесом берега, то в звездное небо, – надо подальше убраться от их лагеря.

Но, когда Инженер расцепил руки и едва не ушел на дно, Леха решил больше не тянуть. Он приказал грести всем к берегу, и вскоре бревно уткнулось в камень, а беглецы ощутили под ногами твердь. Вытащив изможденного Гиლისподиса на песок, Леха растер ему руки и ноги, убедившись, что тот не окочурился. Вскоре инженер, пробормотав что-то благодарственное, уснул мертвым сном прямо на песке.

После этого Леха разрешил отбиться остальным, осмотрев окрестности и оставив одного грека в дозоре. Место было тихое, дикое, поросшее лесом. Во всяком случае, так оно выглядело посреди ночи. Костров не разводили, не чем, да и сил не было.

– До рассвета еще есть время, успеем выспаться, – успокоил он подмастерьев, и добавил, обращаясь к дозорному, – А ты, если услышишь какой шум, сразу буди.

И мгновенно заснул сам, набрав охапку травы для подстилки.

Наутро Леха проснулся тоже сам, обнаружив, что дозорный дрыхнет на посту самым позорным образом. Осмотрелся по сторонам, сарматов не заметил, и материться не стал. Вместо этого, сделав растяжку и десяток отжиманий для согрева, прошелся по берегу, дав остальным возможность еще немного поспать. День предстоял тяжелый. Днем от погони уходить еще тяжелее.

Туман уже начал отрываться от реки и вскоре Ларин смог различить другой берег, хотя и не был уверен, что им туда надо. «Хоть какой-нибудь ориентир отыскать, – озадачился Леха, – а то придем прямо черту в пасть». К своему удивлению он тут же увидел ориентир, едва над рекой раздуло туман.

Метрах в трехстах от них находился небольшой мосток. Судя по всему, там проходила лесная дорога. «Раз есть дорога, значит, по ней иногда ходят люди, – рассудил Ларин, рассматривая мосток и поросшие лесом берега реки, – а в этой местности нам от людей нужно держаться подальше. Хорошо, еще что мы здесь на ночлег не стали, а то проснулись бы под мостом. Надо отсюда убираться побыстрее».

Он решил было переплыть реку, для надежности, но вокруг было так тихо, что Ларин отважился перебраться на другой берег по мосту.

– Подъем, лентяи, – разбудил он своих спутников, – пора в дорогу.

Пока его спутники, продирали глаза, озираясь по сторонам, Леха вдруг впервые ощутил, как он голоден. Не ел уже пару дней. Не до того было, то контузия, то плен. И, пока бежал, не вспоминал об этом. А тут вдруг вспомнил и сейчас, попадись ему кабан, задушил бы голыми руками и съел бы не зажаренного.

– Вперед, – прикрикнул на них Леха.

– Опять в воду? – промычал Гиლისподис, потирая распухшие ноги.

– Пока нет, – обрадовал его Ларин, и погладил свои кинжалы, – сейчас переберемся через реку вон по тому мосточку и опять в лес. Ну, а как осмотримся, добудем какой-нибудь еды.

Греки нехотя встали, но услышав про еду, приободрились. Никто из них охотиться не умел, разве что рыбу ловить, но рыбалка была сейчас непозволительной роскошью. Поэтому все быстрым шагом, направились вдоль берега за Лехой.

Пройдя положенное расстояние, они оказались на высоком берегу, края которого были соединены мостком шириной в десяток бревен. Река здесь становилась уже и заметно быстрее, с громким шумом петляла меж валунов, далеко разбрасывая холодные брызги. «Да, – поймал себя на мысли бравый морпех, разглядывая валуны, – еще чуть дальше и был бы нам рафтинг. Последний в жизни».

Не успели они взобраться на высокий берег и миновать мосток, как Леха, шедший на сей раз замыкающим, услышал за спиной конский топот. «Приплыли, – сплунул он от досады, – печенкой чуял, не надо было сюда лезть».

Разворачиваясь, Ларин уже знал, что увидит. Вернее, кого. Предчувствие его не обмануло. С холма быстро спускался отряд амазонок. Небольшой, человек десять. Но им вполне могло хватить и такого количества воительниц. Греков, как бойцов, можно было не рассматривать, а один Леха со всеми не справиться. Во главе отряда неслась во весь опор, погоняя взмыленного коня, хозяйка Еректа. Ее волосы развевались по ветру, выбиваясь из-под сверкавшего на солнце шлема.

– Нашла, все-таки, – усмехнулся Леха, вынимая трофейный меч из ножен, – вот, упертая баба.

Он махнул рукой грекам, уже перебравшимся на ту сторону, чтобы улепетывали со всех ног в лес. Может, кто и спасется. А сам остался стоять посреди моста, поглядывая то на бурное течение внизу, то на солнце, всходящее над лесом, то на приближавшуюся Исилею. Жизнь в то утро была хороша как никогда.

Хозяйка Еректа осадил коня перед самым мостом, едва копыта его застучали по бревнам, и резко спрыгнула вниз, сделав знак остальным амазонкам не приближаться.

– Он только мой, – предупредила она своих помощниц, оцепивших полукругом

подходы к мосту, – я сама с ним разделаюсь.

– Конечно, дорогая, – не стал спорить Леха, который и не думал бежать, хотя за спиной у него была видимость свободы. Он вдруг понял, пока Исилия жива, она его не перестанет преследовать, – настало время закончить наш роман. И лучше сделать это один на один, не стоит вмешивать в него твоих подружек.

Лицо Исилии потемнело.

– Я убью тебя сама, – произнесла она, выдергивая свой меч из ножен, – никто не лишит меня такого удовольствия.

– Ну, тогда приступай, – кивнул Ларин, уже давно державший меч в руках, нарочно ухмыляясь, чтобы позлить свою бывшую любовницу, – чего тянуть. Я уж думал ты меня не найдешь, надоело тебя ждать.

Солнце светило из-за спины Ларина, ослепляя воительницу, чей доспех и шлем блестели, как от огня. Исилия был без щита, что слегка уравнивало шансы, если не вспоминать о том, что Ларин был вообще без доспехов. Только рваная рубаха и штаны с сапогами защищали его от разящего меча амазонки. Да еще трофейный кинжал, закрепленный на поясе.

Исилия нанесла удар первой. Ее меч, блеснув на солнце, прочертил полный круг, едва не задев голову Ларина, и вырубил хорошую щербину в крайнем бревне. Перил у моста не было. Леха тут же попытался вонзить свой меч в открытый бок воительницы, но с непривычки не рассчитал силу удара. Длинный меч шел к своей цели слишком медленно. Амазонка успела изогнуться и мгновенно отступить назад, отразив удар, после чего тут же обрушив новый на голову несчастного морпеха. Когда ее клинок опять едва не отрубил ему ухо, Ларин отпрыгнул назад и остановился.

– Полегче дорогая, – проговорил он, усмехаясь еще шире, – так и ранить можно.

Исилия двумя руками подняла меч над головой и вновь бросилась в атаку.

– Я вырву тебе сердце, – пообещала она, в тот момент, когда Леха прыгал перед ней, как на горящих углях. Ее меч свистел, то над его головой, то под ногами, каждый раз проходя все ближе к плоти. Несколько раз воительница кончиком отточенного лезвия зацепила его шаровары и рукав, пустив Ларину кровь. Но, пока, все это были царапины, которых он не замечал. Сам же он отвечал один ударом на три ее выпада, едва успевая отражать бурный натиск амазонки, загнавшей его уже на дальний конец моста.

– А ты серьезно настроена, – издевался Ларин, стараясь разозлить ее и вынудить сделать ошибку, делая еще шаг назад и поглядывая по сторонам. Внизу бурлила река по камням, а сзади уже стал виднеться берег. За плечами Исилии он видел отряд амазонок, выстроившихся полукругом. «Где-то я уже видел такую сцену, – напомнила ему память, – и там тоже шла разборка из-за меня. Только я тогда, кажется, не участвовал. А здесь, при любом раскладе, не сбежать».

Прогнав из памяти окровавленный труп Тарнары, возникшей перед его глазами, Леха решил перейти в наступление. Бежать от Исилии он не собирался, гордость не позволяла. А сдерживать этот натиск сил у него надолго не хватит, Исилия итак уже трижды чуть не убила его. Подустал морпех, да и от сотрясения при захвате еще, видать, не совсем оклемался.

Перехватив покрепче меч, – для одной руки он был длинноват, им с коня воевать сподручнее, а просто махать, не очень, – Ларин нанес два мощных удара, вложив в них всю свою силу. И достал-таки царицу Еректа. Первый удар пришелся в плечо. Распоров доспех, меч срубил наплечник, обнажив окровавленную плоть. А вторым ударом он умудрился зацепить ее по шлему. Шлем слетел с головы сарматской воительницы, а ветер тут же разметал ее длинные волосы.

Исилия отступила к самому краю моста, покачнувшись и едва не выронив меч. Из ее плеча текла кровь. Ларин же был хоть изможден, но лишь слегка оцарапан. Понимая, что сил ей может не хватить, прекрасная амазонка, – Ларин просто не мог этого не признать, – с криком бросилась на него и нанесла короткий колющий удар, поразив морпеха в бок. Меч опять лишь скользнул по ребрам, но этого оказалось достаточно. Рана была серьезной, – меч

амазонки рассек ему мышцы, дойдя до костей. Кровь из раны тут же промочила рубаху. И Ларин, борясь за свою жизнь, перехватил ее руку с мечом, не дав нанести завершающий удар. Тогда Исилия, чье искаженное болью и ненавистью лицо было сейчас напротив лица морпеха, свободной рукой нанесла ему удар локтем в голову, чтобы освободиться от захвата. Леха едва не отправился в нокаут, – все зазвенело в ушах, – но руку с мечом не отпустил. Исилия вновь нанесла удар и Леха поплыл. Кровь вытекала из раны, силы уходили. Понимая, что еще секунда и ему конец, Ларин нащупал кинжал на поясе, выдернул его из ножен и с криком всадил Исилее под сердце.

Амазонка вздрогнула и затихла, глядя ему в глаза. С глухим стуком упал ее меч.

Несколько секунд они стояли, сцепившись, не имея сил даже оттолкнуть друг друга. Наконец, Ларин выдернул кинжал, а Исилия, обливаясь кровью, отшатнулась назад, к самому краю моста. Она зажимала рану рукой, словно пытаясь остановить кровь, и с недоумением смотрела на морпеха, будто не веря в происходящее.

– А ты прекрасна, дорогая, – выдохнул он, падая на колени без сил, – но вдвоем нам не жить.

Исилия вновь покачнулась, сделала еще шаг назад и рухнула с моста на камни. Шум воды заглушил удар от падения ее тела.

Все плыло перед глазами Ларина, но он все же увидел, как одна из воительниц с другой стороны моста натягивает лук, а вслед за этим ощутил жалящий удар в плечо. Стрела опрокинула его навзничь, и адмирал упал на бревна моста.

«Ну, вот и все, – решил Леха, глядя в бездонное небо, в котором сейчас не было ни облачка, – вдвоем нам не жить».

Он внезапно оглох, хотя продолжал еще некоторое время видеть, поэтому не услышал, как раздался позади него стук сотен копыт. Не видел, как из-за поворота лесной дороги появился отряд скифской конницы во главе с Уркуном. Как накрыл амазонок град стрел. Ничто не волновало морпеха, ведь он уже начал свое путешествие в мир богов.

Глава девятнадцатая

«Карфаген»

Ветер крепчал, но Чайку это совершенно не волновало, за свою долгую жизнь воина он совершил много морских путешествий и научился не бояться штормов. Никакой шторм не мог помешать ему сейчас, осуществить задуманное, пусть даже сам дух моря воспротивится этому. Квинкерема доверху груженная морпехами, мощным тарном рассекала волны Тирренского моря, приближаясь к берегам Италии. Благодатная Сицилия осталась позади. Следом за флагманом шел целый флот из тридцати двух кораблей, половина из которых тоже была квинкеремами. Остальное составляли триеры. Гасдрубал отдал Чайке большую часть своего флота.

Этот флот был полностью снаряжен для боевого похода и, при необходимости, мог даже осадить любой прибрежный город. Сил было достаточно. Но, не города волновали сейчас Федора Чайку, а маячивший на горизонте римский флот, пытавшийся ускользнуть от него.

– Я все равно догоню тебя, – скрежетал зубами Чайка, высматривая корабли неприятеля, – никуда ты от меня не денешься. Ни днем, ни ночью.

Непобедимый Карфаген пал буквально за два дня. Федор вывел на улицы всех своих повстанцев, которых к тому моменту насчитывалось уже чуть меньше пяти тысяч. Восстание охватило целые районы города, в одночасье преставшие подчиняться сенату. Эндимиону пришлось снимать часть войск со стен и отправлять их на подавление бунта в тылу. Именно этого и ждал Федор. Возглавив отряд из семисот человек, он лично атаковал и захватил часть крепостной стены и две башни, удерживая их целый день. Даже после кровопролитного сражения со спартамцами Эндимиона, Федор удержал свои позиции на стенах, дожидаясь

прорыва Гасдрубала.

Когда штурм начался, Эндимион продолжал предпринимать отчаянные попытки восстановить свою власть над утраченными районами города, но тщетно. Войск ему не хватало. Большинство из прибывших с ним спартанцев к этому времени были убиты. В одной из контратак погиб полководец Фест, – его правая рука.

Штурм Гасдрубала был мощнейшим. Приступы происходили постоянно, почти по всей длине стен. Брат великого полководца, вовремя получил информацию о восстании и направил свой главный удар именно туда, где ближе всего было до районов, контролируемых Чайкой. С потерями он не считался. Этот штурм должен был стать последним. К исходу вторых суток их разделяла лишь одна стена, – наружную захватили солдаты Гасдрубала, а внутреннюю повстанцы Чайки.

Проведя осмотр своих людей, Федор понял, что еще день он не продержится. Эндимион не прекращал попыток выбить его с захваченного плацдарма. И поэтому Чайка решил ускорить падение города. Вызвав к себе своих помощников, он объявил:

– Ксенбал и Летис, мы идем на приступ второй стены. Приказываю оставить здесь сотню самых стойких бойцов. Остальных берем с собой. Как стемнеет, открываем ворота башни и пробиваемся навстречу к Гасдрубалу. Я послал ему весточку, быть может, она успеет дойти. А нет, так он сам услышит о нас.

Оба его помощника, единственные оставшиеся в живых из диверсантов, кивнули. Им и без того было ясно, что Федор поступает верно. Даже в укрытии было трудно держаться против регулярных войск. Помогало то, что многие из бойцов сената то и дело дезертировали со своих постов, уходя в город и оголяя целые участки стен. До открытого перехода войск сената на сторону Гасдрубала было уже не далеко, – Эндимион казнил за предательство десятками прямо на стенах, и Федор сам видел несколько показательных казней, – но нужно было подтолкнуть ситуацию. И Чайка решился на новый приступ.

Когда стемнело, он, взяв фалькату и овальный щит, первым встав у ворот.

– Открывай, – приказал Федор Летису, бросив короткий взгляд назад, где толпились повстанцы в разношерстных доспехах, из которых за короткий срок ему удалось сколотить вполне приличную армию, справившуюся со своей задачей, – пора покончить с этим.

Здоровяк и еще трое бойцов сбросили на камни мостовой огромный брус, служивший засовом. И потянули на себя створки массивных ворот. Металлическая решетка была уже поднята.

Когда проход открылся, Федор вскинул фалькату вверх и прокричал «За Ганнибала!» устремившись в темноту ночи, подсвеченную лишь факелами. Они ворвались на небольшой оборонительный вал, который был насыпан по приказу Эндимиона, как раз на случай прорыва, ожидавшегося с другой стороны. Здесь их ждали, выстроившись за мантикетами римские legionеры, которых затребовал Эндимион, когда солдат сената стало остро не хватать. Первый бросок пилумов унес множество жизней, но и удар повстанцев был силен. Они разбросали мантикеты и опрокинули заслон legionеров, прорвавшись к новой башне. Идея о свободе и близком окончании войны заставляла их не бояться римских мечей и копий.

Фальката Федора рассекла в ту ночь немало панцирей, и отрубила немало голов в шлемах с красным плюмажем. Делал он это с упоением, дрался так, как никогда раньше. Чайка хотел быстрее разделаться со всеми, кто мешал ему быстрее вернуться в особняк Баркидов и освободить свою семью. Он не жалел своей жизни, уповая лишь на то, что боги не могут даровать ему смерть, до тех пор пока он не закончит свои дела. А дел у него было много.

Гасдрубал послал на приступ своих лучших людей, и пока Федор пробивался к башне изнутри, над стеной разгорелось целое зарево. Это заработали катапульты, осыпая защитников огненными снарядами. Вскоре, отправляя на тот свет очередного legionера, Федор выдернул меч из рассеченного панциря и услышал какой-то методичный стук, гулко отдававшийся под сводами башни.

– Это таран, – в ответ на его мысли, крикнул ему Ксенбал, сражавшийся рядом, – они хотят развалить ворота.

Легионеры, которых Федор с повстанцами уже прижал к стене, – римляне тоже дрались как звери, но их было меньше, – также услышали, что за спиной твориться не ладное. А когда массивные ворота треснули пополам и обрушились под ударами огромного тарана, конец был предрешен. Пехотинцы Гасдрубала хлынули в освободившийся проем и вскоре сомкнулись с бойцами Федора.

Когда Чайка узнал, кто именно командует прорывом, радости его не было предела. Вот отсветах пламени и облаке пыли, еще не осевшем после падения ворот, ему навстречу вышел воин в богато отделанной кирасе и, едва завидев, Федора, сначала остановился, не веря своим глазам, а потом обнял его за плечи.

– А говорили, что вы с Летисом в Нумидии, – усмехнулся в бороду Урбал, отстраняясь от Федора и обнимая гиганта.

– Это была военная хитрость, – пояснил Летис, и, поправив съехавший в драке шлем, добавил в полголоса, – у нас было задание.

– Я вижу, – кивнул заместитель Чайки, – вы тут неплохо потрудились.

– Быстрее назад, – проговорил Федор, когда объятия закончились, – наше задание еще не закончено. Нужно захватить Марцелла и сенаторов.

– Не беспокойся, – заявил Урбал, глядя, как мимо них пробегают десятки пехотинцев, устремляясь в прорыв, – теперь город будет взят быстро. Считай, он уже взят. Скоро здесь появится конница, и твои друзья никуда не денутся. Главное ты уже совершил.

Но что-то беспокоило Чайку, и он вновь стал торопить Урбала. Пока отряд пробивался в город, уже рассвело. Федор с друзьями взобрался на стену, чтобы осмотреться. И вдруг в рассветной дымке над морем он заметил нечто странное. Там, то и дело взлетали в небо огненные протуберанцы. Кое-где даже поднимались черные столбы дыма.

– Это еще что? – в недоумении перевел он глаза на Урбала, – вы решили напасть еще и с моря? Там же идет морской бой.

– Нет, – озадачился командующий прорывом, – никаких приказов атаковать город с моря я не давал.

Вглядываясь все сильнее, Чайка вскоре рассмотрел с десятков римских квинкерем, которые, прорвав окружение Гасдрубала, приближались к гавани Карфагена. Остальные еще не вышли из боя.

– К Марцеллу идет подкрепление, – пробормотал Федор.

– Это его уже не спасет, – усмехнулся его друг, – солдат у нас больше.

– Как знать, – еще тише сказал Федор, погрузившись в свои мрачные мысли.

С башни был отлично виден особняк Баркидов. Плохое предчувствие Чайки окрепло, когда он заметил, что из этого особняка вышел большой отряд римских легионеров, но направился не к стенам, для отражения атаки, а напрямик в порт, вскоре исчезнув среди высотных домов. Эти районы еще контролировались сенатом почти полностью.

– Он хочет сбежать из города! – вскричал Федор, – Быстрее в порт, они не должны уйти!

А когда Урбал замер в нерешительности, скользнув взглядом по широкой панораме уличных боев, охвативших почти все прилегавшие районы, за исключением портового и района особняков знати, добавил.

– У него моя семья.

– Тогда вперед, – не стал раздумывать Урбал.

Но, на пути продвижения войск Гасдрубала вновь встал Эндимион. Проклятый спартанец выполнял свой договор с сенатом даже перед лицом неминуемой гибели. Он еще долго держался за стены и башни, но сражение за центр города выдалось особенно ожесточенным. Эндимион лично возглавил его и сражался до тех пор, пока не погиб сам. Его тело, изрубленное на куски, Чайка увидел тем же вечером. Он был в ярости, но, несмотря на все усилия, до наступления ночи так и не смог приблизиться к району порта. Лишь когда

сопротивление здесь было сломлено, Федор проник вместе с большим отрядом отборных пехотинцев в торговую гавань и перевернул там все, но было поздно. Стало ясно, что римляне пришли не для того, чтобы помочь сенату отстоять Карфаген. Они пришли, чтобы забрать своего командира и солдат. Когда войска Гасдрубала овладели торговой гаванью, все римские корабли были уже в море.

Чайка в бессильной ярости был готов зубами разорвать Марцелла на куски. Но Марцелл был уже недосыгаем. Тогда гнев военачальника обратился в другую сторону.

– Теперь Магон мне за все заплатит.

Тем же вечером запылали особняки знати, и первым сгорел особняк сенатора Магона. Но, самого сенатора там уже не было. Судя по всему, он сбежал вместе с римлянами, как и остальные сенаторы. Ганнон тоже не был обнаружен. Лишь однажды удача улыбнулась Федору, – в особняке Ганнона он захватил его личного представителя, советника Асто. Того сгубила жадность. Воспользовавшись отсутствием хозяина, – который сбежал, не предупредив его, – он, зная, где тот хранит драгоценности, пытался вынести их вместе со своими слугами. За этим занятием его и застал Федор, явившейся с пехотинцами в особняк в поисках своих врагов.

Делал он это не только по собственной инициативе. Едва войдя в захваченный город, Гасдрубал приказал разыскать всех сенаторов и привести к нему, собираясь казнить их принародно. Но, в данном случае Федор сделал для советника исключение, избавив от мучительного ожидания.

– А, вот и ты, предатель, – хмуро приветствовал Чайка советника Асто, преградив ему выход из особняка с помощью своих солдат, – наконец-то я могу с тобой рассчитаться.

Советник побледнел от страха, выронив из рук несколько золотых перстней и медальонов. Его слуги замерли как соляные изваяния за его спиной.

– Помнишь меня, ведь это я видел тебя в Тарраконе, когда ты пытался продать нас римлянам? – поинтересовался Чайка, медленно вынимая из ножен фалькату, – Вижу, помнишь.

Советник в последней попытке спасти жизнь протянул Чайке горсть золотых цепочек и жемчужных бус, но Федор выбил все это из его ладоней ударом руки. Бусы запрыгали по мозаичному полу роскошного особняка, раскатившись во все стороны.

– Да ты обычная сволочь, – проговорил Федор, вынося приговор, – раз можешь предать своих за деньги. А значит, жить не достоин.

– Нет! – всплеснул руками советник, – он бросил здесь меня, бросил...

Но Федору было все равно. Он резко опустил меч на поникшую голову советника, и та укатилась вслед за бусинами. Вечером, убедившись в бесполезности дальнейших поисков членов сената, он был в печально знакомом особняке Баркидов, где уже вновь обосновался сам Гасдрубал. Находиться здесь Чайке было нестерпимо больно, но долг приказывал ему прибыть с докладом о поисках и аресте сенаторов.

– Они сбежали, – коротко сообщил Чайка, и расправил плечи, – все. Дайте мне флот, и я догоню их, где бы они ни были.

Брат Ганнибала, казалось, ждал такого ответа. Он уже был оповещен о внезапном прорыве римского флота и таком же внезапном бегстве.

– Марцелл решил спасти их в надежде на возвращение. Теперь они могут бежать только в одно место на всей земле, – ответил Гасдрубал, глядя в ночной мрак, где плескались волны соленого моря, – только в Рим.

Обернувшись к Федору, Гасдрубал не задержался с ответом.

– Бери все, что захочешь, но не дай им уйти. Сенаторы никогда не должны вернуться сюда.

Чайка настиг корабли Марцелла почти у самого Неаполя. Их было всего двенадцать. Все квинкеремы. Почти втрое меньше, чем было судов в распоряжении Федора Чайки.

– Они хотят пристать к берегу, – проговорил Федор, и жестом подозвал капитана,

который уже отдавал приказания матросам в предвкушении скорого сражения, – передать на триеры, пусть немедленно отсекут их от берега. Нельзя дать им войти в порт.

Пока триеры выполняли маневр, Федор понял, что они все-таки не успеют. Корабли Марцелла были уже слишком близко к берегу и две квинкеремы успели пройти сквозь водные ворота в осажденный город, но остальные капитаны судов, увидев приближение триер, поспешили уйти обратно в море. Этот нелогичный поступок сначала озадачил Федора, но в целом капитаны поступили верно. Скопление кораблей, шедших на малой скорости в порт, было отличной мишенью для триер. Немногие смогли бы добраться до цели. Теперь же они развернулись в боевой строй и, под прикрытием метательных машин, стали уходить вдоль берега.

Федор немедленно атаковал группу из пяти кораблей, которую удалось отсечь от Неаполя. Поджог и утопил три из них после abordажного боя, убедившись, что ни Марцелла с сенаторами, ни Юлии с Бодастартом на них нет. Он уже почти праздновал победу и собирался продолжить преследование, – пять оставшихся квинкерем под прикрытием дымовой завесы, быстро уходили в море, – но вдруг произошло нечто, заставившее его удивиться еще больше. Из бухты Неаполя вышло шесть римских кораблей местной эскадры, и атаковали его суда. Бой завязался нешуточный. Торсионные метательные машины рвались от напряжения, а в воздухе было так много огня, что, казалось, вот-вот загорится само море. Сражение было выиграно, но затянулось до темноты. В этом бою Федор потерял пять своих кораблей, но уничтожил все вражеские. Костер из пылающих останков римских кораблей на воде полыхал всю ночь, наводя защитников крепости на мысль о неминуемом конце.

Покончив с римлянами, Федор приказал встать на ночевку. Резко усилившийся к вечеру шторм помог беглецам оторваться от преследования, но он же мог и утопить все эти корабли, спешившие сейчас по направлению к Риму. Чайку беспокоили две пенетры, что вошли в бухту Неаполя и остались там. Зачем они вошли в гавань осажденного города и кто на них был? Этот вопрос требовал ответа, как и в равной степени другой: где Марцелл со своими спутниками, – в Неаполе или плывет дальше?

Во время схватки к нему в руки попало несколько римских офицеров, в том числе капитан одной из пентер. Чайка приказал привести их, едва оказавшись на берегу. Как ни стремился он отправиться в путь немедленно, этот проклятый шторм вынудил его пристать к холмам Неаполя, которые, к счастью уже контролировала армия Ганибалла. Еще до отплытия в погоню, Федор получил от Гасдрубала радостные вести. Почти одновременно со взятием Карфагена, наступил перелом и в войне на территории самой Италии. Ганнибалу удалось выиграть сражение за Тарент и перейти в наступление. Отбросив римлян от города, он быстро вновь подчинил себе всю Калабрию, разбив находившиеся там легионы союзников римлян и взяв Брундизий. Затем он распространил свою власть на Бруттий, освободив все южное побережье от легионеров, ну а Лукания, узнав об этом, восстала сама. Непокорные луканы, которых Федор еще в бытность свою легионером, отправлялся умирять, припомнили своим поработителям все. Лукания вспыхнула как факел, едва весть о победах долетела до непокорных горцев, а к ним присоединились и самниты. Под ударом тут же оказалась Капуя и Неаполь, а обе дороги на Рим перестали быть безопасными. Военные лагеря, колонии и поселения римлян были атакованы повсеместно. Остатки разбитых под Тарентом легионов, вынуждены были пробираться по своей земле к Неаполю и Капуе, как по вражеской. Владычество Рима на центральных землях было подорвано. Армия же Ганнибала росла день ото дня. В нее вливались все новые добровольцы. И к тому моменту, когда Федор догнал Марцелла у Неаполя, его окрестности уже подчинялись новому тирану. Лишь сам крепость еще была в руках римлян.

Так что, пока Гасдрубал не без помощи Чайки готовил падение Карфагена, Ганнибал постепенно отвоевал всю Южную Италию, не говоря о Сицилии. На Сицилии война со сторонниками сената также подходила к концу. Несколько городов держалось, но это был вопрос времени. «Когда они узнают о падении Карфагена, а эта весть до них долетит очень скоро, – размышлял Федор, – большинство решит сдаться. Выхода у них нет. Ну, а самых

упорных ждет смерть. Впрочем, с ними можно и подождать, сначала нужно уничтожить главное зло».

Высадившись на берег вблизи Неаполя, Чайка приказал немедленно найти лагерь войск Ганнибала и сообщить местным военачальникам о своем прибытии. А сам пока занялся допросом пленных, оставив на потом даже ужин.

Начать он решил сразу с капитана квинкеремы, которого привели к нему в шатер. Римлянин выглядел избитым, с рассеченной бровью и в окровавленных доспехах, разорванных во многих местах. Он стоял перед Федором на коленях со связанными за спиной руками, но Чайка не предложил ему встать.

– Марцелл плыл на твоём корабле? – спросил Федор, сразу переходя к главному.

Капитан отрицательно замотал головой.

– Нет. Он был на флагмане, а я лишь должен был охранять его.

– Значит, он уплыл на тех кораблях, которым удалось сбежать? – уточнил Федор, почти уверенный в своих догадках.

Капитан молчал.

– Твоя смелость и преданность Риму похвальна, – проговорил Чайка, поморщившись, и сделал несколько шагов к пленнику.

– Но, Риму скоро конец, – пообещал он, – так что, чем больше ты будешь говорить, тем дольше проживешь. Мне нужна информация о том, где сейчас Марцелл и его спутники. От того, что ты скажешь, зависит твоя жизнь. Пока что ты не сказал ничего, за что тебя стоило бы пощадить.

Капитан исподлобья взглянул на Федора и молча усмехнулся.

– Кто был на тех кораблях, что вошли в гавань? – взревел Чайка, теряя терпение. Он подскочил еще ближе к римлянину и в ярости пнул его ногой в грудь, – где пленники, говори!

Капитан упал на землю, но его тут же подняли два морпеха, находившиеся за спиной.

– Я солдат и служу Риму. Если Риму конец, – сплюнул капитан, – то я умру вместе с ним.

– Хорошо, – кивнул Федор, не моргнув глазом, я предоставляю тебе такую возможность, и, вынув фалькату, всадил ее в живот капитану квинкеремы, почти по самую рукоять.

– Уберите это бесполезное тело отсюда, – проговорил Федор, вытирая лезвие о доспехи мертвого римлянина, – и ведите остальных.

От остальных толку было еще меньше. Но их убивать лично Федор не стал, перепоручив это своим солдатам. Все, что удалось узнать, – на двух вошедших в гавань кораблях ни сенаторов, ни самого Марцелла не было. «Значит, там просто солдаты, которые успели первыми войти в гавань, – размышлял Чайка в одиночестве, при свете жаровни и под вой ветра, который грозил унести шатер, – а, может быть, это хитрость, чтобы сбить меня со следа и выиграть время? Если так, она почти удалась. Я до сих пор не знаю, был ли кто важный для меня на этих пентерах и узнаю только лишь, когда город падет. А Марцелл с пленниками, тем временем, достигнет Рима, скрывшись за его стенами».

– О, боги! – взмолился Чайка, внезапно падая на колени, посреди шатра, – не дайте ему достигнуть Рима! Завтра на рассвете, чтобы ни было, я выйду в море и настигну его. Но, клянусь, если ему все же удастся избежать встречи со мной в море, я найду его хоть в самом Риме. И никакие стены мне не помешают!

Едва он закончил молиться, как у шатра послышался конский топот и какой-то шум.

– К вам посланник от Ганнибала, – доложил морпех из охраны.

– Как, – изумился Федор, уже стоявший на ногах, – сам Ганнибал здесь? Немедленно впусти.

Явившийся гонец принес ему свиток, в котором действительно содержалось послание нового тирана. На словах он сообщил, что Ганнибал находился в лагере под Неаполем, обогнав свои основные силы с небольшим отрядом.

– Как это на него похоже, – усмехнулся Чайка, – предай, что я буду немедленно.

Когда гонец ускакал, Федор развернул папирус и быстро пробежал послание. Узнав о морском сражении и о том, что корабли Карфагенян под командой Чайки остались на ночевку, тиран немедленно затребовал Федора к себе. «Похоже, в эту ночь спать не придется, – подумал Федор, по старой привычке сжигая послание главнокомандующего, и выходя из шатра, – главное, чтобы он позволил мне продолжить преследование».

– Эй, коня мне! – крикнул он своим охранникам.

Взяв собой всего тридцать человек на всякий случай, – все же Неаполь еще не капитулировал, и от его защитников можно было ожидать вылазки в любое время, – Федор ускакал в сторону лагеря. Вокруг своего временного лагеря он не стал возводить стены, но выставил мощное охранение, чтобы местные жители не попытались нанести вред кораблям. Солдат у него хватало.

Ганнибал принял его в своем походном шатре, как всегда в доспехах и за столом, на котором были видны остатки скромного пиршества и несколько подсвечников, придававших походному жилищу слегка помпезный вид. Кроме него за столом находилось еще двое, – подлечивший старые раны Атарбал, командир ливо-финикийской пехоты, и предводитель конных отрядов, Магарбал. Обоих Федор не видел уже давно и рад был встретиться в добром здравии, особенно Атарбала, к которому питал особое уважение. Военачальники пили вино и обсуждали что-то, глядя на кожаную карту Италии, что была развернута перед ними.

– Чайка! – приветствовал его тиран, даже встав и обняв за плечи, – вот уж действительно сами боги послали тебя к нам в этот час. Проходи, выпей вина.

Чайка сел на свободную лавку и наполнил себе бокал из кувшина. Вино было терпким. Пока пил, осторожно изучал лицо Ганнибала. Оно было иссечено новыми морщинами, еще сильнее загорело и обветрилось. В остальном это был все тот же гениальный полководец с острым умом и пронзительным взглядом, рискнувший бросить вызов сразу двум сильнейшим врагам, – Риму и собственному сенату, – и тащивший на себе груз ответственности за все это и за тех, кто пошел за ним.

– Я здесь только сутки, – сразу перешел к делу Ганнибал, дав Федору немного прийти в себя после скачки, – и еще не получал новостей от своего брата. Последнее, что я знаю, он собирался начать решительный приступ. И, если ты здесь, значит, ты больше всех нас знаешь о судьбе Карфагена. Я вызвал тебя, чтобы узнать последние новости. Говори.

– Карфаген взят, – сообщил Федор, едва не добавив «Мой государь», таким важным казался ему сейчас Ганнибал, уже сумевший, несмотря на смертельную опасность, победить одного из своих главных врагов.

Ганнибал обменялся взглядами с Атарбалом и Магарбалом, а потом медленно перевел взгляд на Чайку и, скорее попросил, чем приказал:

– Повтори, я хочу услышать снова. Слишком долго я ждал этого.

– Карфаген взят. Сопротивление войск сената и римлян, что помогали им, сломлено, – медленно, с расстановкой, повторил Федор, но эти слова доставили ему гораздо меньше удовольствия, чем Ганнибалу. Своей цели он еще не добился. Но, Великий Карфагенянин, судя по всему, не заметил разочарования в голосе своего военачальника. Он был счастлив, как ребенок. Глаза Ганибалла загорелись таким блеском, словно он уже окончательно победил, а взятие Рим это детская забава. Федору даже показалось, что сидевший перед ним человек был абсолютно уверен, – с главной задачей он уже справился.

– Ты принес добрые вести, Чайка, – произнес Ганнибал, взглянув на карту, где немедленно постарался отыскать Рим, – теперь мы сможем сконцентрироваться на главном направлении. В тылу у нас больше нет врагов.

Федор ожидал, что этот честолобивый финикиец немедленно объявит народные гуляния по случаю взятия Карфагена. Но тот, похоже, не собирался отдыхать, пока не будет убит последний из его врагов.

– Кстати, что это были за римляне? – спросил Ганибалл, – за которыми ты гнался. Довольно большой флот.

– Карфаген пал под ударами нашей армии, – еще раз подтвердил Чайка, и добавил, –

но, наши главные враги уцелели. Более того, им удалось сбежать и сейчас они на пути к Риму. На этих римских кораблях из города перед самым прорывом ускользнули все наши сенаторы, включая Магона и Ганнона, а также сам Марцелл. Гасдрубал дал мне флот и отправил в погоню.

Услышав новое сообщение, Ганнибал, вздрогнул и резким движением отодвинул карту, едва не разлив чашу с вином.

– Ты не догнал их?

– Догнал, – спокойно возразил Чайка, посмотрев глаза своему облеченному властью собеседнику, – остальное, вы, возможно, видели. Я атаковал эскадру, настигнув ее у самого побережья Неаполя. Два корабля еще до боя укрылись в гавани, кто на них, я так и не узнал. Но, уверен, что Марцелла там нет. Скорее всего, он уплыл на тех судах, которым удалось ускользнуть от меня во время боя, и приказал остальным, во что бы то ни стало задержать преследование. Затем наступила ночь, разыгрался шторм. И вот я здесь.

– Его там действительно нет, – неожиданно заявил Ганнибал, указав на папирус, валявшийся чуть в стороне от подсвечника, – незадолго до твоего появления, я принял капитуляцию Неаполя. Разгром кораблей Марцелла на виду у всего города сыграл свою роль. Так что и здесь ты появился вовремя.

«Это как сказать, – подумал Федор, молча качая головой, – самого Марцелла и Юлию я упустил. Эх, если бы чуть пораньше».

– Военачальники, сдавшие город, – закончил мысль Ганнибал, – подтвердили, что ни самого Марцелла, ни других высокопоставленных чиновников там нет. Это легко проверить, но я знаю, они не врут.

– Конечно, – кивнул Чайка, – будь там Марцелл, город никогда бы не сдали.

Невольно Федор вновь с восхищением посмотрел на этого человека, который распоряжался судьбами мира. За один вечер тот получил сообщения о падении Карфагена и Неаполя, и при этом выглядел так спокойно, словно речь шла о простом деле.

– Он плывет в Рим, – уверенно заявил Атарбал, впервые открывший рот с момента прибытия Федора, если не считать короткого приветствия, – больше ему негде искать защиты.

– Пусть плывет, – вставил свое слово Магарбал, – ему все равно от нас никуда не деться. Кельты на севере Италии, уже начали новое наступление, и армия консула, что стоит у них на пути, задержит их ненадолго. Очень скоро они будут под стенами Рима. А если скифы после нашего послания успеют отправить туда достаточно конницы, то и еще быстрее. Мы подойдем с юга, и город окажется в кольце.

– Нет, – возразил Ганнибал, посмотрев на Федора, – его нужно догнать и перехватить еще до того, как он укроется за стенами Рима. Мы, конечно, немедленно начнем наступление, но там скопились остатки всех легионов и осада может затянуться. Марцелл так важен для обороны города, что сенаторы даже выслали за ним целый флот. Он надеется на него. И, если тебе, Федор, удастся захватить Марцелла и сенаторов по пути туда, то Риму будет нанесен смертельный удар еще до окончательной сдачи. Этот удар может сильно поколебать решимость защитников города и приблизит его конец. А нам сэкономит время и силы, а также жизни наших солдат.

«Вот за эти слова я тебя благодарю, – подумал Федор, едва не вскакивая со своего места, – поэтому я тебе и служу. Ты умеешь угадывать то, что не сказано». Чайка ни секунды не сомневался, что Ганнибал знает о пленниках, которых он ищет. Федор сам ему рассказывал о своей потере еще до отплытия в Африку. Но, Великий Карфагенин, ни словом, ни жестом не показал этого. Он лишь дал Федору шанс спасти семью.

– Неаполь пал. На рассвете мы выступаем в сторону Рима, – заявил Ганнибал, как бы вводя Федора в курс дела на случай его долгого отсутствия, – сил у нас достаточно. После падения Карфагена, нас больше ничто не отвлекает от последнего похода на Рим.

Он отпил вина, посмотрел на огонь свечи и, заговорил снова, дав понять Федору, что тот невольно стал участником военного совета. Последнего совета, перед решительным

броском на Рим.

– Благодаря мощному наступлению скифского царя Иллур, все главные враги македонского царя отправили большие армии на отражение агрессии скифов. Поэтому в самой Греции Филипп перешел в наступление и добился успехов, – продолжил свою речь Ганнибал, – Македонцы уже вторглись в центральную Грецию. Мне сообщают, что Афины, Фивы и Спарта отзывают своих бойцов с рубежей Истра, чтобы защитить свои метрополии. Греция вновь разобщена. Так что, Филипп Македонский поможет нам войсками. А затем мы разберемся и с Грецией. Конечно, диадохам Александра Македонского, что владеют Азией и Египтом это не понравится... но, их мы оставим на потом.

Ганнибал сделал еще глоток.

– Кроме того, если Иллур, занятый войной с сарматами, которую разожгли наши друзья из Рима, успеет справиться с этим вопросом, он пришлет свою конницу на север Италии. На помощь нашим кельтам. Если не успеет, мы справимся сами. Две трети италийских земель уже в моей власти. На Сицилии готовится к отплытию караван с мощнейшими осадными катапультами, которые подготовил для нас Архимед из Сиракуз.

– Жив еще, старик, – ухмыльнулся против воли Федор, вспоминая о своих приключениях в Сиракузах.

– Жив и тебя помнит, – сообщил Ганнибал, – римляне чуть не убили его и теперь он с радостью поможет нам сравнять с землей эту цитадель зла. Кроме того, Сиракузы выставят большой флот и помогут нам блокировать Рим с моря. Так что, пока ты будешь преследовать Марцелла, у тебя за спиной будет собираться целая армада.

– У меня достаточно кораблей, чтобы справиться с этой задачей, – заявил Чайка и встал, – позвольте мне отплыть немедленно.

Ганнибал смерил его понимающим взглядом и все же удержал в шатре.

– Шторм стихает, но еще не угас совсем. До рассвета есть время. Вряд ли ты уснешь, поэтому выпей с нами за взятие Карфагена и скорое падение Рима. А потом отправляйся в погоню.

От такого предложения Федор не смог отказаться, поэтому придвинул к себе чашу с вином и подналег на холодное мясо, поглядывая на Атарбала и Магарбала, которые уже успели насытиться. Его отложенный ужин, наконец, состоялся. Да еще, в какой компании.

Глава двадцатая «Помощь с севера»

Уркун подоспел вовремя. Полумертвого Ларина скифы отбили у амазонок и препоручили лекарю, который находился в обозе. Колдун был умелый. Он вынул стрелу, зашил рану на боку и еще неделю поил Ларина всякими отварами, прежде чем тот стал подавать первые признаки жизни. Этот колдун наотрез отказывался везти Леху в таком состоянии, куда бы то ни было, даже к царю, наказав лежать до особого разрешения. И Уркун, которому выпало командовать армией, подчинился.

Оставив своего хозяина, находившегося еще между миром мертвых и живых, под мощной охраной в одной из лесных деревенок, в отместку за Ларина он атаковал и сжег Ерект. Уркун не мог себе простить, что его не было рядом в тот момент, когда амазонки захватили хозяина. Рядом был Инисмей, и он поплатился жизнью, до последнего выполняя свой долг. Из трех ближних к Ларину людей, трех сотников, прошедших с ним немало дорог Уркун остался в живых один, и теперь мстил за всех.

Армию Исилеи Уркун рассеял по лесам, уничтожив большую часть. Остальные «осиротевшие» амазонки, когда угли от пепелища Еректы еще не успели остыть, сквозь леса подались в сторону Метрополя в надежде соединиться с армией Гатара.

Уничтожив главную крепость в этих местах и разобравшись с крупными соединениями, сам Уркун, под началом которого осталось около трех тысяч воинов, смог, наконец, переправить на побережье освобожденных Лариным греков. Сначала он отправил

гонцов к Арчою, который своим присутствием сдерживал армию сарматского царя и не дал ей продвинуться к осажденному Ереку, пока Уркун превращал его в пепел. Арчою пришлось провести два сражения, но он выдержал натиск сарматов и Гатар, смирившись с поражением, отступил в Метрополь. Там он находился и сейчас, зализывая раны и собирая новые силы. А скифы, стараниями Ларина и Арчою, теперь контролировали большую часть степей вдоль течения Борисфена от берега моря на юге, до самых гор на западе. Угроза захвата отодвинулась от границ Ольвии на значительное расстояние, но не исчезла совсем.

Арчой прислал отряд из трехсот человек за пленниками, которых никак не мог дожидаться Иллур, одновременно сообщив тому, что греки живы. Передав освобожденных корабелов во главе с Гилюсподисом людям Арчою, Уркун на этом не успокоился и отправил для их сопровождения крупный отряд в тысячу человек. Под мощным конвоем греки, наконец, прибыли в Ольвию, где их встретил обрадованный Иллур, так долго ожидавший выполнения своего приказа.

Царь был рад, что будущее флота снова было безоблачным. Однако, узнав о том, что его кровному брату едва не пришлось заплатить за это жизнью, пришел в ярость. Он приказал немедленно доставить Ларина в Ольвию, – колдун к этому времени уже разрешил Уркуну перевозить хозяина, все еще пребывавшего в бреду, – и, едва это случилось, предпринял ответные действия. Мобилизовав все свои ресурсы, Иллур пополнил третью армию, оставив небольшую часть людей охранять Крым с Ольвией. Спустя несколько дней он выступил в поход и соединился с амиями Арчою и Уркуна, которому оставил управление войском до выздоровления Ларина, посчитав хорошим командиром. Уркун и в самом деле неплохо справлялся, подменяя хозяина. Собрав все силы в кулак, Иллур в решающем сражении разбил Гатара и осадил Метрополь, предав его огню.

Сарматы отступили за Борисфен, но царь на этом не успокоился. Он уже почуял вкус победы и гнал их до тех пор, пока не очистил от сарматов все причерноморские степи, отогнав сначала за Танаис⁵, а затем, не дав врагам зализать раны, и за Гипанис⁶. Разгромленные остатки армии Гатара были вынуждены покинуть эти земли и уйти обратно на север, откуда пришли.

Когда Иллур вернулся в Крым, Ларин едва пришел в себя, провалявшись в бреду почти месяц. Его уже давно с разрешения царя перевезли из Ольвии в Крым, поручив заботам Зараны, которая и выходила его окончательно. Бравый адмирал был еще слаб, но на ногах стоял и даже развлекался понемногу стрельбой из лука вместе с сыном, который теперь не отходил от него ни на шаг. Появившись в Крыму, царь не стал вызывать кровного брата, а сам приехал в стойбище неподалеку от столицы.

– Боги даровали тебе новую жизнь, – обнял Иллур кровного брата, так крепко сжав его в объятиях, что Ларин невольно застонал. Раны еще давали о себе знать.

– Да, – не стал спорить Леха, щурясь на солнце, – Едва не призвали с себе, в небесную конницу, но, к счастью, передумали. Так что курган насыпать рановато.

Он посмотрел на безоблачное небо и добавил:

– У них там, конечно, хорошо. Спокойно. Да только я не люблю покой, и не тороплюсь туда. У меня и здесь дел хватает.

– Это верно, – подтвердил Иллур, еще раз осмотрев похudevшего брата, и хитро подмигнув, – как окрепнешь, есть у меня для тебя важное дело.

– Боспор, что ли брать? – догадался Леха, – так я уже, считай, окреп.

– Боспор, конечно, нужно наказать за помощь сарматам, но можно и подождать чутков, – озадачил его Иллур, скрестив руки на груди, – не велика задача. Я на обратном пути прошелся огнем по землям псессов и тарпетов, подпалил Фанагорию. Пока присмирят. Вот

⁵ Город Танаис стоял на одноименной реке, которая сейчас называется Дон.

⁶ Река Гипанис – Кубань, хотя многие исследователи ассоциируют это название с Южным Бугом.

придешь в себя, возьмешь флот, – Гиалисподис скоро еще пять кораблей спустит на воду, – и займемся Боспорским царством. Зажмем с суши и с моря, добьем греков.

Царь сделал еще пару шагов вдоль юрты Ларина, у которой они беседовали.

– Но, эти греки от нас никуда не денутся, – повторил царь, – вот увидишь, теперь мира просить будут. Сейчас дело поважнее Боспора открылось.

– Да что за дело-то? – не выдержал Ларин, окончательно запутанный недомолвками Иллур.

– Пришел ко мне на днях корабль издалека с посланником, – ухмыльнулся царь себе в бороду, – Ганнибал идет на Рим, помощи от нас просит.

– Ганнибал? – переспросил Ларин, словно впервые слышал это имя.

– Эта война нам большие пути на юг открывает, Ал-лэк-сей. Надо помочь, – проговорил Иллур, хитро прищурившись, – Так вот, мне нужен опытный командир конницы, которого я мог бы послать на эту дальнюю войну. Такого, чтоб дело знал, а лучше и связи на месте имел. У тебя, я помню, в друзьях один из военачальников Ганнибала ходит. Как там его зовут...

– А как же Боспор? – озадачился Ларин, поняв, куда клонит Иллур.

– Боспор подождет, – успокоил его брат, гнувший свою линию, – ну так что, хватит у тебя сил в седле усидеть или кого другого послать?

– Хватит, – заявил Леха, слегка покачнувшись, – не надо никого посылать. Сам отправлюсь.

– Ну, вот и отлично, – кивнул довольный Иллур, – кому еще поручить такое важное дело, как не кровному брату.

И добавил, уже вскочив на коня. Чуть поодаль маячили его конные охранники.

– Отправляйся завтра же в Херсонес. Тарман приготовил тебе корабль. На нем ты отплывешь к Истру, а оттуда вверх по реке вместе с отрядом всадников, что даст тебе Аргим. Он уже ждет.

– Как все быстро сладилось, – против воли ухмыльнулся Ларин, – Аргиму самому-то помощь не нужна? Как он там с греками управляется один?

– А я разве тебе не сказал? – также широко, во всю бороду, улыбнулся Иллур – македонцы напали на них с тыла и Афины со Спартой тут же развернулись назад. Сейчас их войска должны быть уже в Греции. Так что ты пройдешь до горной Италии вдоль Истра как по широкой дороге.

– Вот это да, – развел руками Леха, – сколько всего я «проспал». И сарматов без меня разбили, и греков прогнали.

– Если не хочешь проспать еще и взятие Рима, торопись, – предупредил его Иллур, вновь становясь серьезным, – у Ганнибала достаточно сил взять его и без моей помощи. Но, мы должны оказать ему эту услугу, чтобы в будущем, могли ждать того же и от него. Не далек тот час, когда наши державы станут граничить друг с другом. А с соседями надо дружить.

«Конечно, – подумал Леха, – только если это не сарматы и не греки, а с остальными можно». Но вслух зубоскалить не стал. Хотя и кровный брат, а царь, все-таки.

Простившись с семьей, через пару дней он уже стоял на палубе квинкеремы, отправлявшейся из Херсонеса во главе небольшой эскадры из десяти таких же судов. Это подкрепление царь скифов отправлял на помощь своей армии на Истре, несмотря на недобитый Боспор, который его, похоже, сильно не беспокоил. Теперь, после изгнания сарматов из Причерноморья, дни Боспорских греков были сочтены. Они больше не могли опираться ни на кочевников, ни на свою метрополию, в которой и без того дела шли все хуже и хуже. Единственной мощной силой поблизости от их небольшого государства, теперь стал царь скифов. Так что, Иллур был не далек от истины, предрекая день, когда послы Боспора явятся к нему «с повинной» просить мира.

За время плавания, которым командовал он сам, Леха в очередной раз подумал, что он уже столько раз по воле Иллур пересаживался из седла на корабль и обратно, что уже

окончательно запутался, кто же он есть, – командир конной армии или соединения кораблей. Получалось и то и другое. «Да, – веселился Леха, наблюдая за чайками в море, – для таких редких людей даже названия не придумано». Однако, жить ему эти метаморфозы совершенно не мешали. Даже наоборот, он любил смену обстановки.

– Ну, как ты тут, без меня, справляешься? – первым делом уточнил адмирал у Аргима, едва спустившись по сходням с корабля в дельте Истра.

– Трудно было без тебя, Ал-лэк-сей, – признался бородатый скиф, ухмыляясь, – еле отбился.

– Ну, тогда, показывай мою конную армию, – предложил Леха, опять превращаясь в предводителя конного воинства, – у меня для нее есть одно небольшое дельце.

Глава двадцать первая

«Рим должен пасть»

Почти три дня Федор гнался за призрачной мечтой, – буря сделала свое дело, дав Марцеллу целую ночь, – и переживал больше о том, чтобы караван римских судов не пошел по воле морских богов на дно раньше, чем попадет к нему в руки. Такой исход был бы для него хуже поражения в битве. Но, когда, он уже начал терять надежду, на горизонте вдруг показались пять остроносых силуэтов, которые он, не спутал бы ни с какими другими кораблями. Это были остатки эскадры беглецов из Карфагена, почти достигшие своей цели.

Утро выдалось солнечным, шторм давно утих, и погода стояла подходящая для плавания на веслах.

– Догнать! – рявкнул Федор на капитана, и указал на римские корабли, – выжать из гребцов последние силы, но догнать! Успеем, озолочу!

Капитан хотел возразить, пытаясь привлечь его внимание к чему-то на горизонте, кроме кораблей Марцелла, но Федор и знать ничего не хотел, поэтому пришлось, сначала выполнить его приказ. Флагманская квинкерема прибавила хода, оторвавшись от остальных, – позади Федора шел внушительный флот без малого из тридцати кораблей. Лишь затем капитан рискнул вновь.

– Боюсь, мы не успеем, – осторожно проговорил он, вновь указывая на столь близкий к беглецам берег, – они будут там раньше. А, кроме того...

– Успеем! – оборвал его Федор, метнув на него такой дикий взгляд, которому позавидовал бы сам Зевс, – ускорить ход!

Капитан умолк, поняв, что никакие доводы не помогут, и положился на волю богов, на всякий случай, отдав приказание готовить корабль к бою. Но, не эти пять кораблей беспокоили капитана, а то, что виднелось за ними. Эскадра Марцелла, явно потрепанная штормом, была уже в двух шагах от входа в большую гавань, устроенную в том самом месте, где в море впадала полноводная река. Позади насыпного мола, отделявшего гавань от моря, виднелся целый лес мачт и все они, капитан готов был поклясться, принадлежали к военным кораблям. Более того, на берегу, расстояние до которого стремительно уменьшалось, виднелись передвижения больших масс римских войск, которые явно заметили приближение карфагенской эскадры, оценив ее мощь по достоинству. Перед гаванью также курсировало несколько квинкерем, уже готовившихся встретить незваных гостей, появившихся так неожиданно, но Чайку, похоже, все это не интересовало. Он не мог оторвать взгляда от кораблей Марцелла, первый из которых уже начал заходить в гавань.

Преследование продолжалось еще минут двадцать, и лишь, когда укрепленный берег и городские кварталы, усыпавшие склоны окрестных гор, стали видны невооруженным глазом, Федор впервые «проснулся».

– Что это за город? – удивился Федор, только сейчас обратив на него внимание, – сдается мне, что я его уже видел.

Капитан не успел ответить, поскольку Федор, заметив, как уже третий корабль исчез в порту, опять закричал, чтобы ускорили ход. Даже когда, дорогу флагману попытались

преградить три римских корабля, открывшие огонь из всех баллист, Федор требовал продолжить преследование. Он не мог поверить, что последний из «беглецов» только что, на его глазах, вошел в гавань и пропал из поля зрения.

Но, боги хранили Федора. Флагманская квинкерема, чудом проскользнув мимо двух, направленных не нее таранов, ворвалась в гавань вслед за последним кораблем Марцелла. И только тут, воткнувшись в борт другого римского корабля, затормозила свой полет по волнам. От резкого удара, выстроенные у борта морпехи попадали на палубу. Сам Федор, едва удержался, схватившись за ограждение.

– Вон они! – орал Федор в исступлении, заметив на борту уходящего в глубину гавани корабля нескольких сенаторов Карфагена, – вон они! Догнать!

Сенаторы тоже заметили его, и Чайка прочел на их лицах неподдельный испуг. Видя, что добыча ускользает, Чайка взвыл от отчаяния, окончательно убедив капитана, что им командует сумасшедший. Он гнался за Марцеллом и сенаторами от самого Карфагена и почти догнал, но эти предатели ускользнули.

Удар каменного ядра, просвистевшего буквально в метре от его головы и превратившего в кровавую кашу сразу нескольких моряков, привел его в чувство. Чайка в изумлении посмотрел по стонам и увидел, что вокруг уже идет бой. Римский корабль, который они случайно протаранили, тонул, завалившись на борт. Но с двух других, подошедших с обеих сторон, уже с грохотом сбросили остроносые «корвусы» на палубу флагманской квинкеремы карфагенян, намертво прицепившись к ней, и римские морпехи готовы были вот-вот хлынуть сюда лавиной.

Федор скользнул взглядом по берегу, показавшемуся ему очень знакомым, и обнаружил, что в гавани было ужасно тесно от бесчисленных римских кораблей. Он и сам не заметил, как атаковал Остию, – морские ворота Рима, за которыми скопился весь оставшийся у сената флот. Здесь находилось почти пятьдесят военных судов, однако, внезапная атака Федора не позволила им выйти в море, заперев в гавани. Позади него слышался грохот сражения, – это еще несколько финикийских кораблей прорвалось в гавань вслед за флагманом ему на выручку. Цепь поднять было уже невозможно, поскольку в узком проходе образовалась настоящая пробка. Можно было запросто перебежать с одного берега на другой по палубам теснившихся кораблей.

Капитаны финикийских судов, которым было уже не пробиться внутрь, начали массированную бомбардировку зажигательными снарядами гавани и римских войск, выстроившихся на берегу в ожидании десанта. На глазах Чайки в мгновение ока начался пожар в гавани, который перекидывался с одного корабля на другой, грозя вскоре доползти и до их корабля, где уже вовсю шла драка с римскими морпехами.

– Ганнибал меня убьет, – выдохнул Федор, поняв, что он натворил, увлекшись преследованием, – римляне решат, что это нападение на сам Рим.

Он вынул фалькату из ножен и, сдергивая с ограждения щит, добавил вслух, окончательно убедив капитана в его догадках:

– А впрочем, так оно и есть. Отступить поздно, да и не затем я сюда пришел.

И с воплем «За Карфаген!», получившем теперь новое звучание, бросился в атаку. Очистив после жестокой схватки свой корабль от римских легионеров, – к удивлению их центуриона, на корабле Чайки оказалось столько солдат, что хватило на оказание сопротивления сразу двум римским, – он все же приказал отступить. Флагман был надежно пригвожден к взявшим его на abordаж квинкеремам, одна из которых уже полыхала, съедаемая пламенем. Рядом горела еще одна. Дым от пожара заслонил небо над гаванью, не позволяя Чайке понять, куда увезли его беглецов и семью, поэтому он перевел своих людей на другой корабль, а оттуда на берег, где уже высадили десант несколько финикийских кораблей. На берегу тоже шла жестокая драка с легионерами, которых здесь было множество. Но и Чайка отправился в плавание не с пустыми руками.

Он устроил свой временный штаб в одном из каменных домов на холмистом берегу, посреди захваченного плацдарма, откуда открывался вид на город и разгоравшееся

сражение. Сначала бой шел только на побережье, но понаблюдав за стихийно возникшими событиями, Федор решил исправить оплошность, придав ей вид заранее спланированного нападения.

– Захватить город, – приказал Федор, и пояснил, окружавшим его офицерам, – будем держать до подхода основных сил.

Увидев первые успехи своих солдат, медленно, но верно оттеснявших легионеров все дальше от берега, Чайка отдал новое приказание:

– Немедленно отправить сообщение Ганибаллу самой быстроходной триерой о том, что произошло.

А про себя подумал, невольно усмехнувшись, – «Пусть знает, что штурм Рима уже начался».

Ожесточенное сражение продолжалось и к ночи, превращенная в один большой костер, Остия пала. Федор высадил на берег всю свою армию, оставив на кораблях лишь небольшое количество морпехов. А затем обыскал весь город, лично обследовав все уголки от полностью выгоревшего порта, где нашел свой конец римский флот, до дальних окраин. Но, никаких следов Марцелла и беглецов не нашлось. Решив, что они уже скачут по направлению к Риму, Федор неожиданно быстро смирился с этим, поскольку, как он не хотел продолжить преследование, сделать этого он не мог. Его стремительное нападение неожиданно обернулось грандиозной удачей, – морские ворота Рима оказались в его руках. И поневоле приходилось вступать в роль коменданта захваченного города и командира небольшой армии, дерзнувшей без подкреплений атаковать все легионы, собравшиеся вокруг Рима.

– Уверен, завтра они будут здесь, – заявил Чайка своим офицерам, – поэтому нам нужно успеть подготовить им теплый прием.

Отдав приказание закрепиться, Чайка разослал отряды разведчиков по окрестностям, ожидая нового нападения римлян, которые должны были обязательно попытаться отбить Остию. До утра, однако, нападения не произошло. Похоже, римляне были ошеломлены столь стремительным нападением и решили, что у Федора гораздо больше сил, чем было на самом деле. Чайка был рад выигранному времени, но не забыл приказать следить также за морем. Римский флот сгорел, но кораблей у сената было много, мало ли что оттуда могло появиться.

И действительно, наутро Чайку разбудил охранник с сообщением о неизвестных кораблях, появившихся на горизонте. Озадаченный Федор вышел на берег, увидев, как с моря приближается большой флот. К Остии, не таясь, подошли почти сорок триер и штук пятнадцать квинкерем, на палубах которых было черно от панцирей пехотинцев. Приглядевшись, Федор даже ухмыльнулся.

– Свои, – проговорил он, – Узнаю корабли Ферона.

Это был флот, так вовремя присланный Сиракузами. Союзные греки заблокировали все подступы к дельте Тибра. Так, что ни один римский корабль больше не мог ни выйти по нему в море, ни войти в него. Теперь Федор мог не беспокоиться о внезапном нападении с моря. Это избавило Федора от одной головной боли, но оставалась другая, – легионы на суше.

– Тебя послали мне боги! – приветствовал Федор главнокомандующего греческим флотом, который на этот раз прибыл на войну лично, не отправив вместо себя Евсида.

– Боги сказали мне, что ты в одиночку решил взять Рим, – ухмыльнулся в ответ мудрый грек, тряхнув седой бородой, – а я слышал, что эта задача не под силу одному воину, даже такому славному как ты.

И добавил, указав назад, где с приставших кораблей, от которых стало тесно на берегу, спускалась по сходням десятками ручейков греческая пехота, сверкая на солнце золотом шлемов.

– Сиракузы прислали тебе помощь, Чайка.

– И я с благодарностью принимаю ее, – слегка поклонился Федор, осматривая гоплитов, которых тут набралось на пару хилиархий, – вместе мы разобьем легионы римлян,

сколько бы их тут ни было, и продержимся до подхода Ганнибала.

– Он уже спешит сюда по Аппиевой дороге, – заявил Ферон.

– Это тоже шепнули тебе боги? – улыбнулся Чайка, поправляя шлем, – ну, как бы там ни было, пора заняться войной. Скоро здесь будут римляне.

Разведчики сообщили Федору, что со стороны Рима к нему приближаются легионеры, но они находились еще на значительном расстоянии. За эту ночь сенат не предпринял сколько-нибудь активных действий, чтобы освободить Остию. Федор не знал, но догадывался, что виной тому могли быть действия, предпринятые одновременно с ним самим Ганнибалом, двинувшим войска по Аппиевой дороге и наступление кельтов, начавшееся на севере Италии. «Он еще что-то говорил про македонцев, – припомнил Чайка, – и осадный обоз Архимеда».

– Кстати, – уточнил Федор у греческого военачальника, стоявшего рядом с ним, – вы с собой случайно не захватили обоз с катапультами Архимеда? Ганнибал говорил мне о нем.

– Мы слишком быстро отплыли, – извинился Ферон, и указал на два длинных судна, почти лишенные надстроек, – поэтому смогли захватить только два орудия. Остальные везут по земле в обозе солдаты Атарбала.

«По одной катапulte на корабль, – кивнул Федор со знанием дела, – значит, у меня уже есть два осадных орудия. Великолепно. С этим можно и войну начинать».

– Я не буду ждать римлян здесь, – сообщил Федор греку свое решение, – они подарили мне почти день, поэтому я выступлю к ним навстречу и разобью на подступах к Остии. А если что, ты удержишь город.

– Возьми с собой половину моих воинов, – предложил Ферон, – под командой Евсида.

– Так он тоже здесь? Хорошо, – кивнул Федор, – Выступаем немедленно.

После высадки на берег, под командой Чайки находилось почти пять тысяч человек из ливо-финикийских пехотинцев, целый легион. А с прибытием греков стало почти два. Забрав две трети своих сил он, выступил в поход, не желая сидеть на месте, ведь каждый шаг приближал его к цели. К Юлии и сыну, освобождение которых теперь было неразрывно связано с захватом и уничтожением Рима. Федор давно поклялся себе, если Марцелл тронет, хоть волос на голове его семьи, сенатору не жить. Дело осталось за малым, – взять Рим.

За несколько часов Федор поднялся вверх по Аппиевой дороге до небольшого перевала, с которого открывался вид на длину Тибра. Самого Рима было еще не видно, зато был отлично виден акведук, венчавший дальний конец долины, по которому с окрестных гор в Рим текла свежая вода. Осматривая подступы, Федор вновь скользнул взглядом по отличной мощеной дороге, петлявшей по холмам, – много лет назад он не один раз ездил по ней на виллу Марцелла. Сначала чтобы увидеть Юлию и влюбиться, а потом, чтобы сбежать от погони в Карфаген. «Да, много воды утекло, – подумал Федор, вытирая пыль с лица, и поглядывая на такой близкий акведук, – а неплохая цель для моих орудий. Пожалуй, катапульты Архимеда должны справиться с этой каменной кладкой».

Пока Федор, которому не давал покоя опыт подземной войны Карфагена, размышлял о том, как все просто можно устроить с этим акведуком, – не нужно было даже лезть под землю, подтягивай орудия и долбай до тех пор пока не развалиться, – появились римляне. Сначала на дороге, выходящей из-под акведука, показалась конница, катафрактарии в кирасах, за которыми печатали шаг легионеры. Солдаты Рима шли боевым строем, готовые с ходу вступить в бой.

– А вот и наши друзья, – проговорил Чайка, осматривая позицию для битвы, – мы успели как раз вовремя.

– Это верно, – согласился Летис, который вновь был рядом с ним, как и Урбал, – с этой высоты нас будет трудно сбросить.

– Вот и займись этим, – приказал Федор, поручив своим друзьям сдерживать первый удар катафрактариев. Сам он на этот раз остался в наблюдателях, предоставив действовать Летису и Урбалу. Людей у него было достаточно. Разглядывая подступы, Федор заметил еще несколько тропинок ведущих сквозь заросли в долине, и у него родилась мысль, к которой

он решил привлечь греков, тут же приказав вызвать к себе Евсида. Воины Сиракуз замыкали колонну.

Пока Летис выстраивал пехотинцев, римляне уже показались внизу холма. Сколько их пришло было не ясно, однако широким строем наступать здесь было невозможно, поэтому, будь их даже втрое больше, – в чем Федор сомневался, – численное преимущество сводилось к нулю. Когда катафрактерии налетели на первые шеренги пехотинцев Урбала и завязалась драка, Федор, расположившись на вершине холма, уже беседовал с Евсидом, смотревшим на него сквозь узкие прорезы шлема.

– Видишь вот эту тропинку, – указал Федор в сторону реки, – она идет вдоль холма, незаметно спускаясь к воде. Попробуй обойти римлян вдоль Тибра и ударить в тыл, но будь осторожен, они сами могут использовать ее для скрытого нападения.

– Не беспокойся, Федор, – ответил грек, – даже если я повстречаю римлян на тропе, никто из них не вернется обратно.

Вторую часть солдат Евсида они решили направить в обход по другому краю долины, верхом, чтобы напасть на римские фланги с холмов. Позиция позволяла предпринять такой маневр. Но и здесь Федор ожидал встречных действий от командира римского легиона. Предводитель армии Сиракуз, не сказав больше ни слова, увел половину своих людей вниз, а другую отправил кружным путем наверх, назначив командира из своих заместителей.

– Ну что же, – подумал вслух Федор, когда греки были уже в пути, – если маневр не увенчается успехом, то хотя бы будем знать, что нас не смогли обойти.

Битва, между тем разгоралась. Катафрактерии предприняли несколько безуспешных атак пробить строй карфагенской пехоты, и, потеряв человек двадцать отошли назад. Ливийцы удержали Аппиеву дорогу. Тогда в бой вступили легионеры, по всем правилам римской тактики, нанеся мощный удар в центре. Со своего наблюдательного поста Чайка видел, как сражался Урбал, ловко орудуя фалькатой, и как Летис крошил римские черепа, обрушивая свой исполинский клинок на вражеские головы. Благодаря своему росту, он был виден издали и римляне старались убить его быстрее всех, приняв за командира. Чайка даже начал переживать за друга, когда римские щиты попытались сомкнуться в линию вокруг Летиса, но этому помешал Урбал, вовремя предпринявший контратаку. Наступление легионеров, сумевших оттеснить порядки карфагенян метров на двадцать вверх по склону, забуксовало.

Вскоре Федор услышал новые крики, сопровождавшиеся звоном оружия. Все это доносилось из зарослей с берега Тибра. Там, меж кустов и деревьев, он разглядел рыжие панцири легионеров вперемешку с черными греческими.

– Значит, я не ошибся, – похвалил себя вполголоса Чайка, заметив, как дрогнули порядки римлян, поняв, что их обходной маневр не удался, – нас попытались обойти. А что там, на правом фланге?

Там пока была тишина. Однако вскоре и оттуда послышались крики. Правда, это был боевой клич Сиракуз. Черные панцири пехотинцев показались на холме и острым клином вонзились в бок римского корпуса, растянутого по дороге, почти разорвав его надвое.

– А здесь маневр удался, – констатировал Федор, видя, как дрогнули римляне, оказавшиеся в окружении.

В драку с греками вмешались катафрактерии, стараясь локализовать прорыв, но всадников было немного. Чайка немедленно ввел в дело свои резервы и вскоре римляне были вынуждены отступить, усеяв трупами Аппиеву дорогу, а Федор последовал за ними, вытеснив легионеров из этой долины и закрепившись на новой высоте.

Оттуда он отправил послание Ферону, приказав доставить на судах по Тибру две катапульты Архимеда и собрать их напротив акведука. Он нашел достойную цель для этих гигантских творений великого механика.

До вечера римляне предприняли еще одну новую атаку, но и ее Федор отбил. А тем временем прибыли корабли с катапультами и командами мастеров для их сборки. Также на этих суда приплыли артиллеристы. Кроме того Ферон выслал шесть триер для охраны

ценного груза. Увидев это, Федор, сначала отказавшийся от идеи использовать крупный флот на Тибре, передумал и тотчас решил задействовать корабли греков для продвижения своей армии к Риму не только по суше, но и по воде. Так было надежнее. В этом течении Тибр был еще судоходен, поэтому можно было использовать даже триеры. Вот дальше начинались сложности, – мели, пороги. Но пока триеры могли оказать неоценимую помощь.

Федор оказался провидцем. Не успел он собрать катапульты, выглядевшие как две гигантские птицы, усевшиеся на вершины холмов напротив акведука, как на реке появились римские биремы. Они попытались высадить десант и уничтожить угрозу своим коммуникациям, но греки их вовремя перехватили. Бой на реке еще не закончился, а в небо уже полетели первые камни, стащенные со всех окрестностей для того, чтобы «накормить гигантских птиц».

Чайка оставался на этом рубеже три дня, отражая все попытки римлян проникнуть к Остии по земле и по воде. Драка на холмах был жаркой, он потерял половину своих людей, но римлян не пропустил, ни на шаг. За это время катапульты Архимеда развалили акведук в двух местах, повредив его глиняную начинку, и вода с гор, смешиваясь с грязью на склонах холма, мутным потоком потекла в Тибр.

На четвертый день Федор получил известие, что по дороге вдоль берега моря, разбив на подступах последние заслоны римлян, к Остии подошла колонна ливийцев Атарбала. В этом «отряде» насчитывалось десять тысяч отборных бойцов, третья часть которых служила под началом Атарбала еще с начала италийского похода.

– Ну, теперь пойдет дело, – обрадовался Федор, просто изнывавший от желания быстрее приступить к стенам огромного города, но не имевший на это сил, заметив колонну ливийцев, поднимавшуюся по Аппиевой дороге.

Однако, все произошло не так быстро. В Риме и на подступах к нему, по данным разведки, скопилось почти сорок тысяч легионеров, – все, что осталось от мощи Рима после нескольких сокрушительных поражений к ряду. Многие бывшие союзники, ставшие таковыми в силу римских законов, перешли на сторону Ганнибала, предпочтя этот новый союз своим обязательствам защищать Рим силой оружия. Слишком долго они терпели гнет местных сенаторов, не позволявших им даже глотка свободы. До Федора доходили слухи и о восстаниях рабов, из которых здесь даже формировали отдельные легионы, обещая свободу в случае победы. В общем, Рим был похож на издыхающего хищника, у которого еще оставались силы. Поэтому быстрое продвижение с юга армии Ганнибала забуксовало на подступах к Риму, где он столкнулся с ожесточенным сопротивлением.

Похожая ситуация складывалась и на севере, где кельты схлестнулись с консульской армией, прикрывавший Фламиниеву дорогу, по которой они могли быстро достичь «Вечного города», стоявшего на краю гибели. Кельты почти разбили ее в двух грандиозных сражениях, но римляне не отступали, предпочитая умирать. «Скорей бы уж скифы подошли, – вспоминал Федор о словах Ганнибала, получая сводки с фронтов в штабе Атарбала, куда непрерывно прибывали гонцы, – с конницей оно быстрее пойдет».

Непрерывный бой за Рим продолжался уже целый месяц. Но, Ганнибал и слушать не хотел о длительной осаде, – только штурм, который закончится победой. Ресурсов на это новый хозяин Италии, владевший уже большей ее частью, не жалел.

Ближе всего финикийцы подобрались к Риму с юга и запада. Вскоре, спустя еще несколько дней, конница Магарбала перерезала сообщение Рима с Тибуром и Корфинием, перекрыв ведущую в северо-восточном направлении, почти поперек полуострова, Валериеву дорогу. Вскоре пришли сообщения, что на северные рубежи прибыли войска скифов и наступление кельтов приобрело большую скорость. Римляне отходили все ближе к своей столице, кольцо вокруг которой сжималась все плотнее. Настал день, когда войска Ганнибала вышли на рубежи, с которых открывался вид на обреченный город.

Федор, командовавший отдельной армией из восьми тысяч пехотинцев, которым была придана легкая нумидийская конница под началом его старого знакомого Угурты, в этот момент оказался неподалеку от местности, в которой располагалась вилла сенатора

Марцелла. Рядом находился участок фронта, которым командовал Атарбал.

Едва узнав о том, что вилла поблизости, Чайка не смог устоять от искушения посетить ее снова, хотя и был уверен, что сенатор уже давно скрылся в Риме. Взяв с собой пятьсот человек, – все-таки фронт проходил совсем близко, а от римлян можно было ожидать вылазки в любое время, – он прибыл к месту своей встречи с Юлией.

Вилла сенатора неожиданно произвела на Федора гнетущее впечатление. Несмотря на мраморные ступени лестницы, статуи богов и позолоту, украшавшую почти все заметные детали дома, было видно, что она уже побывала ареной боев. Кое-где виднелись следы пожара на окнах и стенах, двери были выломаны, но изящная решетка ворот уцелела, как и статуи. Вилла была покинута хозяевами, а зайдя внутрь, Чайка обнаружил следы грабежа. Мародеры сюда уже наведывались, пользуясь тем, что у дома нет пока нового хозяина. Стоя на ступенях атрия, Чайка вдруг разозлился. Но, не на ее бывшего хозяина, а на тех мародеров, которым было наплевать на то, что в этом доме он, Федор Чайка встретился со своей возлюбленной и провел здесь лучшие дни своей жизни.

Он быстро покинул дом, а, уже оказавшись в седле, сухо приказал своим пехотинцам.

– Имение сжечь!

И покинул его через парадные ворота. Когда он возвращался к своим войскам, стоявшая на холме вилла, окруженная полями и огромным живописным парком, уже пылала. Пожар было видно издали. «Пусть полюбуется, – подумал Федор, – вдруг он сейчас смотрит сюда».

С позиции, которую занимали войска Чайки, огромный город, рассыпанный по семи холмам, был виден хорошо. Вдалеке за Тибром, за поднимавшимися кое-где дымами пожаров угадывались холмы Яникул и Ватикан. Воины Чайки заняли подступы к городу вблизи холма под названием Капитолий, рядом с ним находился соседний холм Палатин, напротив которого были расквартированы воины Атарбала.

Охватив город с юга, Ганнибал, чередовал штурмы его укреплений с разрушительными обстрелами осадной артиллерией. Гигантские катапульты Архимеда, прибывшие вместе с внушительным осадным обозом, он приказал распределить между армиями, ближе всех подошедшими к стенам Рима. Чайке досталось шесть таких «монстров». Убедившись в их «огневой мощи» еще на примере уничтожения акведука, Федор и здесь установил их в непосредственной близости от укреплений и поручил артиллеристам пробить себе проход для армии сквозь башни и ворота противника. Кроме того, две катапульты он пристроил напротив еще одного акведука, задавшись целью оставить Рим без воды.

Когда осадная артиллерия Ганнибала заработала по всему южному фронту, защитники пришли в ужас. Огромные глыбы проносились над позициями легионеров, методично разрушая дома, стены и башни. Чайке даже не нужно было ходить в атаку, чтобы прорвать брешь в обороне, стоило лишь немного подождать, и стены рухнут сами. Эти изобретения Архимеда наносили столь большой урон, что римляне не раз пытались их уничтожить во время своих вылазок. Чайка выставил крепкую охрану у своих орудий, но три катапульты римлянам все же удалось уничтожить за последние пять дней.

Однако, в это же время, орудия почти полностью развалили акведук. А затем и ближние укрепления, открывая беспрепятственный путь войскам Чайки вглубь капитолийского холма. Вскоре в огромном городе, отрезанном от снабжения, начались перебои с едой, а когда были разрушены три соседних акведука, то и с водой. Лазутчикам даже удалось поджечь несколько кварталов, в которых начались пожары.

После осмотра разрушений, на совете было решено начать мощное наступление на капитолийском и палатинском холмах. Сделать это предстояло одновременно силами Чайки и Атарбала.

– Катапульты Архимеда свое дело сделали, – проговорил Ганнибал, склонившись над подробной картой Рима, – кельты и скифская конница на подходе. Но, мы не будем их ждать. Начинаем завтра же на рассвете, силы противника на исходе. Еще один мощный удар и оборона будет сломлена. Тебе, Атарбал, нужно пробить проход вот здесь, в направлении

храма Юпитера Капитолийского. А ты, Чайка, ударишь к нему навстречу, вот сюда, через районы, прилегающие к цирку, в сторону могилы Ромула.

Чайка кивнул, присмотревшись к своему пути, который пролегал через тот квартал, в котором находился римский особняк Марцелла, где, как подозревал Федор, тот сейчас мог держать заложников.

– А как же здание сената? – слегка удивился Федор, – там будет самое жестокое сопротивление. Да и сенаторы наверняка теперь проводят там все свое время, принося жертвы и моля богов даровать им скорую смерть.

– Это направление я возьму на себя, – успокоил его Ганнибал, – мне поможет Магарбал со своей конницей. Пришла пора встретиться с римскими сенаторами. Они же так давно хотели меня видеть перед собой.

Раздав указания, Ганнибал распрямился. Его черная с золотом кираса тускло блеснула, отразив огонь свечей.

– Рим должен пасть, – закончил он свою речь.

Удар Чайки был настолько мощным, что легионеры откатились от разрушенных стен почти на несколько кварталов вглубь Рима и только у подножия capitoлийского холма он вновь встретил организованное сопротивление. Это были новые части, еще не принимавшие участия в битве. На пехотинцев Чайки, продвигавшихся сразу по трем улицам к центру города, набросились многочисленные катафрактарии. Своими широкими и длинными мечами эти римские кавалеристы нанесли ему большой урон, ненадолго остановив продвижение. Хорошо организованная римская пехота нанесла ему несколько контрударов, от которых Федор оправился только через пару дней. Однако, он удержал все захваченные районы, как ни старались его противники выбить Федора из римских кварталов и вообще из города.

На соседнем направлении ситуация была похожей. Прорвавшись за стены, Атарбал встретил сопротивление примерно на том же рубеже, что и Федор. Это говорило о наличии у римских военачальников четкого плана обороны города. Лишь сам Ганнибал почти пробился к сенату, да и то был остановлен на подступах. Римляне умирали, но не сдавались.

– Не спасет вас уже ни второе кольцо, – размышлял вслух Федор, разглядывая с крыши баррикады, возведенные легионерами, – ни третье, если оно есть. Все равно вам осталось не долго. Эх, мне бы конницу, а то нумидийцы не справляются.

Это было правдой. Нумидийцы были хороши на просторе, лавой обтекая холмы, но в условиях города, да еще против тяжеловооруженных катафрактариев, были почти бесполезны. Чайка только раз послал их в разведку, – вернулась половина.

– Ладно, итак разберемся, – решил он, отдавая приказ атаковать район, где засели легионеры, не пуская его войска к центру города, – пехотинцы у нас достойные.

В его армии, кроме африканцев, по-прежнему бились греки из Сиракуз. Евсид показал себя не только хорошим мореплавателем, но и прирожденным стратегом на суше. Чайка не раз получал ему рискованные задания. Вот и сейчас, когда разведка донесла, что командный пункт, откуда руководили обороной этого участка, предположительно находится в особняке в дух кварталах отсюда, Федор решил послать туда Евсида.

– Сходи, – попросил его Федор, – разведай, что к чему. Если это правда, то не убивай этого военачальника, а приведи ко мне.

Возобновившееся наступление, между тем опять натолкнулось на ожесточенное сопротивление. «Хороший у них командир, – снова решил Федор, а когда ему доложили, что катафрактарии неожиданным ударом пробились по одной из узких улочек к нему в тыл, добавил, – очень хороший. Надо его быстрее уничтожить, а то задержался я тут».

Однако, эта атака катафрактариев едва не закончилась плачевно для самого Федора. Пока он раздавал приказание пехотинцам, штурмовавшим завалы между домами впереди, отправив их всех под командой Летиса и Урбала в атаку, римские всадники пробились к его походному штабу, неожиданно появившись в непосредственной близости от особняка с

колоннами. Они не считались с потерями, пытаясь добраться до Чайки. А охранников у Федора здесь почти не осталось. Человек двадцать не больше.

– Да этот римлянин просто молодец, – сплюнул Федор, когда ему пришлось взяться за оружие, – решил первым меня убить. Это становится интересно. Посмотрим, чья возьмет.

Три катафрактария, пробившись сквозь строй пехотинцев, направились к Федору, словно знали, кого искать. За несколько мгновений пятеро охранников рядом с ним пали замертво и Чайке пришлось вступить в бой. Он стоял на широкой лестнице особняка с колоннами, поджидая римлян. Одного из них он «снял» метким броском кинжала в шею, вспомнив свои навыки диверсанта. Второго убил лучник, вовремя успевший пустить стрелу. Но третий все же доскакал до ступней лестницы, взлетел на них, сбив конем еще двоих солдат, и обрушил удар своего меча на щит Федора. Щит развалился после первого же удара. Отпрыгнув в сторону, Чайка едва успел пригнуться, как клинок вышиб искры из мраморной колонны. Федор отпрыгнул назад и нанес колющий удар снизу вверх, но катафрактарий был мастером своего дела. Он легко отразил удар и, ловким движением выбил меч из рук Чайки. Обезоруженный Федор отступал между колонн, пытаясь скрыться от всадника, и, краем глаза отметив, что на улице появились новые конные воины.

«Не хватало еще погибнуть в двух шагах от победы», – думал Федор, уходя от очередного хлесткого удара мечом, которым катафрактарий, не обращавший внимания на других финикийцев вновь попытался его достать. Добежав до стены, Федор выпрыгнул из-под колоннады на открытое пространство и, пробежав пять шагов, упал, зацепившись за чье-то мертвое тело. Лежа он нащупал меч, выдернул его из рук мертвеца, приготовившись отразить новый удар. Всадник с мечом в богатых красно-рыжих доспехах уж навис над ним, как рука судьбы. Но, неожиданно в воздухе что-то промелькнуло, и он вылетел из седла, выброшенный мощным толчком. Чайка резко вскочил и бросил на катафрактария затравленный взгляд, – уж больно этот неистовый римлянин загонял его, – но, тот был мертв. Из груди торчало длинное копьё, с широким наконечником... Таких здесь не делают, не здешнее это было копьё, Федор понял сразу.

Драка закончилась, никто на него не нападал, но улица еще была полна всадников. Федор поднял меч, посмотрел на конных воинов, остановившихся у входа в особняк, и лишь потом с облегчением выдохнул: «скифы».

– Так вот ты как без меня воюешь, – заявил ему белобрысый воин, резко выделявшийся на фоне остальных бородачей, в чешуйчатых панцирях, – за тобой недосмотришь, так ты решишь и с жизнью расстаться. Не торопись, сержант.

– Леха, – улыбнулся Федор, распрямляя спину и расслабляясь, – как ты вовремя, брат.

В этот момент он увидел, как мертвый катафрактарий пошевелился. Федор в изумлении посмотрел на него: это был молодой на вид воин. Он истекал кровью, но еще не умер. Федор нагнулся к умирающему, и спросил по-латыни:

– Ты кто? Кто тебя послал?

На пороге смерти римлянин не стал темнить.

– Меня зовут Катон⁷...

– Как?!!! – не поверил своим ушам Федор.

⁷ Катон (годы жизни: 234–148 до н. э). Этого известного римского деятеля обычно называли Катон Старший (M. Porcius Cato), в отличие от Катона, современника Юлия Цезаря. У римских писателей его также называли Цензором (Censor). Катон старший представлял собой очень значимую фигуру Древнего Рима как государственный деятель и как писатель. Происходил из плебейского рода Порциев, родоначальник которого, по всей вероятности, занимался разведением свиней (porcus). Катон Старший родился в 234 г до Р. Хр. (520 от осн. Рима) в Тускуле. В юности занимался сельским хозяйством. Затем сделал головокружительную карьеру, став сенатором. Будучи еще семнадцатилетним, Катон сражался в армии Рима против Ганнибала, имел множество ран. Катон прославился непримиримой враждой к Карфагену, разрушения которого он требовал на каждом заседании сената до конца жизни. Всем известно его изречение, которым он заканчивал каждую свою речь в сенате: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» – «Карфаген должен быть разрушен». Так и случилось, но самому Катону не суждено было дожить до осуществления своего желания.

- Я послан за тобой Марцеллом...
- Где он? – тряхнул его Федор.
- Рядом, – ухмыльнулся умирающий, закатывая глаза, – он скоро найдет тебя...
- Я не буду ждать, – ответил Федор уже мертвецу, – и нанесу ему ответный визит.

А посмотрев на труп молодого Катона, подумал: «Хороший знак. Теперь мир точно никогда не получит Римской империи». Все еще ошарашенный от того, чью жизнь они только что забрали, Федор встал. Отбросил римский меч и разыскал глазами свою фалькату. А, когда нашел, вновь вложил ее в ножны. Выжившие охранники собрались вокруг него. «Вот тебе урок, Чайка, – сказал он сам себе, глядя на горстку пехотинцев, – не оставляй штаб без прикрытия. Сам виноват, Нечего было всех на штурм отправлять».

– Куда собрался? – поинтересовался Леха, подъезжая к нему на коне, – может, подбросить до центра?

Федор невольно рассмеялся. Он ждал скифов, но в глубине души и не надеялся, что пришло именно Ларина. Оттого ему было еще радостней. Но, радость встречи отравляло только беспокойство о Юлии и ребенке, которые были все еще в руках Марцелла.

В этот момент у штаба появились гоплиты Евсида. Один из них приблизился к Федору и, поглядывая на скопление неизвестных всадников, посматривавших на него недобрыми глазами, вполголоса сообщил:

- Мы окружили дом, в нем заперт Марцелл и он требует вас. Евсид ждет.
- Вот уж точно, судьба, – проговорил Федор, разыскивая свой шлем, который слетел с головы во время бегства от Катона.

Разыскав и надев шлем, он вновь посмотрел на мертвое тело несостоявшегося разрушителя Карфагена и произнес, глядя на своего друга:

- Эх, Леха, если б ты только знал, какую услугу оказал сейчас Карфагену!

Ларин выпрямился в седле, с непониманием посмотрел на убитого им римского катафрактария, и ответил:

- Да брось ты, сержант. Обычно дело. Я просто спасал тебе жизнь.
- Тогда двигай за мной вместе со своими бойцами, – вновь стал серьезным Федор, разворачиваясь в сторону центра, – осталось закончить последнее дело. Самое важное.

Это действительно был особняк Марцелла. Новый удар пехотинцев Федора Чайки оказался победным и мгновенно выбил римлян с занимаемых позиций. Правда, ему самому едва не стоил жизни. Легионеры отступили к центру города. Особняк, откуда все это время руководили обороной квартала, остался на захваченной финикийцами территории. Приблизившись по камням мостовой, Федор разглядел, что шикарное трехэтажное здание находилось в окружении небольшого парка, который мог себе позволить в Риме, только очень богатый человек. Охранявшие дом легионеры сражались до последнего, но погибли почти все. Дом был окружен гоплитами Евсида, подросли и пехотинцы Чайки, но греки не пускали их в дом.

– Что случилось? – спросил Федор, появляясь у входа в сопровождении солдат и скифских всадников.

– Мы захватили дом, – проговорил Евсид, отводя Федора в сторону, чтобы остальные не слышали их разговора, – но, Марцелла я не смог захватить. Он заперся на втором этаже вместе с несколькими легионерами и крикнул мне, что у него твоя семья. Он знает, что ты здесь.

– Чего он хочет? – напрягся Федор, поднимая глаза к окну, в котором маячил римский легионер.

- Поговорить с тобой, – ответил Евсид, – поэтому я отложил штурм.
- Благодарю, – ответил Чайка, – ты правильно поступил.

В сопровождении Ларина он поднялся по широкой мраморной лестнице на второй этаж со странным ощущением спокойствия, словно уже избавился ото всех проблем. Приказав солдатам оставаться на местах и не вмешиваться, Чайка постучал в дверь.

- Ты хотел меня видеть, – сообщил он Марцеллу, – я здесь.

Тяжелая дубовая дверь в парадный зал приоткрылась.

– Заходи один, – крикнул ему Марцелл, из дальнего конца зала, – нам нужно решить наши дела. Если кто-нибудь попытается войти с отбой, я убью свою дочь. Ты знаешь, мне терять нечего, я смерти не боюсь, а вот тебе...

Федор вздрогнул при этих словах.

– Я с тобой пойду, – прошептал Леха на ухо другу, но Чайка сделал отрицательный жест рукой.

– Это мое дело, – ответил он, – я справлюсь.

– Удачи, сержант, – напутствовал Ларин друга, поняв, что препирательства бесполезны, – если что, я рядом.

Когда Федор вошел в зал, где все было разгромлено, то дверь за ним сразу же захлопнулась. За спиной возник легионер с коротким мечом, приставив его к спине Чайки. Седовласый Марцелл, в белой тунике и накинутой поверх нее тоге, украшенной пурпурной полосой, находился у дальней стены, сидя на раззолоченной скамье. Рядом с ним, сидел бледный Бодастарт, боясь шелохнуться. Юлия была в двух шагах, ее привязали к креслу так, что она не могла двинуть ни рукой, ни ногой, изо рта у нее торчала цветная тряпка. Она лишь замычала и задергалась, когда Чайка появился в зале. Рядом с ней находилось еще двое легионеров, один из которых поглядывал в окно.

Увидев Юлию в таком состоянии, Федор едва не потерял самообладание, сделав шаг вперед. Марцелл схватил свой меч, лежавший у него на коленях, и приставил лезвие к горлу Бодастарта.

– Еще шаг и я убью твоего щенка, – пообещал он, – а потом и ее.

– Тронешь его, и я тебе горло перегрызу, – тихо пообещал Федор, останавливаясь.

– Избавь его оружия, – приказал Марцелл головорезу, стоявшему за спиной вошедшего.

Легионер отстегнул от пояса фалькату и бросил ее на пол. Тяжелый клинок с грохотом упал, заставив Бодастарта дернуться, а Федора вздрогнуть, – на шее у его сына появилась тонкая алая полоска после того, как он коснулся приставленного к горлу меча.

– Царапина, – успокоил его Марцелл, чуть отодвигая меч, и злобно хохотнул, – парень слишком нервный. Бойтесь своего деда.

Увидев кровь на горле сына, Юлия застонала и лишилась чувств, а Чайка едва не закипел, но сдержался, позволив лишиться себя кинжала на поясе и второго, в ножнах на ноге. Теперь он был безоружен, если не считать узкого лезвия, перекочевавшего из его кожаных наручей в правую ладонь еще в тот момент, когда он входил в комнату.

– Ты хотел поговорить со мной, – напомнил Федор, не сводя глаз с Марцелла, – говори. Только убери свой меч от горла моего сына. Зачем звал?

Сенатор выдохнул, но меч опустил. Более того, он даже встал и приблизился к Чайке, не обращая больше внимания на Бодастарта.

– Я позвал тебя, потому что знал, ты придешь, – плотоядно ухмыльнулся Марцелл, и взмахнул рукой, словно призывал Федора посмотреть на панораму грандиозного города, тонувшего в крови, – Риму конец, это понимаю даже я, который всегда верил в то, что его можно отстоять.

Он помолчал, слегка поигрывая мечом.

– На этот раз Ганнибал победил. Но, тебе я не доставлю такого удовольствия.

Марцелл вперил тяжелый взгляд в Чайку.

– Я тебя ненавижу. Ты исковеркал мне всю жизнь, соблазнив мою дочь. Убил зятя и уже много лет стоишь у меня на пути. Теперь мой путь окончен, но и твой, тоже. Я вызвал тебя, чтобы убить.

Марцелл слегка опустил меч, и, обернувшись назад добавил, показав на бесчувственное тело Юлии и полуживого от страха Бодастарта.

– Сначала я заколю тебя, а потом и ее вместе с отродьем, – она мне давно не дочь, раз влюбилась в предателя. Пора закончить все это.

– Ты прав, – ответил Федор, уже принявший решение, – Пора.

Легионер, приставивший к его спине клинок, чуть ослабил нажатие, услышав о том, что Марцеллу наплевать на то, что будет с ними, и Федору этого хватило. Чайка знал, что быстро проткнуть без замаха его собственный доспех римлянину будет нелегко, а это значит, – у него есть не более двух секунд на все. Когда клинок отошел на пару сантиметров, Федор резко согнул правую руку и бросил локоть назад и вверх заученным движением, – легионер проглотил кадык. Увидев, словно в замедленной съемке, как Марцелл поднимает меч, Чайка выбросил руку вперед и всадил узкое лезвие в правый глаз сенатору. Марцелл и охнуть не успел, как был уже мертв. Он упал на колени и рухнул лицом на белый мраморный пол. Последнее, что запомнил о нем Федор, это фонтан крови, брызнувший ему на грудь из опустевшей глазницы и большая темная лужа на полу зала.

– А я хотел дать тебе покончить с собой, – с сожалением проговорил он, подхватывая с пола фалькату.

С двумя оставшимися легионерами он разделался как во сне. Пара отточенных расчетливых движений и оба лежали на полу, с рассеченными головами. Отбросив фалькату, Федор подхватил на руки сына и ошупал, покрывая поцелуями. Тот был цел и невредим, если не считать царапины чуть пониже кадыка. «Надо быстрее унести отсюда Юлию, – решил он, срезая кинжалом путы с бесчувственного тела, – не нужно ей этого видеть».

Рим пал на следующий день. Скифская конница и накатившаяся с севера лавина кельтов предали город огню и тотальному разрушению, после того как Ганнибал пленил всех сенаторов и велел распять их, как рабов, вдоль Аппиевой дороги. Всех до единого, и властителей Карфагена и бывших хозяев Рима. Чайка видел труп Магона на столбе, но последние дни настолько иссушили его душу, что он не вызывал у него никаких чувств. Федор долго стоял и смотрел вверх на тело человека, который едва не лишил его семьи и не смог найти в себе ненависти, чтобы кинуть в него камень.

Ганнибал поручил Чайке отправиться в Остию, куда прибыл посланник его брата из Испании, чтобы торжественно встретить и сообщить, – новый хозяин Карфагена, Италии, Испании и Сицилии уже отбыл в Тарент, не дожидаясь пока утихнет пожар и остынет пепелище на месте некогда огромного города. Федор тоже не мог больше видеть эти руины, из которых понимались, словно мертвые динозавры, остатки обгоревших акведуков, и с легким сердцем отправился к морю, в сопровождении семьи, которую хотел увести подальше от этих мест. Его сопровождал отряд помпезных всадников Магарбала и еще три сотни скифских, во главе с Лехой Лариным.

К счастью, Чайке удалось быстро расправиться с дипломатическим поручением. Узнав о том, что Ганнибала здесь нет, корабль с посланником немедленно покинул лежавший в руинах порт и направился вдоль побережья Италии в Тарент. У него было какое-то срочное сообщение, но Чайку это уже не интересовало. Рим был уничтожен, семья спасена, остальное не важно.

Тем же вечером, поместив Юлию с сыном в одном из сохранившихся домов, он сидел вместе со своим лучшим другом на террасе и смотрел на медленно опускавшееся за горизонт оранжевое солнце. Еще немного и оно должно было коснуться воды где-то там, за краем обитаемого мира, по которому плыла одинокая лодка.

Они пили вино, думая каждый о своем. Влив в себя уже третий кувшин подряд, Федор, наконец, немного, расслабился. Он поймал себя на мысли, что ему надоело воевать и вдруг очень захотелось отправиться в какое-нибудь далекое путешествие. Хоть бы и за край того самого мира. Посмотреть, как там живут.

– Что дальше, командир? – хлопнул его по плечу Ларин, выводя из задумчивости, – Рим взяли. Империи, говоришь, не будет. А мы с тобой как?

– Подожди, – ответил ему Федор, прислонившись спиной к теплым камням террасы, – дай сначала вино допить. Там видно будет.

Санкт-Петербург, 2010